

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

**КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА
имени В. И. ВЕРНАДСКОГО**

**ФИЛОСОФИЯ
ПОЛИТОЛОГИЯ
КУЛЬТУРОЛОГИЯ**

Научный журнал

Том 8 (74), № 3

Журнал «Ученые записки Крымского федерального
университета имени В. И. Вернадского»
является историческим правопреемником журнала «Ученые записки
Таврического университета», который издается с 1918 г.

**Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь, 2022**

Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Крымский Федеральный Университет им. В.И. Вернадского».

Регистрирующий орган – Роскомнадзор.

Печатается по решению Ученого совета Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, протокол № от 2022 г.

Главный редактор – А.В. Карабыков, д-р филос. н., доц., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)

Заместители главного редактора:

А. Н. Володин, канд. культурологии, доц., КФУ им. В. И. Вернадского (культурология);

Н. В. Киселева, канд. полит. н., доц., КФУ им. В. И. Вернадского (политология).

Редколлегия:

И. А. Андриющенко	к. культурологии, доц., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
И. С. Бакланов	д-р филос. н., проф., СКФУ (Ставрополь)
А. В. Бедрицкий	к. полит. н., директор Таврического информационно-аналитического центра (ТИАЦ)
О. А. Габриелян	д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Д. В. Гарбузов	д-р филос. н., доц., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
О. А. Грива	д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Ю. М. Коротченко	д-р филос. н., доц., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
Г. В. Косов	д-р полит. н., проф., СевГУ (Севастополь)
С. А. Маленко	д-р филос. н., проф., НГУ им. Ярослава Мудрого (Великий Новгород)
П. Г. Носачев	д-р филос. н., доц., ВШЭ (Москва)
Л. Т. Рыскельдиева	д-р филос. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
М. Г. Федотова	д-р филос. н., доц., ОмГТУ (Омск)
А. А. Хлезов	д-р филос. н., проф., СевГУ (Севастополь)
А. В. Швецова	д-р филос. н., проф., КУКИИТ (Симферополь)
М. А. Шепелев	д-р полит. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)
О. Б. Элькан	д. искусствовед., доц., КУКИИТ (Симферополь)
С. В. Юрченко	д-р полит. н., проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)

Ответственный секретарь: Ю. В. Норманская, к. культурологии, КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)

Ответственный за выпуск: Ю. В. Норманская, к. культурологии, КФУ им. В. И. Вернадского (Симферополь)

Технический секретарь: А. К. Оруджева

Адрес редакции:

295007, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Ялтинская, д. 20, корп. 2, ауд. 308

Тел.: +7-978-105-60-57; Факс: +7 (3652) 54-52-46

E-mail: vernadskiana@yandex.ru Сайт: <http://sn-philcultpol.cfuv.ru/>

Журнал включен в перечень ВАК под № 2169 от 20.07.17.

Подписано в печать:

Формат 70x100 1/16 10 усл. п. л. Заказ № НП/78 Тираж: 50 экземпляров (бесплатно)
Отпечатано в Издательском доме ФГАОУ «ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского» 295051, г. Симферополь, бул. Ленина, 5/7

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

Свергузов А. Т. Проблема первоначала в структуре «основного вопроса философии».....	4
Лагунов А. А., Семкина Е. Н., Ющенко В. Н. Особенности российского метаэтнического менталитета: методологический эскиз	14
Шматько А. А. Историческое сознание как фактор демифологизации и детравматизации общественного сознания	25
Жульков М. В. Геополитические треугольники в контексте многополярного мира: системный подход.....	33
Миноуг К. Как гибнут цивилизации / пер. с англ. С. Передерия, О. Шевченко.....	50
Суинберн Р. Призвание естественного теолога (<i>окончание</i>) / пер. с англ. А. Карабыкова, Т. Хреновой.....	65

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Леонов И. В., Кириллов И. В. Артефакты с военными «шрамами» и их статус в российской культуре: на примере памятников г. Севастополя и Республики Крым.....	76
Володин А. Н., Курамшина Ю. В. Утопия, досуг и долг: свободное время советских граждан в государственной идеологии (1960–1985).....	89
Храпова В. А., Комова В. А. Бренд как способ формирования культурного статуса города.....	98

ПОЛИТОЛОГИЯ

Габриелян О. А., Гаспарян М. В. Система автоматизированного мониторинга политических интернет-мемов в социальных сетях.....	106
Киселев С. Н. О линии раздела между Россией и Европой.....	122
Ефремова М. С. Базис для новой экологической политики Российской Федерации.....	128

ФИЛОСОФИЯ

УДК 117

ПРОБЛЕМА ПЕРВОНАЧАЛА В СТРУКТУРЕ «ОСНОВНОГО ВОПРОСА ФИЛОСОФИИ»

Свергузов А. Т.

Аннотация: В диалектическом материализме советского этапа развития фактически утверждалось, что содержание «Основного вопроса философии» полностью исчерпывает проблему первоначала. Смысл этой проблемы сводится, по сути, к выбору в качестве первоначала либо материи, либо сознания. В данной статье анализируется это традиционное для диалектического материализма содержание проблемы первоначала. Сложившаяся традиция исключает вопрос происхождения первоначала как бессмысленный, ненаучный. Однако, логически и в свете подхода, обозначаемого как «философии небытия» такая позиция требует пересмотра. Предметом рассмотрения статьи является проблема первоначала в рамках двух подходов - диалектического материализма и «философии небытия». Инструментом анализа является диалектическая методология. Автор обосновывает, что «Основной вопрос философии» помимо традиционного содержания непосредственно должен включить в себя вопрос происхождения первоначала. «Философии небытия» правомерно делает акцент в проблеме первоначала на вопросе его происхождения. Автором статьи утверждается, что постановка проблемы происхождения первоначала, а значит и материи, имеет научный смысл в диалектическом материализме. Показывается принципиальная неполнота традиционной структуры «Основного вопроса философии» и предлагается его более целостная и завершенная формулировка.

Ключевые слова: диалектический материализм, «философия небытия», «Основной вопрос философии», первоначало, бытие, небытие, материя, субстанция.

В онтологии проблема первоначала - это исходная и центральная философская проблема.

В диалектическом материализме традиционно проблема первопричины всего существующего, по сути, сводится к «Основному вопросу философии». Соответственно предполагается, что история «Основного вопроса философии» есть история первоначала. Эта история кратко выглядит следующим образом. «Основной вопрос философии» формировался на протяжении длительного периода развития философии от Фалеса до Г. Гегеля и Л. Фейербаха. Фундаментальный статус стал приобретать в рамках немецкой классической философии у Г. Гегеля и Л. Фейербаха. Принципиальное значение и

классическое оформление ему придал Ф. Энгельс в 1886 году. Согласно ему «Основной вопрос философии» есть результат теоретического обобщения интеллектуальной истории человечества.

Однако, с нашей точки зрения, существует принципиальное несовпадение содержания проблемы первоначала и содержания «Основного вопроса философии», так как вопрос происхождения первоначала оказался за его рамками.

По нашему мнению, историю формирования «Основного вопроса философии» следует начинать не только с Фалеса, но и Парменида, который к проблеме первоначала подошел с другой стороны. Этот аспект в диалектическом материализме традиционно игнорируется, по сути, как имеющий идеалистический смысл (об этом будет сказано ниже). Но, с нашей точки зрения, «Основной вопрос философии» все же должен иметь две взаимосвязанные стороны. Обозначим их как абстрактную и конкретную стороны. Абстрактная, логически первая сторона («исходная проблема» в терминологии Н. М. Солодухо [1, с. 7]): почему существует бытие, а не небытие? Конкретная сторона: что именно существует, какова его сущность? Смысл абстрактной стороны «Основного вопроса философии» характеризуется как вопрос о происхождении первоначала. Смысл конкретной стороны традиционно характеризуется вопросом о сущности, содержания первоначала. В диалектическом материализме проблема первоначала редуцировалась, по сути, к конкретной стороне «Основного вопроса философии».

История проблемы первоначала тогда выглядит следующим образом. Философия исторически возникла с конкретной формы «Основного вопроса философии», хотя логически это второй вопрос. Он был поставлен основоположником западной философии Фалесом, который под первоначалом понимал воду. Это историческое значение, например, подчеркивает Г. Гегель. «Фалесово положение, что вода есть абсолют, или, как говорили древние, первоначало, представляет собой начало философии, так как в нем достигается сознание, что единое есть сущность, истинное, что лишь оно есть само по себе сущее» [2, с. 160]. А в абстрактной форме «Основной вопрос философии» поставил древнегреческий философ Парменид: почему вообще что-то существует; почему существует нечто, а не ничто?

С нашей точки зрения, в диалектическом материализме проблема бытия не носит «парменидовского» онтологического характера и сводится, по сути, к проблеме классификации форм существующего. По нашему мнению, здесь проблему бытия можно трактовать в «кантовском» смысле, где она не является онтологической. И. Кант, отрицая фундаментальный статус категории бытия, утверждал, что это просто логическая связка в суждении: утверждением «вещь существует» к вещи ничего не прибавляется. На эту точку зрения И. Канта указывает, например, А. П. Огурцов. «Для Канта бытие не является свойством вещей; бытие – это общезначимый способ связи наших понятий и суждений...» [3, с. 76]. Хотя, с нашей точки зрения, онтологически проблема бытия по значению фундаментальнее, чем просто «свойство вещей».

Категория бытия несет фундаментальное онтологическое содержание, связанное с проблемой первоначала. При этом смысл категории бытия не может быть полностью

раскрыт вне диалектической связи с категорией небытия. Но категории бытия и небытия также не раскрывают всего содержания категории первоначала. Для этого необходимо привлечение других категорий, связанных с категорией материи. Бытие всегда есть бытие чего-то, как мысль всегда есть мысль о чем-то. Поэтому отрывать абстрактную сторону «Основного вопроса философии» от конкретной стороны нельзя, как это делает Н. М. Солодухо. Для него сущность первоначала не выходит за рамки анализа категорий бытия и небытия.

С материалистической точки зрения, вопрос о сущности, содержании первоначала является ключевым, смыслообразующим. В философии сущность первоначала традиционно понимается либо материальной, либо идеальной. Известно, что с античной философии по способу существования все явления делятся на два принципиально различных вида – материальные и духовные (идеальные). По выражению представителя новоевропейской философии Л. Фейербаха, «вся история философии вращается, в сущности говоря, вокруг этого вопроса», в его терминологии «об отношении духовного к чувственному» [4, с. 623]. Однако, по нашему мнению, неправомерно сводить вопрос о сущности первоначала к отношению материи и сознания. Как это традиционно делается в диалектическом материализме. Для раскрытия сущности первоначала необходимо привлечение категорий бытия и небытия.

В настоящее время, с нашей точки зрения, проблемы первоначала как таковой не существует в едином, общем виде. Она разделена на два не связанных между собой вопроса. Можно выделить подходы, которые разделяют проблему первоначала, абсолютизируя тот или иной ее аспект. Так, в диалектическом материализме вопрос о происхождении материи считался бессмысленным, неправомерным для материализма. Получалось, что вопрос происхождения первоначала трактовался как ненаучный. Это означает, что вопрос о сущности первоначала (в смысле отношения материи и сознания) считался самодостаточным и независимым от вопроса возникновения первоначала.

И, наоборот, можно выделить противоположный подход, согласно которому вопрос возникновения первоначала носит законченный характер. Например, представитель «философии небытия» Н. М. Солодухо этот вопрос считает логически независимым по отношению к традиционному «Основному вопросу философии». Обосновывается это тем, что вопрос о самодостаточности небытия не нуждается, с его точки зрения, в привлечении других категорий. Получается, что Н. М. Солодухо проблему первоначала разделяет на два независимых вопроса: традиционный «Основной вопрос философии» и, в его терминологии, «Исходная философская проблема». «Под исходной философской проблемой нами понимается проблема соотношения бытия и небытия» [1, с. 7]. Здесь проблема первоначала редуцируется к «Исходной философской проблеме».

По нашему мнению, необходимо объединить эти два крайних подхода к проблеме первоначала. «Основной вопрос философии» в завершенной форме, объединяющий взаимосвязанные между собой абстрактный и конкретный аспекты первоначала, может повторять «энгельсовскую» структуру и иметь следующий вид.

Основной вопрос философии – проблема возникновения и сущности первоначала:

-*абстрактный онтологический аспект*: первично бытие или небытие;

-*конкретный онтологический аспект*: первична материя или сознание;

-*гносеологический аспект*: познаваем ли мир.

Понятно, что вопрос о первичности не обязательно должен решаться в пользу первичности одной из сторон.

Известно, что не для всех философов «Основной вопрос философии» является основным. Для Ф. Бэкона, например, это овладение силами природы, Ж. Руссо – социальная справедливость, Ф. Ницше – жизнь, А. Камю – смысл жизни, М. Хайдеггера – вопрос существования нечто, а не ничто. Более того, есть философы, для которых «Основной вопрос философии» вообще не существует. Например, А. Л. Никифоров утверждает, что «...никакого особого «основного вопроса» в философии нет и не может быть» [5, с. 82]. Потому что все философские проблемы равноценны. «Любая из фундаментальных философских проблем может выступить в роли «основного вопроса» философии, породить соответствующую классификационную схему и реконструкцию истории философии» [5, с. 88].

Смысл «Основного вопроса философии», как известно, не только в вопросе о первичности. Это также вопрос о том, как определять его основные понятия - материю и сознание, бытие и небытие.

Предлагаемая нами трактовка «Основного вопроса философии» говорит о фундаментальности категорий бытия и небытия и требует пересмотреть существующий смысл этих категорий, ввести их в систему онтологических категорий диалектического материализма. По нашему мнению, в диалектическом материализме традиционно существует искаженное понимание смысла этих категорий, отраженное, например, в словарях. Ошибочное понимание вызвано, по сути, недооценкой их онтологического значения и игнорированием диалектической взаимосвязи категорий бытия и небытия. Что приводит к искажению смысла, специфики этих категорий. Выражается это, например, в смешении смысла категорий бытия и материи.

«Основной вопрос философии» в своей абстрактной форме есть проблема бытия, т. е. вопрос о соотношении бытия и небытия. Поэтому основными категориями для характеристики первоначала здесь являются категории бытия и небытия. Мы предлагаем специфику категорий бытия и небытия определять, как диалектически взаимосвязанные следующим логически понятным образом. В принципе это распространенная логика их определения, за исключением нюансов [см., например: 1, с. 7]. Но ее необходимо, на наш взгляд, строго придерживаться при выявлении взаимосвязи этих категорий с другими категориями. Прежде всего, с категорией материи.

Бытие (нечто) – категория онтологии, характеризующая все существующее или существование какого-либо объекта.

Небытие (ничто) – диалектически противоположная бытию категория онтологии, характеризующая отсутствие бытия в целом или какого-либо объекта.

В диалектическом материализме фундаментальность этих категорий и их взаимосвязь, как мы уже говорили, по сути, игнорируется, хотя категории бытия в

литературе, например, могут быть посвящены целые главы. При этом онтологически категория «бытие» дублирует смысл категории «материя». Необходимо преодолеть эту, по нашему мнению, путаницу путем выявления взаимосвязи материи одновременно с категориями бытие и небытие как парными категориями.

Необходимо поднять онтологический статус этих категорий. Эту процедуру в явном виде производит, например, Н. М. Солодухо. Он обращает непосредственное внимание на онтологическую специфику этих категорий. Хотя и без всякой связи с категорией материи. Решение проблемы соотношения бытия и небытия в истории философии, как он выделил, имеет три парадигмы [1, с. 8-10]. Мы согласны с таким делением в общем виде, за исключением частных, которые рассмотрим ниже. Добавим, что мы против того, чтобы считать рассматриваемую классификацию онтологически главной.

Парадигма «философии бытия» утверждает, что бытие первично, а небытие вторично, относительно. Абсолютного небытия не существует. Формула философии бытия: «из ничего не возникает нечто».

Западная философия в целом стоит на позициях философии бытия. В диалектическом материализме традиционно бытие отождествляется с вечной и неуничтожимой материей, а небытие относительно – характеризует существование конечных вещей.

Крайних взглядов, по нашему мнению, придерживался Парменид: «существует только бытие, небытия нет». Небытие немыслимо: нелепо утверждать, что несуществующее существует.

Парадигма «философии небытия» проблему решает противоположно: небытие рождает бытие. Формула философии небытия: «все из ничего». Напомним, что Н. М. Солодухо придерживается этого подхода.

Хотя Будда вопрос о первоначале считал бессмысленным, но буддизм в целом, по нашему мнению, можно характеризовать как «философию небытия». Концепции иллюзорности бытия придерживается направление «Хинаяна» (отрицает существование мирового Бога). Здесь Вселенная является «бесконечным процессом отдельных элементов материи и духа, появляющихся и исчезающих, без реальных личностей и без постоянной субстанции...» [6, с. 202].

В средневековой философии сторонники отрицательного (апофатического) богословия отождествляли Бога и «Ничто», а всякое «Нечто» рассматривали как самоограничение Бога. В XX веке экзистенциалисты Ж.-П. Сартр, А. Камю, М. Хайдеггер считали, что основанием бытия человека является Ничто.

Крайней точкой зрения в этой парадигме является позиция отрицания бытия. Так, древнегреческий философ Горгий утверждал, что «все существующее не существует». Индийский философ-буддист Нагарджуна (направление «Махаяна») отождествлял существование и несуществование: «весь мир есть пустота (шунья)».

Парадигма «философии бытия-небытия». Мы ввели это понятие для обозначения парадигмы, так как сам Н. М. Солодухо этот промежуточный подход не обозначил специальным термином. Согласно этому подходу первоначалами одновременно являются бытие и небытие.

Демокрит использовал понятие небытия (пустоты), чтобы объяснить движение – это место для перемещения атомов (бытия). Небытие не оказывает никакого влияния на бытие. Сами атомы ниоткуда не произошли, так как существуют вечно.

В даосизме бытие и небытие диалектически порождают друг друга. Об их взаимосвязи в «Дао Дэ Цзин» высказывался основатель учения Лао-цзы. «Когда все в Поднебесной узнают, что прекрасное является прекрасным, появляется и безобразное. Когда все узнают, что доброе является добром, возникает и зло. Поэтому бытие и небытие порождают друг друга...» [6, с. 606]. Н. М. Солодухо утверждает, что «есть и указание на то, что все же «бытие рождается из небытия»» [1, с. 9-10]. Однако, по нашему мнению, в «Дао Дэ Цзин» такого указания нет, как нет и ясного ответа на вопрос о соотношении первоначала (Дао) с бытием и небытием.

У Г. Гегеля абсолютная идея стоит над бытием и небытием как этапом в своем развитии. Поэтому в целом он стоит на позициях «философии бытия». Но если говорить об отношении бытия и небытия, то в основе саморазвития первоначала лежит противоречие между ними. Гегель полагал, что исходное (чистое) бытие в силу своей неопределенности и небытие тождественны.

С нашей точки зрения, в этой парадигме можно выделить крайнюю точку зрения, которой придерживался Гераклит. Для него характерно отождествлять противоположности. ««Единство противоположностей» у Гераклита – не «соединенность» или «связность» (которая предполагала бы их раздельную индивидуальность, отрицаемую Гераклитом), но «полное совпадение», абсолютное «тождество» вплоть до неразличимости» [8, с. 117]. Так, согласно Гераклиту «бытие и небытие есть одно и то же, все есть и не есть» [цит. по: 9, с. 176].

Решение проблемы первичности бытия или небытия зависит от используемого метода. Основными философскими методами являются метафизический (в смысле антидиалектический) и диалектический. Вроде бы проблема снимется, если каким-то образом объяснить переход бытия из небытия. Однако, логика решения заключается в том, что метафизическое решение невозможно: абсолютного небытия нет, так как невозможен логический (естественный) переход абсолютного небытия в бытие. Действительно, чтобы породить бытие, абсолютное небытие должно содержать причину бытия, то есть не быть таковым (абсолютным). Метафизический подход ведет к идеализму: порождение бытия абсолютным небытием можно объяснить только сверхъестественной причиной. С другой стороны, утверждение о первичности бытия вызывает вопрос о его происхождении. Можно, конечно, запретить этот вопрос как «ненаучный», но оснований для этого мы не видим. Таким образом, по нашему мнению, если говорить о естественном первоначале, то речь должна идти о диалектическом единстве бытия и небытия.

Итак, абстрактная форма «Основного вопроса философии» предполагает два решения: естественное или сверхъестественное первоначало. Естественное начало традиционно обозначается категорией «материя» («материальное»). Противоположностью категории материи в онтологии традиционно выступает категория «сознание» («идеальное»).

С материалистической точки зрения сверхъестественное начало, по сути, является абсолютизацией категории сознания, т.е. его отрывом от материи.

Из этого следует, что абстрактная форма «Основного вопроса философии» и конкретная форма «Основного вопроса философии» между собой имеют фундаментальную взаимосвязь, так как необходимо предполагают друг друга.

Таким образом, следует, на наш взгляд, в диалектическом материализме снять запрет на постановку вопроса о происхождении первоначала. Признание проблемы возникновения первоначала как научной требует изменения структуры «Основного вопроса философии».

Это позволяет, в частности, развести содержание категорий бытия и материи, преодолеть тенденцию в диалектическом материализме к их отождествлению, что делало категорию бытия, по сути, онтологически не востребованной. С другой стороны, категории бытия и небытия признаются действительно, а не формально диалектически взаимосвязанными и системными онтологическими категориями материализма. Преодолевается трактовка категорий бытия и небытия как категорий идеалистической онтологии, своего рода характерными признаками «гегельянщины». На некоторые аспекты проблемы небытия мы указывали в своих работах [см., например: 10, 11]. По нашему мнению, тем самым придается заверченный вид системе категорий материалистической диалектики. Привлечение категорий бытия и небытия для характеристики материи позволяет выявить подлинную сущность самой категории материи. С нашей точки зрения, это позволит наконец-то дать общепринятое онтологическое определение материи.

И исходным пунктом этих изменений является, по сути, признание правомерной в рамках материализма проблемы происхождения материи. Это, на наш взгляд, нисколько не отрицает ни тезис о вечности и неуничтожимости материи, ни материалистическое мировоззрение в целом.

Список литературы

1. Солодухо Н. М. Философия небытия: монография / Н. М. Солодухо. – Казань: КГТУ, 2002. – 146 с.
2. Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии. Кн. 1 // Соч. в 14 т. / Г. В. Ф. Гегель. – Т. 9 – М.: Партийное издательство, 1932. – 339 с.
3. Огурцов А. П. Бытие / А. П. Огурцов // Философский энциклопедический словарь / Редкол.: С. С. Аверинцев, Э. А. Араб-Оглы, Л. Ф. Ильичев и др. – 2-е изд. – М.: Сов. энциклопедия, 1989. – 815 с. С. 76-77.
4. Фейербах Л. Лекции о сущности религии // Избранные философские произведения в 2 т. / Л. Фейербах. – Т. 2. – М.: Госполитиздат, 1995. – 943 с. С. 490–894.
5. Никифоров А. Л. Природа философии: основы философии / А. Л. Никифоров. – М.: Идея-Пресс, 2001. – 168 с.

6. Щербатской Ф. И. Избранные труды по буддизму / Ф. И. Щербатской. – М.: Наука, 1988. – 428 с.
7. Дао дэ цзин // Антология мировой философии: Древний Восток. – Минск: Харвест; М.: АСТ, 2001. – 992 с. С. 604–634.
8. Лебедев А. В. Гераклит / А. В. Лебедев // Философский энциклопедический словарь / Редкол.: С. С. Аверинцев, Э. А. Араб-Оглы, Л. Ф. Ильичев и др. – 2-е изд. – М.: Сов. энциклопедия, 1989. – 815 с. С. 117-118.
9. Кучевский В. Б. Анализ категории материя / В. Б. Кучевский. – М.: Наука, 1983. 256 с.
10. Свергузов А. Т. О возможности недиалектической концепции абсолютного небытия / А. Т. Свергузов // Ученые записки Крымского федерального университета. Философия. Политология. Культурология. -2020. - Т.6. - №3. - С. 42-49.
11. Свергузов А. Т. Проблема небытия в диалектическом материализме / А. Т. Свергузов // Экономические и гуманитарные исследования регионов. - 2021. - №1. - С. 160-165.

Сведения об авторе

Свергузов Анвер Тяфикович – канд. филос. наук, доцент, г. Казань, Казанский национальный исследовательский технологический университет, доцент кафедры философии и истории науки.

E-mail: atsverguzov@mail.ru

Sverguzov A. T.

THE PROBLEM OF ORIGIN IN THE STRUCTURE OF THE «BASIC QUESTION OF PHILOSOPHY»

Annotation: *In the dialectical materialism of the Soviet stage of development, it was actually argued that the content of the «Basic Question of Philosophy» completely exhausts the problem of the original. The meaning of this problem boils down, in fact, to the choice of either matter or consciousness as the origin. This article analyzes the content of the problem of the origin, which is traditional for dialectical materialism. The established tradition excludes the question of the origin of the original as meaningless, unscientific. However, logically and in the light of the approach referred to as the «philosophy of non-existence», this position requires revision. The subject of the article is the problem of the origin within the framework of two approaches - dialectical materialism and the «philosophy of non-existence». The analysis tool is dialectical methodology. The author substantiates that the «Main question of philosophy», in addition to the traditional content, should directly include the question of the origin of the original. The «Philosophy of Non-existence» justifiably focuses in the problem of the origin on the question of its origin. The author of the article argues that the formulation of the problem of the origin of the original, and hence of matter, has scientific meaning in dialectical materialism. The*

fundamental incompleteness of the traditional structure of the «Basic Question of Philosophy» is shown and its more holistic and complete formulation is proposed.

Keywords: *dialectical materialism, «philosophy of non-existence», «The main question of philosophy», origin, being, non-existence, matter, substance.*

References

1. Solodukho N. M. *Filosofija nebytija: monografija* [Philosophy of Non-existence: Monograph]. Kazan, KGTnU Publ., 2002. 146 p.
2. Gegel' G. V. F. *Lekcii po istorii filosofii*. Kn. 1. [Lectures on the History of Philosophy. Book 1]. In: *Soch. v 14 t. Vol. 9*, Moscow, Partijnoe izdatel'stvo Publ., 1932. 339 p.
3. Ogurcov A. P. *Bytie* [Being]. In: *Filosofskij jenciklopedicheskij slovar'* [Philosophical Encyclopedic Dictionary]. Redkol.: S. S. Averincev, Je. A. Arab-Ogly, L. F. Il'ichev i dr. 2-e izd. Moscow, Sov. Jenciklopedija Publ., 1989. 815 p., pp. 76-77.
4. Fejerbah L. *Lekcii o sushhnosti religii* [Lectures on the Essence of Religion]. In: *Izbrannye filosofskie proizvedenija v 2 t. Vol. 2*, Moscow, Gospolitizdat Publ., 1995. 943 p., pp. 490–894.
5. Nikiforov A. L. *Priroda filosofii: osnovy filosofii* [The Nature of Philosophy: Fundamentals of Philosophy]. Moscow, Ideja-Press Publ., 2001. 168 p.
6. Shherbatskoj F. I. *Izbrannye trudy po buddizmu* [Selected Works on Buddhism]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 428 p.
7. *Dao dje czin* [Tao te Ching]. In: *Antologija mirovoj filosofii: Drevnij Vostok* [Anthology of World Philosophy: Ancient East]. Minsk, Harvest Publ., Moscow, AST Publ., 2001. 992 p., pp. 604–634.
8. Lebedev A. V. *Geraklit* [Heraclitus]. In: *Filosofskij jenciklopedicheskij slovar'* [Philosophical Encyclopedic Dictionary]. Redkol.: S. S. Averincev, Je. A. Arab-Ogly, L. F. Il'ichev i dr. 2-e izd. Moscow, Sov. Jenciklopedija Publ., 1989. 815 p., pp. 117-118.
9. Kuchevskij V. B. *Analiz kategorii materija* [Analysis of the Category Matter]. Moscow, Nauka Publ., 1983. 256 p.
10. Sverguzov A. T. *O vozmozhnosti nedialekticheskoj koncepcii absoljutnogo nebytija* [On the possibility of a non-dialectical concept of absolute non-existence]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta. Filosofija. Politologija. Kul'turologija* [Scientific notes of the Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Cultural studies], 2020, Vol.6, No3, pp. 42-49.
11. Sverguzov A. T. *Problema nebytija v dialekticheskom materializme* [The

problem of non-existence in Dialectical Materialism]. *Jekonomicheskie i gumanitarnye issledovanija regionov* [Economic and humanitarian studies of the regions], 2021, No1, pp. 160-165.

Sverguzov Anver Tyafikovich – Candidate of Philosophical Sciences, Docent, Kazan, Kazan National Research Technological University, Associate Professor of the Department of Philosophy and History of Science.

E-mail: atsverguzov@mail.ru

УДК 130.32

ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКОГО МЕТАЭТНИЧЕСКОГО МЕНТАЛИТЕТА: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ЭСКИЗ

Лагунов А. А., Семкина Е. Н., Ющенко В. Н.

Аннотация: В статье предлагаются некоторые методологические подходы к исследованию российского метаэтнического менталитета. Утверждается, что этот менталитет является специфическим способом существования российского общественного сознания в социально-историческом времени и находится с национальной философией в отношении взаимной обусловленности, вследствие чего изучение русской/российской философской традиции есть наиболее рациональный путь для уяснения особенностей отечественного менталитета. Опровергаются взгляды, в соответствии с которыми менталитет понимается как совокупность априорных неизменяемых качеств представителей общности; по мнению авторов, структуру менталитета составляют изменчивые свойства множества личностей, характеризующие их как общественную целостность. Следовательно, приоритетной задачей становится не поиск в конкретном менталитете его сущностных качеств, якобы априорно данных, а попытки найти ответы на вопросы, связанные с формированием определенных, принципиально изменчивых свойств этого феномена. На основании критического анализа классических (Н.А. Бердяев) и современных (А.А. Еромасова) представлений об особенностях отечественного менталитета проводится авторская конкретизация исторических ментальных характеристик российского метаэтноса.

Ключевые слова: метаэтнос, менталитет, общественное сознание, российский метаэтнический менталитет, отечественная философия, историческая память.

С момента зарождения российской государственности политика властной элиты была направлена на объединение племен и народов, населявших огромные территории, что обуславливало формирование общего для них социокультурного пространства, следовательно, можно говорить и о становлении с этого времени русского/российского метаэтнического менталитета. Как представляется, само слово «русские», являясь прилагательным, в отличие от прочих этнонимов-существительных, уже о многом говорит: оно свидетельствует о принадлежности, «приложении» того или иного человека к общности «русских» не по самому факту его родового существования, а вследствие выражения им определенного отношения к ней, принятия свойственных ее представителям жизненных смыслов, ценностей, целей, идей и идеалов, которые со времени крещения Руси вплоть до конца XIX – начала XX вв. выражались православным исповеданием (недаром тогда понятия «русские» и «православные» практически отождествлялись). По этому факту мы можем заключить, что одной из важнейших функций российско-

го метаэтнического менталитета исторически являлась функция идеологическая, скреплявшая различные этносы в едином смысловом пространстве. В начале XX в., как известно, идеологические ориентиры кардинально изменились, однако их огромная важность для жизни советского народа (метаэтноса) сохранялась [1]. Конечно, идеологическая функция свойственна всякому менталитету, однако в случае русского/российского общества метаэтническая и конфессионально-идеологическая идентичности если не совпадали, то существенным образом пересекались в течение почти девяти столетий, и это наложило рельефный отпечаток на метаэтнический менталитет, подтверждением чему и служит последующее сохранение идеологической приверженности в советском метаэтническом менталитете, преемственном по отношению к российскому, при почти полном разрыве с прежней православной идеологией.

В. Д. Губин обращает внимание на то, что: «Именно немцы первыми указали на ту истину, что каждый народ обладает уникальным коллективным духом», что он имеет право на эту уникальность, на ее сохранение и отстаивание. «Русские одними из первых учились этой германской идеологии национальной самозащиты» [2, с. 122], – утверждает он. Но учиться – не значит слепо копировать. Всякое обучение требует не только усвоения материала, накопленного ранее, но и последующего творческого его развития. Эта задача была успешно выполнена отечественной философией, отстаивавшей право российского метаэтноса на духовную уникальность [3]. Философия, с одной стороны, является наиболее адекватным отображением того общественного сознания, в пространстве которого она сформировалась, с другой, поскольку важнейшей ее функцией является мировоззренческая, оказывает существенное влияние на это общественное сознание. Этнический (метаэтнический) менталитет как способ существования общественного сознания в социально-историческом времени также находится с национальной философией в отношении взаимной обусловленности: одновременно и участвует в ее становлении и развитии, и изменяется под воздействием оформляющихся философских концептов и концепций. Поэтому наиболее рациональный путь для уяснения особенностей отечественного менталитета – изучение русской/российской философской традиции. По мысли М. А. Маслина, «русская философия в ее истории является историко-философским отечествоведением, она отражает и прочитывает российскую реальность и находится по отношению к ней в состоянии социокультурной обусловленности» [4, с. 91].

При использовании наработок отечественных мыслителей в качестве важнейшего средства для раскрытия особенностей российского метаэтнического менталитета следует помнить о предостережении, данном С. С. Аверинцевым: «...всякий, кто – со ссылками на Юнга или без таких ссылок – желает исходить из концепции коллективного бессознательного и архетипов такового, обязан иметь в виду юнговские предупреждения насчет амбивалентности всякого архетипа, оборачивающегося в конкретных реализациях своими противоположными сторонами. Архетипическое само по себе – не содержательная характеристика явлений, а только их отвлеченно-формальное конструирование» [5, с. 372]. Мы должны уйти от тех представлений о структуре менталитета, согласно которым архетипически-бессознательное и априорное включается в нее; заменив бес-

сознательное на подсознательное, мы, во-первых, отнесем все элементы этой структуры к плодам апостериорной, сознательной деятельности человека, пусть даже им и не рефлекслируемым, и, во-вторых, создадим возможность говорить об этих элементах как об изменчивых свойствах, а не стабильных качествах.

Пример иного подхода, в котором понятие «души народа» излишне биологизируется, и, соответственно, проявляет себя архетипическая амбивалентность, представляет знаменитое рассуждение Н. А. Бердяева о двойственности русской души. Философ первоначально определяет, что к разгадке, сокрытой в этой душе тайны можно подойти, только признав ее антиномичность, «жуткую противоречивость», и далее с особыми подробностями выделяет следующие две антиномии души России:

1. В отношении русского сознания к государственности: безгосударственность, анархичность, аполитичность и, одновременно – самые «выдающиеся» во всем мире государственность и бюрократичность; если первая сторона этого «душевного противоречия» объясняется «женственностью» России, то вторая – фиксируется как факт, без объяснений.

2. В отношении к национальности: не шовинистичность (национализм в России «всегда производит впечатление чего-то нерусского, наносного, какой-то неметчины»), сверхнационалистичность, универсалистичность («Национален в России именно ее сверхнационализм, ее свобода от национализма»), с другой же стороны – опять же, самая ярко выраженная в мире националистичность, основанная на русском самомнении, выражающемся, прежде всего, в том, что «Россия почитает себя не только самой христианской, но и единственной христианской страной в мире».

Затем мыслитель утверждает: «Ту же загадочную антиномичность можно проследить в России во всем. Можно установить неисчислимое количество тезисов и анти-тезисов о русском национальном характере, вскрыть много противоречий в русской душе» [6, с. 10-20]. Он кратко намечает некоторые из них: с одной стороны, безграничная свобода духа, не буржуазность («бытовая свобода»), «неудовлетворимость ничем временным, относительным и условным», откуда проистекает мятежность, бунтарство; с другой – «неслыханный сервилизм», «жуткая покорность», отсутствие сознания прав и достоинств личности, ее подавленность коллективом, консерватизм (Россия – «страна крепкого быта и тяжелой плоти»), порабощенность. Объясняются все эти противоречия несоединенностью мужественного и женственного в русской душе, всегда ожидающей мужского начала извне, и это объяснение является не чем иным, как очередной попыткой биологизаторства.

Несмотря на удивительную точность некоторых проведенных Н. А. Бердяевым оценок, все же заметим, что совместить их при рассмотрении единого целостного феномена достаточно сложно, если вообще возможно. Отметим, что качества русской души интерпретируются мыслителем преимущественно как врожденные, наличные по самому факту существования русских людей, хотя и зависящие от влияний социальной среды. Понимание менталитета как совокупности априорных неизменяемых качеств представителей общности, на наш взгляд, не является полезным для конструктивной социаль-

ной теории, стремящейся отобразить саму общественную реальность, а не преходящие исторические мнения о ней, имеющие или превосходную, или уничижительную степень. Осознание того факта, что структуру менталитета составляют изменчивые свойства множества личностей, характеризующие их как общественную целостность, позволяет диалектически анализировать факторы преемственности и изменчивости этого субъективно-объективного феномена, исходя из предпосылки о процессах развития как борьбе противоречий, в результате которой противоположности, имеющиеся в комплексах свойств конкретных личностей, составляющих общность, взаимно переходят друг в друга, и здесь дискурс об антиномиях станет весьма полезным. «Как же совмещалось в русской душе роевое начало с личностным? – спрашивает по поводу одной из таких антиномий А. В. Гулыга. – Вот так и совмещалось. В русском национальном характере совмещаются противоположности. И непрерывно переходят друг в друга. Конечно, и у других народов можно найти подобные противоположности. Но только в России “тезис оборачивается антитезисом”» [7, с. 22].

При таком подходе методология исследования менталитета становится уже иной: требуется не анализировать в конкретно данном феномене его сущностные качества, якобы априорно данные, а пытаться найти ответы на вопросы, связанные с формированием определенных свойств (принципиально изменчивых) этого феномена – почему, например, в русском национальном характере противоположности проявляются особенно ярко? В частности, на наш взгляд, это следует обязательно связать с длительное время имевшим доминирующее воздействие на российский метаэтнический менталитет христианским мировоззрением, об антиномичности которого писали многие русские и зарубежные классики.

В. В. Бибихин отмечал, что вопрос «кто мы» – слишком большой, к нему трудно даже подойти, и высказывал по поводу ответа на него только одно «осторожное предположение», в соответствии с которым особенность нашего государственного существования, сказывавшаяся с самого начала и дающая знать о себе и сегодня, состоит в том, «что за человеком у нас мало признается право на частное, по своему человеческому разуму обустройство на земле. Причина запрета, похоже, не столько в недоразвитии чувства личности или в недостатке достоинства, сколько в, если хотите, мудром знании, что никакое самоустройство человека на земле все равно по-настоящему не устроит. Отсюда, возможно, и всегдашняя слабость нашего самоуправления, и наша уникальная централизация, построенная на уступчивости местной общины. Сюда же надо отнести и редкостную, в сравнении с другими большими странами, одинаковость образа жизни и языка» [8, с. 265]. Ясно, что в данном случае на формирование указанной философом особенности оказало преимущественное влияние именно христианское мировоззрение, христианская идеология – не ислам, в котором идеал построения общности, уммы всегда предполагал «неразделенность религии и политики в правовом оформлении» [9, с. 12-13], не иудаизм, исконно внимательно относившийся к материальной стороне жизнедеятельности человека, и не язычество, антропоморфизирующее даже богов и заставляющее их действовать в соответствии с человеческими принципами. Тезис же о невозможности построения Царства Божьего на грешной земле – явно христианский.

Кстати говоря, и две особо выделенные Н. А. Бердяевым антиномии русского сознания, проявляемые им в отношении к государственности и к национальности, вполне объясняются, если исходить из антиномий общехристианского мировоззрения: а) антиномии государства и Церкви, которая одновременно и «не от мира сего», и погружена в земные реалии, разрешающейся в концепции «симфонии» светской и духовной властей; б) антиномии христианского универсализма, согласно которому в жизни Церкви «нет ни эллина, ни иудея», и церковно-национального партикуляризма, опирающегося на вытекающее из концепции соборности утверждение об уникальности и особых функциях, как каждого человека, так и всякого народа. Эти антиномии христианского мировоззрения не могли не сказаться на менталитете российского метаэтноса, долгое время ему приверженного.

Н. А. Бердяев в другом месте писал, тем самым как бы косвенно подтверждая нашу мысль о возможности объяснения антиномичности русской души через христианские антиномии: «Очень важно отметить, что русское мышление имеет склонность к тоталитарным учениям и тоталитарным мирозерцаниям. Только такого рода учения и имели у нас успех. В этом сказывался религиозный склад русского народа» [10, с. 565]. Эта склонность к «тоталитарным мирозерцаниям» также была выработана посредством рецепции у Византии полностью догматически оформленного христианского мировоззрения, соответственно, обуславливавшего и до тонкостей проработанную идеологию. Любая же идеология имеет тенденцию к тоталитаризации всех сторон жизнедеятельности человека, к приданию им смысловой целостности и четко определенной направленности. Другое дело, что далеко не всякая идеология этого достигает, в случае же с христианской идеологией на российской почве тенденция к тоталитаризации мышления и действия личностей проявилась в полной мере, способствуя тем самым формированию устойчивого в историческом времени метаэтнического менталитета.

Сегодня воздействие религий вообще и христианства в частности на этнические и метаэтнические менталитеты ослабевает вследствие роста процессов секуляризации [11], однако не учитывать его вовсе будет неправомерно, особенно если вспомнить о феномене «религиозного возрождения», возникшем в конце XX в. и возвратившем религиям часть их бывшего влияния. Современные исследователи выделяют особенности российского менталитета, объяснить многие из которых можно, только исходя из христианского мировоззрения как их главного фактора, причем не только исторического. Помимо того, разумеется, и другие социокультурные факторы принимали и продолжают принимать участие в формировании, по выражению А. А. Еромасовой, «ментальных качеств русского человека» (здесь не место полемизировать о терминологии, вследствие неокончательной сформированности понятия менталитета она и не может быть у всех одинаковой, однако отметим, что, согласно принятым нами методологическим предположениям, уместнее вести речь о «ментальных свойствах», поскольку качество есть априорная и неизменная особенность чего-либо).

А. А. Еромасова предпринимает попытку выделения некоторых специфических свойств не российского метаэтнического менталитета, а именно русского этнического менталитета, что само по себе можно считать знаковым явлением для современности,

свидетельствующим об ослаблении в российском метаэтническом менталитете такого свойства как, в терминологии Н. А. Бердяева, «сверхнационализм», «свобода от национализма», в терминологии Ф. М. Достоевского – «вселенскость» и «всечеловечность». Это ослабление обуславливается, по нашему мнению, уменьшением воздействия на умы современников христианского мировоззрения. Думается, столетие назад никому бы в голову не пришло говорить о «русском сознании» в узко-этническом смысле, так не делали, рассуждая и об общественном сознании «советского народа» (по несколько другой, но тоже идеологической причине). Представляется, что попытки акцентирования внимания на «русскости» как этническом феномене в условиях полиэтнической России не могут быть полезными, и дело здесь, конечно, не в «ущемлении прав» русского населения, а в том, что русские исторически ощущали себя именно как «многонациональный народ» [12], а не культурно-изолированный этнос.

Мы приведем некоторые выделенные А. А. Еромасовой характеристики русского менталитета, сопровождая их в скобках критическими замечаниями. Она пишет о:

– парадоксальности ментальных проявлений, обусловленной их крайней противоречивостью, вследствие чего на равных правах существуют разнонаправленные ментальные черты (говоря об амбивалентности русского характера, речь следует вести, на наш взгляд, о проявлении различных свойств или у разных личностей, или даже у одной и той же, но в разное время, проявлении, способствующем диалектическому развитию менталитета как «стабильно-изменчивой» целостности, – а не об одновременном, даже болезненном сосуществовании противоречивых черт в личностях, составляющих общность);

– безмерности жизненного порыва, проявляющегося в необычайной страстности и максимализме (эта экзистенциальная характеристика, разумеется, применима к отдельным представителям русского народа, но делать ее всеобщей, по нашему мнению, слишком поспешно);

– стремлении к абсолютным ценностям, выражающемся в «неимоверной тяге» «к переустройству земной жизни на началах добра и справедливости» (такое стремление, думается, может быть обусловлено только влиянием сильной общей идеологии, в случае российского метаэтноса – христианской, позже коммунистической);

– «созерцании сердцем», первенстве «чувственной составляющей в триаде национального сознания “воля-чувства-мышление”», что выражается в иррациональности и некритическом мировосприятии, а также в милосердии, отзывчивости, доброте» (иррациональность и некритическое восприятие действительности вообще свойственны религиозному сознанию; здесь мы снова сталкиваемся с последствиями сильного влияния религий и квазирелигий на метаэтнический менталитет, – а вера, прежде всего, духовное чувство, – влияния, ослабевающего сегодня вследствие процессов секуляризации; что же касается таких положительных человеческих черт как милосердие, отзывчивость и доброта, то формирование их в большой мере зависит от воспитания, от усвоения личностью в процессе социализации ценностей и идей, в том числе традиционных);

– национальной стойкости, повышенной готовности «к перенесению жизненных невзгод, русским инвариантом которой является непротивление злу насилием (Л. Н. Толстой)»

(и с этим нельзя не согласиться, трудная история способствовала выработке таких черт, только возникает вопрос – при чем здесь концепция «непротивленчества», как известно, распространенная среди разночинной интеллигенции, достаточно сильно разошедшейся в понимании «войны и мира» с основной массой народа, что готовило предпосылки грандиозного поражения России в Первой Мировой?);

– любви к свободе (такая любовь в принципе свойственна личности, вопрос в том, существуют ли условия для ее реализации, раскрывающей личностный потенциал творческой деятельности);

– яркой выраженности «общинной и соборной сути русского национального менталитета» и «слабой самодисциплины» (исторически общинность как характерная черта земледельческих народов и соборность как организационный принцип восточного христианства, экстраполированный русскими религиозными философами на представления об идеальном устройстве общественной жизни, в определенной мере, конечно, были свойствами российского метаэтноса, однако не совсем ясно, каким образом они связываются автором со слабой самодисциплиной – разве что в аспекте сравнения общинно-соборного устройства социального объединения с авторитарным, требующим от личностей дисциплинированности в смысле беспрекословного подчинения);

– «всечеловеческой толерантности», выражаемой в терпимом отношении к иноплеменикам, «всеоткрытой готовности» «заимствовать у других народов как позитивные, так и негативные ценности» [13, с. 39] (нам представляется, что понятие толерантности, сравнительно недавно вошедшее в социально-философский категориально-понятийный аппарат, не совсем уместно при описании исторических свойств русского народа, точнее говорить о понимании, сочувствии, сострадании; что же касается готовности воспринять всякие ценности, то это просто неверно – такая особенность проявлялась обычно у примитивных в социокультурном смысле этносов, чего не скажешь о русском народе, тем более – российском метаэтносе, полагаем, здесь следует вести речь об открытости влияниям других культур, экстравертности, подразумевающей существенный «отбор» усваиваемых ценностей).

Мы видим, что характеристики, даваемые автором русскому менталитету, во-первых, не всегда обоснованы конкретно-историческими данными и, во-вторых, расплывчаты, эмоциональны, не систематизированы и логически не в достаточной степени аргументированы, чего бы очень хотелось. Однако зададимся вопросом – а возможна ли вообще четкая систематизация и логическая аргументация элементов менталитета как постоянно изменяющейся во времени целостной системы? Не согласимся ли мы со скепсисом Гераклита – приступая к изучению ментальных свойств, мы в процессе их осмысления входим уже в другую «реку»? Но если согласимся, то зачем тогда вообще начинать изучать что-либо, не только менталитет? Представляется, что в отношении менталитета уместен следующий подход: нужно фиксировать проявления его свойств в личностях, составляющих ту или иную общность, не забывая о непосредственной связи этих свойств с исторической памятью, с традициями. Иначе: если мы будем помнить о героических свершениях наших предков, стремиться быть подобными им, то будут

проявляться в нашем менталитете и «национальная стойкость», и «готовность к перенесению жизненных невзгод», если сохраним почтение к идеологическим святыням, то покажем свое «стремление к абсолютным ценностям»; если же этого не будет, тогда у нас, в нашем менталитете, возникнут совершенно другие особенности – в зависимости от той социальной среды и того общественного сознания, которые сформируются при этом. Следовательно, чрезвычайно важно, даже необходимо следить за состоянием конкретного менталитета, стараясь по возможности корректировать его отклонения в стороны, оцениваемые нами как негативные; воспринимать отечественный менталитет не только как данность, но и как заданность, жизненный «проект», который зависит от нас самих, от нашей воспитательно-образовательной парадигмы. И, что важно, помнить общественную закономерность, в соответствии с которой народ, утративший свою историческую память, забывший о традициях, перестает им быть. Конкретные личности с врожденными априорными качествами останутся, а именно этого народа с его общественным сознанием и менталитетом, утратившими преемственность, уже не будет. Такая закономерность накладывает на нас величайшую ответственность за собственное будущее, кстати, ответственность, проявляющую такую особенность менталитета как «любовь к свободе», потому что свободным может быть только народ, обладающий самосознанием, соответственно, самостоятельным, самобытным менталитетом.

Сложность исследования специфики современного российского менталитета состоит в том, что, во-первых, в процессе его проведения необходимо выделить особенности мышления и действия, характерные не только для русского народа, но и для всех этносов, входящих сегодня в состав Российской Федерации (относительно этносов, входивших ранее в российское или советское территориальное пространство, следует отметить, что общие черты с российским менталитетом у них, хотя и сохраняются достаточно длительное время, но без постоянного социокультурного влияния постепенно стираются), и, во-вторых, сами эти выделяемые особенности под воздействием процессов универсализации, при экспоненциальном росте информатизации и коммуникации, непрерывно изменяются.

Опираясь на все вышеизложенное, попробуем выделить основные исторические особенности российского метаэтнического менталитета, к которым отнесем такие как: сильная приверженность идеологиям, религиозным мировоззрениям; повышенное чувство государственности, тяга к централизационным мероприятиям; аполитичность, склонность к анархии, бунтарству, примат справедливости над правом; универсализм, «сверхнационализм»; уверенность в собственном нравственном превосходстве над другими этносами и метаэтносами, мессианизм; «широта» души, обусловленная, в том числе, необъятностью географического пространства, любовь к свободе; покорность, малая осознанность личностных прав и достоинств; согласие с приоритетностью коллектива над личностью (общинность, коллективизм); консерватизм («прежнее лучше нового»); максимализм («или все, или ничего»); стремление к абсолютным ценностям; иррациональность восприятия действительности; жизненная стойкость, готовность к перенесению невзгод ради желаемой цели; соборность («единство в многообразии», возможное

на основе любви); экстравертность, открытость влиянию иных культур, в сочетании с интровертностью (амбивертность).

Согласимся, что некоторые выделенные особенности действительно противоречивы, и это свидетельствует как о подвижности российского метаэтнического менталитета в социально-историческом времени, так и о его потенциальной способности к развитию через эти противоречия. Повторимся: особенности эти исторические, они не сохранились в прежнем виде в современном российском менталитете, однако выскажем предположение, что их модификации должны в нем присутствовать в силу сохранения метаэтнической преемственности, несмотря даже на сильнейшее воздействие универсализационных процессов.

Список литературы

1. Смирнов А. Ю., Лагунов А. А. Определение этноментальных характеристик российского правосознания как актуальная проблема социальной философии // Вестник Северо-Кавказского государственного технического университета. 2011. № 2. – С. 184-187.
2. Губин В. Д. Русская самобытность и немцы // OMNIA CONJUNGO: Сборник научных работ в честь 65-летия проф. В. В. Сербиненко. – М.: РГГУ, 2015. – С. 119-127.
3. Метафизика социокультурного бытия в опыте русской философии: монография / Баранов С. Т. и др. – Ставрополь: Северо-Кавказский государственный технический университет, 2010. – 334 с.
4. Маслин М. А. Зарубежная историография русской философии // OMNIA CONJUNGO: Сборник научных работ в честь 65-летия проф. В. В. Сербиненко. – М.: РГГУ, 2015. – С. 82-91.
5. Аверинцев С. С. Собрание сочинений. – Киев: ДУХ І ЛІТЕРА, 2005. – 448 с.
6. Бердяев Н. А. Судьба России. Самопознание. – Ростов н/Д.: Феникс, 1997. – 544 с.
7. Гулыга А. В. Русская идея и ее творцы. – М.: Эксмо, 2003. – 448 с.
8. Биbihин В. В. Другое начало. – СПб.: Наука, 2003. – 430 с.
9. Кирабаев Н. С. Политическая мысль мусульманского средневековья: монография / Н. С. Кирабаев. – М.: Изд-во РУДН, 2005. – 256 с.
10. Бердяев Н. А. Русская идея. – М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2005. – 832 с.
11. Лагунов А. А. Философский дискурс о мировоззренческих метаморфозах // Христианское чтение. 2018. № 3. – С. 224-235.
12. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс] // <https://zakonbase.ru/konstitucija-rf> (дата обращения 20.05.2022 г.).
13. Еромасова А. А. Русский менталитет: антропо-культурное своеобразие (на материалах Дальнего Востока) : автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.13 / Еромасова Александра Анатольевна. – СПб., 2011. – 48 с.

Сведения об авторах

Лагунов Алексей Александрович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социальной философии и этнологии Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета. E-mail: alagunov@ncfu.ru

Семкина Евгения Николаевна – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры юридических и гуманитарных дисциплин Невинномысского государственного гуманитарно-технического института.

Ющенко Виталий Николаевич – соискатель, кафедра социальной философии и этнологии Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета.

Lagunov A. A., Semkina E. N., Yushchenko V. N.

FEATURES OF THE RUSSIAN METAETHNIC MENTALITY: A METHODOLOGICAL SKETCH

Annotation: *The article proposes some methodological approaches to the study of the Russian meta-ethnic mentality. It is argued that this mentality is a specific way of the existence of Russian public consciousness in socio-historical time. He is with national philosophy in relation to mutual conditioning, as a result of which the study of the Russian / Russian philosophical tradition is the most rational way to understand the peculiarities of the national mentality. The views are refuted, according to which the mentality is understood as a set of a priori unchanging qualities of the representatives of the community. According to the authors, the structure of the mentality is made up of the changeable properties of many personalities that characterize them as a social integrity. Consequently, the priority task is not to search in a particular mentality for its essential qualities, supposedly given a priori, but to try to find answers to questions related to the formation of certain, fundamentally changeable properties of this phenomenon. On the basis of a critical analysis of classical (N.A. Berdyaev) and modern (A.A. Eromasova) ideas about the peculiarities of the national mentality, the author concretizes the historical mental characteristics of the Russian metaethnos.*

Key words: *meta-ethnos, mentality, public consciousness, Russian meta-ethnic mentality, Russian philosophy, historical memory.*

References

1. Smirnov A. Yu., Lagunov A. A. Determination of the ethnic characteristics of Russian legal awareness as an urgent problem of social philosophy // Bulletin of the North Caucasus State Technical University. 2011. No. 2.-S. 184-187.

2. Gubin V .D. Russian identity and Germans // *Omnia Conjungo: a collection of scientific works in honor of the 65th anniversary of prof. V.V. Serbinenko*. – M.: RSU, 2015.-S. 119-127.
3. *Metaphysics of sociocultural being in the experience of Russian philosophy: monograph* / Baranov S. T. et al.-Stavropol: North Caucasian State Technical University, 2010.-334 p.
4. Maslin M. A. Foreign historiography of Russian philosophy // *Omnia Conjungo: Collection of scientific works in honor of the 65th anniversary of prof. V.V. Serbinenko*. – M.: RSU, 2015.-S. 82-91.
5. Averintsev S. S. *Collected works*. – Kyiv: Spirit I LITERA, 2005 . – 448 p.
6. Berdyaev N. A. *The fate of Russia. Self -knowledge*. – Rostov N/D.: Phoenix, 1997. – 544 p.
7. Gulyga A. V. *Russian idea and its creators*. – M.: Eksmo, 2003 . – 448 p.
8. Bibikhin V. V. *Another beginning*. – St. Petersburg: Nauka, 2003 . – 430 p.
9. Krabev N. S. *Political thought of the Muslim Middle Ages: Monograph* / N.S. Krabev. –M.: Publishing House RUDN, 2005.-256 p.
10. Berdyaev N. A. *Russian idea*. – M.: Eksmo; SPb.: Midgard, 2005 . – 832 p.
11. Lagunov A. A. *Philosophical discourse on worldview metamorphoses* // *Christian reading*. 2018. No. 3.-S. 224-235.
12. *The Constitution of the Russian Federation* [Electronic resource] // <https://zakonbase.ru/konstitucija-rf> (date of circulation 05.20.2022).
13. Eromasova A.A. *Russian mentality: anthropo-cultural originality (based on the materials of the Far East): Author. dis.Dr. Philos. Sciences: 09.00.13* / Eromasova Alexandra Anatolyevna. – St. Petersburg, 2011. – 48 p.

Lagunov Alexey Alexandrovich – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Social Philosophy and Ethnology of the Humanitarian Institute of the North Caucasus Federal University.

Semkina Evgenia Nikolaevna – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Legal and Humanitarian Disciplines of the Nevinnomyssk State Humanities and Technical Institute.

Yushchenko Vitaly Nikolaevich – applicant, department of social philosophy and ethnology of the Humanitarian Institute of the North Caucasus Federal University.

УДК 316

ИСТОРИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ КАК ФАКТОР ДЕМИФОЛОГИЗАЦИИ И ДЕ-ТРАВМАТИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ

Шматько А. А.

Аннотация: В статье рассмотрены процессы демифологизации и рационализации общественного сознания под воздействием исторического сознания, которое выполняет также в рамках общественной системы важную роль детравматизации. Подчеркивается, что культурные и ценностные травмы, разрывы общественного сознания возникают в современном обществе постоянно. В свою очередь общество должно быть готовым осознать не только собственную травму, но и те причины, которые к ней привели, а также те предрассудки, идеализации и мифы, которые её скрывали. Утверждается, что процессы рационализации и демифологизации в обществе не должны носить тотального характера, быть принудительными и, тем более, иметь насильственно-революционный характер, так как любая нейтрализация социального мифа должна производиться тогда, когда общество имеет потенциал для репрезентации предшествующей мифу и архаизации социальной травмы и проживания последующей аксиологической репрезентации травмирующей реальности, в том числе и путем обращения к историческому прошлому и историческим нарративам.

Ключевые слова: история, историческое сознание, социальные изменения, социальная травма, социальный миф, демифологизация, архаизация, ценности.

Историческое сознание как система взаимосвязанных компонентов – коллективной памяти, опыта межпоколенной интерпретации её содержания, механизма трансляции этого опыта и прогностического исторического опыта – выполняет в жизни общества множество важных функций. Прежде всего, это функции создания и символического обеспечения макроидентичностей, стабилизации и гомогенизации общественного сознания и пр. Однако его важной функцией также является демифологизация и детравматизация общественного сознания.

Культурные и ценностные травмы, разрывы общественного сознания возникают в современном обществе очень часто, почти постоянно. Динамика современного общества очень неравномерна, она может переходить от стремительных ускорений и скачков к регрессу и архаизации в течение жизни одного поколения. Происходящие события разрывают ткань повседневности, создают культурные травмы и новые риски развития [1, с. 289-296.]. Кроме того, коллективная память в результате таких событий подвергается серьезной диверсификации: происходит распад целостности опыта исторической интерпретации и трансляции. Миф, неизбежно возникающий как своеобразный культурный «амортизатор» и социально-терапевтическое средство, в целом уже не справля-

ется с этими функциями, и в общественном сознании происходят столкновения полярных представлений о будущем и соответствующих ценностей. Между собой начинают конкурировать консервативно-охранительные и модернизационные идеалы, превращаясь в «бои за историю» [2].

Утрачивается целостность, интегрированность общественного сознания, или хотя бы его видимый компромисс. Это очень серьёзная ситуация для общества, и, чтобы сохранить свою целостность, оно вынужденно насильственно ограничивать этот ценностный распад. На практике это выглядит как ограничительные меры в отношении дискуссий по важным ценностным вопросам и актуальным историческим проблемам и насаждение единственной точки зрения.

Понятно, что такая экстренная мера не может быть позитивной в долгосрочной исторической перспективе, потому что, будучи последовательно реализованной, она неизбежно влечет за собой архаизацию, упрощение общественного сознания, усиление роли мифологического сознания, призванного выполнить интегративную и социотерапевтическую роль. Устранение любых полярных точек зрения (инакомыслия) неизбежно порождает блокирование инноваций, критического мышления, рационализации и вариативности мышления в любых социальных сферах. Все четыре компонента исторического сознания подвергаются сакрализации и мифологизации и становятся этически и ценностно «определёнными» (чаще всего в религиозных терминах).

Если процесс архаизации затягивается надолго, миф проходит несколько циклов актуализации, и общественное сознание приобретает черты каноничности и сакральность трансляции и интерпретации исторического опыта превращается в ритуальность [3, с. 174-182]. История символизируется и сакрализуется, наращивает дистанцию с личностью, её содержание превращается в догматично изложенную хронику деяний героев. Негероическое и «профанное» (или внерелигиозное, секулярное) редуцируется из такой истории, его ценность резко снижается или даже вовсе оказывается под запретом. История перестает быть «уроком» для общества и людей, эта функция исторической памяти атрофируется. Нарративе такого историописания оказывается чрезвычайно удлинённым, по сравнению с прошлыми состояниями и с генетической точки зрения, выходящим из деяний демиургов и высших сил. Приобретает характер теогонии. И, как следствие, такая история, складываясь, фиксируется в общественном сознании в застывшей форме, любое её изменение оказывается под запретом, становится своеобразным табу.

И, напротив, демифологизация исторического сознания – это наращивание процессов рационализации, вариативности интерпретаций, множественности ценностных суждений об уроках прошлого, критических высказываний относительно него, отказ от селекции исторических фактов по принципу соответствия объяснительной схеме. «Плюралистическая мозаичная культура постмодерна отказывается от селекции исторических фактов по их значимости, нивелируя различия между великими историческими событиями и фактами биографий частных лиц. Пестуя многообразие, она отказывается от оценочных суждений в отношении прошлого, в котором во все времена существо-

вали многообразные формы блага и зла» [4] Но, как следствие, рассыпается целостная картина истории: она оказывается принесенной в жертву безоценочности и неиерархичности исторических фактов.

При этом проблема демифологизации и рационализации исторического сознания неизбежно упирается в определение таких важных координат исторического процесса как «начало» и «конец» истории. Они представляют собой отправные точки для любого нарратива или исторического дискурса. Исторический опыт фундирует ценностные основы жизнеспособности любой общественной культуры и макроидентичности. Каждый из системных типов мировоззрения становится основанием для этики и социокультурных практик. Религиозное или мифологическое представление об эсхатологии чаще всего представляет собой форму этического детерминизма, в котором конец истории является логическим завершением всего её развития. Научное мировоззрение также вынуждено так или иначе решать эти вопросы, однако это решение всегда более «открыто», нежели мифологические культурные инварианты исторических координат.

Современное общество, в отличие от традиционного, имеет полный ценностный набор репрезентаций «конца» и «начала» истории, поскольку, в силу своей полифункциональности, социальные структуры и их компоненты востребуют в зависимости от необходимости и ситуации каждую из них. И в зависимости от иерархии ценностей, от актуализации тех или иных установок в отношении настоящего и будущего, может сознательно или неотрафлексированно варьироваться опора на тот или иной мифологический каркас.

Мифологические картины истории не нужно понимать только в абсолютно негативном ключе: они выполняют в общественном сознании важнейшие стабилизирующие функции, являются важнейшим фактором упорядочивания и солидаризации компонентов социальной системы и общественного сознания. Они также выполняют координирующие, ориентирующие функции, играют роль быстрого стабилизатора и детравматизатора общественного сознания. П. Бергер и Т. Лукман, описывая макроидентичность, говорили, что она формируется в социальных процессах и нуждается в постоянном поддержании [5, с. 279-280].

Макро- и микроидентичности складываются в общественные сознания в обширную знаково-смысловую область, составляющую ядро культуры и общую предельную схему интерпретации реальности, из которой черпают смысл любые, даже рациональные научные историко-культурные дискурсы. Личностные и групповые идентичности проходят стадию легитимации и репрезентации именно в этой ценностной системе. То есть, базовые смысловые мифологические структуры являются важнейшими компонентами общественного сознания и выполняют не только деструктивные, но и конструктивные, значимые для общества, функции.

Более того, начиная с середины XX века феноменологи, исследуя общественные функции социального мифа, пришли к выводу о том, что миф – не просто вредное заблуждение или «заболевание» общественного сознания (как считали ранее), с которым нужно бороться любыми средствами. Миф был репрезентирован как необходимый и

даже как неотъемлемый и сущностный компонент общественного сознания, в основании которого лежат все объяснительные мировоззренческие схемы [6, с. 29-32.]. То есть, в любом обществе, особенно в современном, имеет место определенная вариативность и колебания актуализации мифа/рационального мышления. Л.Г. Ионин считает, что мифологическая объяснительная схема никуда не исчезает даже тогда, когда происходит рационализация общественного сознания. Она – базовая «реальность, ибо воздействует на реальность, изменяя её, создавая или разрушая» [7, с. 210.]

Первые попытки рационализации и демифологизации исторического процесса сами еще изобилуют мифологическими структурами и объяснительными схемами. Выдающийся исследователь эсхатологии философ Рудольф Бультман замечает: «...традиционная библейская схема мировой истории могла быть секуляризирована, что и произошло. Ведь, в конечном счете, концепции мировой истории Гегеля, Маркса и Ницше представляют собой секуляризированную эсхатологию» [8, с. 652]. Демифологизация содержания исторического нарратива и пересмотр структур сознания, отвечающего за его форму – не одно и то же, второе, очевидно, процесс, требующий гораздо более глубокой рефлексии.

Однако, оставляя в стороне вопрос о фундаменте общественного сознания и мифологическом содержании коллективного бессознательного, скажем, что в отчетливо рефлекслируемом содержании общественного сознания миф и историческое сознание не уживаются друг с другом, являясь взаимоисключающими формами познания мира. Миф антиисторичен по своей природе, и рационализация общественного сознания неизбежно влечёт за собой деструкцию мифа и, соответственно, центробежные процессы в общественном сознании. Миф вытесняет из сознания категорию исторического времени, заменяя её фиксированной иерархией событий. Категория времени переосмысливается, распадается линейность времени, время оказывается дискретным или выражено цикличным, в нём меняются причинно-следственные связи: будущее не всегда следует за прошлым, оно может меняться с ним местами. Теогония, лежащая в событийном содержании мифологического историописания – это не описание событий прошлого, не факт уже свершённого, это вневременная объяснительная схема, принцип устройства мира, правило, которое нельзя нарушать, заботясь о собственной безопасности. Мифологический «нарратив» обязательно несёт в себе встроенный этический принцип, собственную логику смыслообразования, ритуальные нормативы исполнения этих правил. Это всегда целостная самодостаточная система, не нуждающаяся в дополнении. Эта система обеспечивает целостный взгляд на проблему, нормативную и ценностную определённую и критерии соответствия. То есть, она заменяет собой все компоненты исторического сознания, порождая особую недискурсивную структуру мышления и собственные «беспроблемные» схемы интерпретации реальности, фундированные собственным языком описания мифологической истины. Безоценочность и сверхпроблематизация рационального историописания сменяется беспроблемностью и сверхоценочностью мифа.

При этом надо сказать, что современный миф утратил инвариантность формы, по форме он приблизился к рациональным формам мировоззрения, часто мимикрирует под

них. Но содержание его при этом не меняется, в нем остается дипластичность компонентов, неаналитичность мышления, ритуальность как механизм трансляции и функционирования и пр. Он по-прежнему «перекодирует» символическую реальность как целостную, проблемную, деонтически определённую.

Миф часто возникает как ответ на серьёзную травму социальной солидарности, резкие институциональные деформации, революции, войны, затяжные системные депрессии. Переживая посттравматический синдром, общество продуцирует мифы, выстраивая макроидентичности в замкнутом и «безопасном» символическом пространстве. Не будучи в состоянии обеспечить однородную и устойчивую институциональную структуру, добиться стабильной легитимации, а также страдая от следующих одно за другим социальных потрясений, такое общество гипертрофирует ценность прошлого, изыскивая средства стабилизации в его потенциале. Отчуждение истории от человека и архаизация являются неизбежными последствиями, однако «меньшим злом» по сравнению с социальной и политической нестабильностью.

Миф гипертрофирует и фиксирует коллективные ценности, упрощает объяснительную схему реальности, и тем самым позволяет снять непосильную задачу переживания социальной травмы, снимая, эту задачу, а не решая её. За сравнительно небольшое время она исчезает из коллективной повестки, перестаёт быть значимой, часто амнезируется и «перестает существовать» для людей.

Историческое сознание обладает мощным потенциалом демифологизации, однако не обладает в той же мере потенциалом культурной адаптации и детравматизации. При этом процесс демифологизации очень часто становится процессом детравматизации [9, с. 6-16]). Рационализируя общественное сознание, оно возвращает общество к амнезированной и не пережитой (вытесненной) травме, которую необходимо заново проработать и переоценить [10, с. 80]. Восстановление исторического опыта требует его аналитической проработки, извлечения коллективного «урока истории» и придания ему общественно значимого смысла (формирование «мемориальной культуры», культуры воспоминаний, основанной на рациональных принципах) [11, р. 373-378]. Именно мемориальная культура, а не одно только историческое сознание, способна поддерживать и обеспечивать идентичность, поскольку обеспечивает связь прошлого и будущего на ценностном основании.

В связи с этим можно сделать вывод о том, что процессы рационализации и демифологизации в обществе не должны носить тотального характера, быть принудительными и, тем более, иметь насильственно-революционный характер. Любая нейтрализация социального мифа должна производиться тогда, когда общество имеет потенциал для репрезентации предшествующей мифу и архаизации социальной травмы и проживания последующей аксиологической репрезентации травмирующей реальности.

Если не учитывать эти обстоятельства, разоблачение мифов и принудительное возвращение травмы в социальную повестку грозит обществу гораздо большими травмами, чем те, которые планировалось устранить в процессе демифологизации. И в перспективе оборачивается гораздо более масштабной мифологизацией, чем была до начала этого

процесса. Общество должно быть готовым осознать не только собственную травму, но и те причины, которые к ней привели. И те предрассудки, идеализации и мифы, которые её скрывали. Контроль над этими конструктами, по сути, и означает настоящую демифологизацию и рационализацию общественного сознания.

Список литературы

1. Zubova O. G. Мифологизация исторического прошлого в общественном сознании // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2013. № 4 (37). – С. 289-296.
2. Февр Л. Бои за историю. – Сретенск: МЦИФИ, 2000. – 344 с.
3. Рочняк Е. В. К вопросу о мифологизации массового сознания // Гуманитарный вестник (Горловка). 2017. № 3 (1). – С. 174-182.
4. Поспелов Д. В. Особенности мифологизации сознания в условиях социокультурного кризиса: дис... канд. психолог. наук: 19.00.05 / Поспелов Дмитрий Владимирович. – Москва, 2001. – 167 с.
5. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: Изд-во «Медиум», 1995. – 323 с.
6. Миллер Е. А. Некоторые аспекты процесса мифологизации массового сознания // НаукаПарк. 2015. № 3 (33). – С. 29-32.
7. Ионин Л. Г. Социология культуры. – М.: ГУ ВШЭ, 2004. – 427 с.
8. Бульгман Р. Избранное: Вера и понимание; пер. с нем. – М.: РОССПЭН, 2004. Т. I–II. – С. 652.
9. Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социологические исследования. 2001. № 1. – С. 6-16.
10. Аникин Д. А., Головашина О.В. Травмы культурной памяти: концептуальный анализ и методологические основания исследования // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 425. – С. 78-84.
11. Baklanov I. S., Baklanova O. A., Shmatko A. A., Gubanova M. A., Pokhilko A. D. The Historical Past as a Factor of Sociocultural Transformations of Postmodernity // Journal of History Culture and Art Research. 2018. V. 7. № 1. – p. 373-378.

Сведения об авторе

Шматько Александр Александрович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры теории и методики профессионального образования факультета технологии, экономики и дизайна, Армавирской государственной педагогической академии.

E-mail: alex79andr@mail.ru

Shmatko A. A.

HISTORICAL CONSCIOUSNESS AS A FACTOR OF DEMYTHOLOGIZATION AND DETRAUMATIZATION OF PUBLIC CONSCIOUSNESS

Annotation: *The article considers the processes of demythologization and rationalization of public consciousness under the influence of historical consciousness, which also plays an important role of detraumatization within the framework of the social system. It is emphasized that cultural and value traumas, breaks in public consciousness occur constantly in modern society. In turn, society must be ready to recognize not only its own trauma, but also the reasons that led to it, as well as those prejudices, idealizations and myths that hid it. It is argued that the processes of rationalization and demythologization in society should not be of a total nature, be coercive and, moreover, be of a violent revolutionary nature, since any neutralization of the social myth should be carried out when society has the potential to represent the previous myth and archaize social trauma. and living the subsequent axiological representation of the traumatic reality, including by referring to the historical past and historical narratives.*

Keywords: *history, historical consciousness, social changes, social trauma, social myth, demythologization, archaization, values.*

References

1. Zubova O. G. The mythologization of the historical past in public consciousness // Caspian region: politics, economics, culture. 2013. No. 4 (37). -S. 289-296.
2. Fevr L. Fights for history. - Sretensk: MCIFI, 2000. - 344 p.
3. Rochnyak E. V. To the issue of the mythologization of mass consciousness // Humanitarian Bulletin (Gorlovka). 2017. No. 3 (1). -S. 174-182.
4. Pospelov D. V. Features of the mythologization of consciousness in the context of a sociocultural crisis: Dis ... Cand. psychologist. Sciences: 19.00.05 / Pospelov Dmitry Vladimirovich. - Moscow, 2001. - 167 p.
5. Berger P., Lukman T. Social design of reality. A treatise on sociology of knowledge. -M.: Medium Publishing House, 1995.-323 p.
6. Miller E. A. Some aspects of the process of mythologization of mass consciousness // Naukapark. 2015. No. 3 (33). -S. 29-32.
7. Ionin L. G. Sociology of culture. - M.: GSHE, 2004. -- 427 p.
8. Bultman R. Favorites: Faith and Understanding; per. With him. - M.: Rosspen, 2004. T. I - II. - S. 652.
9. Shtopka P. Social change as an injury // Sociological studies. 2001. No. 1.-S. 6-16.
10. Anikin D. A., Golovashina O. V. Trauma of cultural memory: conceptual analysis and methodological foundations of research // Bulletin of Tomsk State University. 2017. No. 425.-S. 78-84.

11. Baklanov I. S., Baklanova O. A., Shmatko A. A., Gubanova M. A., Pokhilko A. D. The Historical Past as a Factor of Sociocultural Transformations of Postmodernity // Journal of History Culture and Art Research. 2018. V. 7. № 1. – p. 373-378.

Shmatko Alexander Alexandrovich – candidate of historical sciences, senior teacher of the Department of Theory and Methods of Professional Education of the Faculty of Technology, Economics and Design, Armavir State Pedagogical Academy.

E-mail: alex79andr@mail.ru

УДК 130.3; 327.5

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРЕУГОЛЬНИКИ В КОНТЕКСТЕ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА: СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД

Жульков М. В.

Аннотация: В формирующейся системе глобальной цивилизации и многополярного мира важную роль играют геополитические треугольники, их исследованию и посвящена данная статья. Глобальная цивилизация представлена авторской концепцией мировой глобальной сети, где узлами являются столицы и крупные города, а соединительные линии показывают потоки вещества, энергии, информации. Эта мировая сеть цивилизации находится в процессе становления, геополитические треугольники представляют один из существенных способов ее самоорганизации и функционирования. Геополитические треугольники исследуются системным, ноосферно-энергетическим подходами.

В результате выявлены три основных уровня функционирования треугольников: социальный, психоэнергетический и информационно-семиотический. Социальный уровень является синтетическим, он проявляет все три составляющие треугольника в виде экономических, политических и культурных потенциалов и отношений; психоэнергетический уровень включает отношения, основанные на психической энергии – государственные, этнические, национальные идеологии и интересы, ценности культуры, включая религиозные ценности и отношения, особенности психологии этносов; информационно-семиотический уровень включает мировоззренческие и научные концепции, национальные идеи, стратегические цели, основные культурные коды и программы развития. Информационно-семиотический уровень обеспечивает с помощью формирования единого поля мировоззрения целостность треугольника как функционирующей единицы, преодолевающей противоречия парных отношений в треугольнике. Однако, поскольку современная цивилизация находится в процессе формирования и реформирования, в реальных треугольниках может доминировать любой из уровней. В треугольнике выделены активный и пассивный полюса и полюс-посредник, вместе образующие канал протекания энергетических потоков. Так происходит циркуляция энергий в геополитических треугольниках, обеспечивающая динамику современной цивилизации.

Ключевые слова: геополитический треугольник, системный подход, ноосферный энергетизм, мировая цивилизационная сеть, социальный уровень, психоэнергетический уровень, информационно-семиотический уровень

Геополитическая ситуация в современном мире претерпевает большие изменения. Волна западной модели глобализации, доминирования западной цивилизации (Новое время – начало XXI века) сменяется усилением восточных цивилизаций, подъемом национальных самосознаний, переделом сфер влияния, поиском и выстраиванием много-

полярного мира. Одним из способов самоорганизации нового миропорядка являются геополитические треугольники.

Геополитические треугольники в мировой цивилизационной сети

Современный мир находится в процессе трансформации, постоянных изменений, которые становятся нормой жизни. Силовой каркас современного мира образуется потенциалами и отношениями стран, и как глобальное явление находится в процессе функционирования примерно с середины XIX века, в настоящее время находится в процессе переформирования. Как отмечал Е.М. Примаков: «Окончание холодной войны привело к ликвидации биполярной мировой системы. Начало образовываться многополярное мироустройство». «Мировыми центрами помимо США и СССР становились Китай, Япония, Индия, Европейский союз и другие» [1, с. 123]. Несмотря на то, что США стремились создать однополярную систему, многополярность мира развивается. Интересно, что в конце своей научной карьеры (и в конце жизни) З. Бжезинский, сторонник жесткой конфронтации с СССР и Россией, изменил свою точку зрения. Чтобы сохранить США в мировых лидерах, он предлагал формировать стратегический треугольник США – Россия – Китай [2]. Необходимо отметить, что проблема геополитических треугольников освещена и разработана не так подробно, как другие основы геополитики, и автор видит свою задачу в применении системного подхода к ее исследованию. Отметим, что все многообразие отношений и объединений в цивилизационной сети образуется за счет двусторонних и трехсторонних отношений. Треугольник – это минимальное множество, соединение трех элементов обеспечивает циркуляцию энергии, то есть динамику отношений. Два элемента создают поле напряжения, поле отношений, но циркуляция, обмен энергиями затруднены. Необходимо, чтобы появился третий элемент, играющий роль посредника, если не активного участника, тогда образуется канал протекания энергий. Вспомним биполярный мир холодной войны, когда вокруг двух супердержав были объединены союзники, образующие блоки, остальные страны так же были вынуждены принимать чью-то сторону. В результате мир был разделен на два противоборствующих лагеря, антагонизм которых распространялся на все сферы жизни, создавая постоянное напряжение. Это важно отметить: двойственность – это жесткое противостояние. Переход к тройственности приводит к циркуляции энергии, обмену между участниками, напряжение разряжается, в результате такой динамики мир может продвигаться в конструктивных направлениях. В системе глобальной цивилизации и многополярного мира геополитические треугольники играют важную роль. Однако целостной концепции развития и функционирования геополитических треугольников пока не создано, и этой теме посвящена данная статья.

Методология геополитических треугольников разрабатывается как в западной (А. Танака, З. Бжезинский, Л. Диттмер), так и отечественной традиции (А.Б. Елацков, М. Троицкий), но целостной концепции пока не создано. Используя идеи глобализации и многополярного мира, вполне резонно предположить, что страны образуют мировую цивилизационную сеть, которую легко визуализировать связями между столицами и другими крупными городами. Линии между городами символизируют вещественные,

энергетические и информационные связи, в результате мировая сеть функционирует, в ней начинают протекать процессы самоорганизации. Эта мировая сеть имеет крупные действующие и формирующиеся полюсы, такие как США, Китай, Россия, Англия, Япония, Германия, Франция и др. Она содержит несколько силовых треугольников, в которых циркулируют основные энергии современной цивилизации, задающие ритм всей мировой сети. Большое количество геополитических треугольников находятся в процессе становления. В связи с концепцией мировой цивилизационной сети учение о геополитических треугольниках приобретает более широкое значение – оно показывает геополитические треугольники как динамический фактор функционирования и развития мировой цивилизации в целом.

Ноосферный энергетизм [3; 4] имеет несколько основных положений, которые используются в данном исследовании. Основная структура мира представлена вещественным и информационным мирами, соединенными энергоинформационными взаимодействиями. Применяя это положение к треугольникам, получаем тройственную структуру геополитического треугольника. Еще одно базовое положение ноосферного энергетизма состоит в утверждении сопряженной эволюции сознания и социальных форм его выражения, что позволяет констатировать взаимосвязь субъективной и объективной сторон геополитических треугольников.

Определенное значение для данного исследования имеют учения о тройственности высших миров: индуистская Тримурти, христианская Троица и др. Отношения в данных троичностях гармоничные, но в реальной жизни наблюдается взаимозависимость и борьба. В связи с этим интерес для нашей темы представляют геософские исследования А.Г. Дугина. Ученый выделяет три Логоса, между которыми нет идеальных отношений, наоборот, между ними разворачиваются войны, идет борьба Империй этих Логосов [5, с. 14]. Сами Логосы определяются как светлый, упорядочивающий, мужской Логос (Аполлон), черный, материальный, женский Логос (Кибела) и промежуточный, темный Логос (Дионис), связанный с игрой психических сил.

Многообразные проекции этих трех Логосов образует все разнообразие культур, образуя «насыщенный и содержательный плюриверсум». Так образуется множество Логосов цивилизаций и культур, реализуя горизонтальную топику ноомахии. В результате картина мира содержит как минимум два уровня: война трех Империй на уровне Логосов и «оппозиции и конфликты между проекциями этих Империй на горизонтальную плоскость» [5, с. 14] на уровне реальной жизни народов и культур. Таким образом, геософия, А.Г. Дугина носит энергийный характер. Народы имеют различные энергоинформационные характеристики, что определяет отношения между ними на уровне ума, психофизических особенностей и социума, наличие этих структур показывает необходимость выделения трех уровней геополитических треугольников. С одной стороны, имеется сложный конгломерат политических, экономических и культурных связей и отношений между народами, но, чтобы их правильно оценить, необходимо исследовать отдельно информационные и энергоинформационные составляющие этих отношений.

Многомерность мира утверждается древними философско-религиозными учения-

ми индуизма, эта концепция может быть использована для изучения субъективных, тонкоматериальных составляющих геополитических треугольников. Концепции мировой цивилизационной сети является одной из целого ряда теорий глобального мира, среди которых: концепция глобальной революции Ф. Фукуямы, мир-экономики Ф. Броделя и продолжающий ее мир-системный анализ И. Валлерстайна, теория С. Хантингтона о цивилизационных разломах, взгляды Э. Тоффлера на три типа власти, собственно геополитические труды Г. Киссинджера и З. Бжезинского, концепции однополярного и многополярного мира, теории постиндустриального, информационного общества, борьба и взаимодействие двух типов глобальной власти по Н. Фергюсону [6] – иерархической власти государств и горизонтальной сетевой власти, К. Шмитта [7] о политической и хозяйственной деятельности в связи с освоением пространств земли, параллельным развитием системы права, необходимость его развития для глобального мира. Представляется, что упомянутые теории являются эффективными и для изучения геополитических треугольников, одновременно и методология геополитических треугольников может быть полезна для расширения этих концепций.

Многообразие геополитических треугольников

Геополитические треугольники могут быть классифицированы по разным основаниям – этническим (общность происхождения), собственно геополитическим, экономическим, географическим, культурным и даже религиозным. А.Б. Елацков, создавая обобщенную модель геополитического треугольника, выделяет два их типа: позиционный и треугольник взаимодействия. Позиционные появляются, как правило, на стыках трех границ. Так, в 1989 году было объявлено о треугольнике роста Сингапур – Малайзия – Индонезия [8, с. 56]. Треугольник взаимодействия развивается по триадному принципу. Рассматриваются и изучаются не только геополитические, но и тесно связанные с геополитикой геоэкономические треугольники, например, Восточно-Центрально-Евразийский углеводородный энергетический комплекс (Китай, Россия, Казахстан) [9], этот треугольник рассматривается как формирующийся, то есть как включающий весь спектр взаимоотношений [10]; литиевый треугольник (Аргентина, Боливия, Чили), имеющий значение для перехода на низкоуглеродную энергетику [11] и др. Недавно объявлен англо-саксонский треугольник США – Англия – Австралия (AUKUS) в сфере обороны и безопасности, направленный (помимо других целей) против Китая в Тихоокеанском регионе. Исследуются также множество региональных треугольников. В настоящее время ЕС начинает рассматриваться как некая единица геополитики, тогда, распространяя далее этот подход, можно говорить об отношениях с участием ЕС, ШОС, ЕАЭС и т. п., то есть об отношениях больших региональных и глобальных объединений. В современном мире существуют и не «треугольные» отношения, играющие определенную роль в геополитике, например, «Четырехсторонний диалог по безопасности» (QUAD), созданный в 2007 году.

Отметим, что могущество и субъективно-объективный характер геополитических треугольников ярко проявился во время Второй мировой войны. Как известно, существовали две коалиции, которые определялись тройками стран: СССР – США – Англия

и Италия – Германия – Япония. Такие треугольники А.Б. Елацков называет силовыми, вокруг них строятся более сложные конструкции [8, с. 57]. Первый из вышеназванных треугольников оказывал сильное влияние на общее состояние и ситуацию в мире, его можно было бы назвать основным арийским треугольником. Исходя из наличия миссий наций-государств (Л. Ларуш), отметим, что Англия несет миру идеи и формы правильного управления; США – правильных человеческих отношений, и СССР (Россия) – идеи братства народов, правильного воспитания и образования. Эта базовая троичность и взаимодополнительность могла бы продолжать оказывать благоприятное влияние на мир, если бы действие этого геополитического треугольника не было заторможено и даже приостановлено началом холодной войны (фултонской речью У. Черчилля). Представляется, что наши партнеры вспомнят о России, когда расстановка сил на мировой арене («шахматной доске», по выражению З. Бжезинского) окончательно изменится в пользу стран Азии, таких как Китай и Индия. Биполярная структура послевоенного мира постепенно заменялась стратегическим треугольником СССР – США – Китай [12], идею которого продвигали как США (Г. Киссинджер, треугольная дипломатия), так и СССР, налаживая двусторонние отношения с Китаем. Этот треугольник функционировал благодаря пониманию военно-стратегической взаимозависимости стран друг от друга. Геополитические треугольники можно рассматривать с точки зрения отношений национальных сознаний, включающих национальные миссии (цели), особенности менталитета, национальные интересы и т. п. Большую роль в национальных отношениях играют такие организационные формы, как экономическое и политическое сотрудничество, культурный обмен. Существуют и такие составляющие отношений, которые до сих пор считались иррациональными – это психоэмоциональные (психоэнергетические) отношения, например, в военно-стратегической (с точки зрения потенциалов и так называемого «боевого духа», способности жертвовать собой и т. п.), этнонациональной (пассионарность этноса), религиозной сферах. В этом виде отношений главное значение приобретают психоэнергетические составляющие. В результате создания психодинамической концепции сознания З. Фрейдом и развития этих идей К. Юнгом, Э. Фроммом, Р. Ассаджиоли о бессознательной (а у последнего и сверхсознательной) части сознания можно рассуждать рационально, а значит, научно, само понимание рациональности расширилось. Формирующаяся энергоинформационная картина мира, когнитивные науки, ноосферный энергетизм могут предоставить инструментарий для исследования в этих областях. В этом случае геополитические исследования приобретут новое измерение. Такие исследования тем более важны на фоне внешних воздействий на национальные государства (информационные и гибридные войны, оранжевые революции).

Особый интерес представляют отношения лидеров различных стран, включая «треугольные» отношения. Являясь фокусными точками национального сознания, они являются не просто представителями, но и проводниками энергий национальных сознаний. Принося свои личные качества в отношения геополитических треугольников, лидеры стран могут способствовать или препятствовать циркуляции энергии между странами, решать возникающие между странами проблемы. Вспомним, что перед Пер-

вой мировой войной лидеры трех основных будущих её участников приходились кузенами друг другу (император России Николай II, король Англии Георг V, кайзер Германии Вильгельм II) но не смогли договориться. Конечно, между странами накопились объективные противоречия, тем не менее, они могли быть решены путем переговоров и компромиссов, а не военных действий. Переговоры лидеров антигитлеровской коалиции – СССР, США, Англии – основного геополитического треугольника времен Второй мировой войны, И.В. Сталина, Ф. Рузвельта, У. Черчилля – были более успешными, они заложили основы архитектуры послевоенного мира, привели к образованию Организации Объединенных Наций, формированию существующей системы безопасности. Эти примеры из современной истории можно продолжить, они показывают, что значение «человеческого фактора» в целом и личных качеств лидеров государств, их способность вести переговоры, налаживать двусторонние, «треугольные» и многосторонние отношения все время растет. Таким образом, треугольники лидеров становятся отдельной и важной темой исследований.

В настоящее время Россия, несмотря на свою недостаточную экономическую мощь, продолжает играть на мировой арене значительную роль. Н.Н. Моисеев указывал, что технологии в современном мире меняются быстро, а характеры наций – медленно. В этих условиях необходимо умение идти на компромиссы, без которых глобальная цивилизация просто не сможет существовать: «Вот в этой ситуации роль России может оказаться чрезвычайно важной. И дело не в том, что у нас есть ресурсы, нужные всей планете, и наше географическое положение как бы связывает в единое целое все северное полушарие. Россия обладает уникальным ядерным потенциалом сдерживания. Если к этому добавить, что тысячелетие совместной жизни с мусульманскими народами дало нам тоже уникальный опыт, то не очень трудно увидеть, сколь эффективной может оказаться наша роль учредителей компромиссов» [13, с. 373]. Современная история показывает, что Россия проводит в жизнь, и достаточно успешно, именно такую политику, она, по крайней мере, частично, реализуется через геополитические треугольники, в которых участвует или создаёт Россия.

Н.Н. Моисеев трепетно относился к треугольнику восточнославянских народов (Россия, Белоруссия, Украина), завещал его беречь, защищать и развивать. В настоящее время этот треугольник вряд ли можно назвать действующим по известным причинам. В связи с этим возникает вопрос, может ли учение о геополитических треугольниках адекватно моделировать сложившуюся в названном треугольнике ситуацию и возможные сценарии ее исправления? Вопрос имеет важное практическое значение.

Ось Париж – Берлин – Москва – не что иное как силовой треугольник «новой Европы». Автор книги «Новая Европа: Париж – Берлин – Москва» Марк Руссе ищет пути возвращения Европе самостоятельного значения на мировой арене. Он пишет: «... может быть, перестав быть просто подрегионом евро-атлантической системы, Европа должна стать для европейских наций средством уравновесить, с помощью России, геостратегические вызовы завтрашнего дня, так же как давление американского мира?» [14, р. 11]. Автор придерживается мнения, что союз с Россией и атлантическим миром

поможет занять Европе ее место в многополярном мире, формировать более сбалансированный мировой порядок. Этот треугольник проявил себя в Минских соглашениях, в экономическом сотрудничестве между Россией и Францией, Германией, но в настоящее время треугольник не работает, или работает, но в некотором отрицательном смысле, когда два участника оказывают давление на третьего с целью изменить его поведение на международной арене. Н.У. Ханалиев анализирует в своей статье такой неожиданный треугольник как Россия – Турция – Иран. Он приходит к выводу, что агрессивная политика США на Ближнем Востоке толкает эти страны с разными геополитическими интересами и непростыми отношениями как между собой, так и с Соединенными Штатами, к более тесным отношениям для защиты своих национальных интересов в регионе [15]. При этом автор сомневается в длительности существования этого треугольника (в настоящее время он успешно развивается). Главный стратегический треугольник, который пытается формировать наша страна: Россия – Китай – Индия, предложен, как известно, Е.М. Примаковым [16, с. 251; 17; 18]. Он может стать основой азиатской и мировой стабильности и локомотивом развития на всех уровнях – экономическом, политическом, культурном.

Модель геополитического треугольника

Чтобы создавать реальные модели многополярного мира и глобального сознания, необходимо лучше понимать функционирование геополитических треугольников. Для создания модели используем системный подход А.И. Уёмова [19; 20], идеи ноосферного энергетизма [3, с. 91–109], психоэнергетические концепции индийской философии. Система исследуется на трех уровнях: концепт (системообразующее свойство), структура (отношения элементов) и субстрат (совокупность элементов). Эта тройственность должна быть дополнена понятием сущности системы, которая определяет саму систему, ее природу и целостность. Еще одно понятие – энергия сущности (по сути – системная энергия), задает взаимодействие сущности системы (идейно-семиотического и смыслового каркаса) и ее объективного тройственного выражения. Обобщенным выражением такой системной структуры является известная троика вещество – энергия – информация.

В соответствии с теоретическими разработками ноосферного энергетизма сущность системы мировой цивилизационной сети нужно искать в информационной сфере, в результате становится понятно, что этой сущностью является глобальное сознание человечества. Необходимо рассматривать функционирование системы «сознание – социальная форма его выражения», то есть мировая цивилизационная сеть и глобальное сознание соответствуют друг другу, взаимно влияют друг на друга, образуют определенную целостность, единство. Оно обеспечивается восходящим и нисходящим энергоинформационными потоками. Сущность геополитического треугольника – это общее поле сознания его участников. Функционирование геополитического треугольника обеспечивается обменом веществом, энергией, информацией между странами, и этот обмен нужно рассматривать на трех основных уровнях, которые можно рассматривать как концепт, структуру и субстрат системы геополитического треугольника.

Концептом геополитического треугольника является мировоззрение участников, национальные цели, приоритеты, миссии, планы развития. Концепт геополитического треугольника находит свое выражение в культурных, информационных отношениях стран, в формировании национальных коллективных форм разума, в пределе – глобального сознания.

Субстратом геополитического треугольника следует считать отдельные страны, олицетворяемые их столицами, а также и другими крупными городами. Структуру треугольника проанализируем в двух направлениях – горизонтальном и вертикальном, она образуется тремя видами отношений – вещественными, энергетическими, информационными. Горизонтальный уровень – это уровень социальной жизни, синтезирующий ее различные стороны. Применяя идеи тройственности, выделим в треугольнике активный и пассивный полюса и полюс-посредник. Тогда циркулирующие энергии в основном будут определяться активным полюсом и двигаться к пассивному через посредника. Такая структура может иметь динамический характер, то есть полюса могут менять свои основные характеристики и роли в треугольнике. Вертикальная структура показывает вещественные, энергетические и информационные отношения в треугольнике. Эта структура может быть визуализирована в виде трех надстоящих друг над другом треугольников, связанных энергоинформационными потоками. Используем энергоинформационную модель мира ноосферного энергетизма, а также древнеиндийские концепции многоуровневости мира. Как известно, учение йоги выделяет четыре основные ступени в строении мира: Абсолютное, ум, энергия, сила. Рамачарака пишет, что «...умственная субстанция есть первое проявление, и из нее проистекает энергия, а из энергии проистекает материя; таким образом, все они составляют части единой реальной субстанции, различные лишь по степени, и все они части тройственного проявления, или эманации Абсолютного» [21, с. 264]. Ноосферный энергетизм выделяет информационный, энергоинформационный и вещественный миры [3, с. 60–67]. Тогда в связи с нашей темой выделим информационно-семиотический, психоэнергетический и вещественный (социальный) уровни геополитического треугольника, которые можно рассматривать как самостоятельные треугольники. Энергетические потоки разделим на вертикальные и горизонтальные, как это понимал П. Тейяр де Шарден [22, с. 61], напомним так же воззрение Н. Фергюсона о «площаде и башне» – вертикальном и горизонтальном регулировании современной цивилизации. Согласно идеям русского космизма, учения В.И. Вернадского о биосфере и ноосфере, космические энергии становятся космопланетарными и планетарными, обеспечивая все необходимые взаимодействия и эволюцию [23, с. 20]. Таким образом, современная наука использует идею сквозной циркуляции энергии между различными уровнями мира. Учение Живой Этики о психической энергии подразумевает, что универсальная психическая энергия строит и наполняет Космос, дифференцируется на множество видов энергии, включая энергии сознания, воли, мысли, психическую энергию в узком смысле (желания, восприятия, эмоции), физические энергии. Человек является приемником психической энергии, трансформирует ее, направляет вверх, замыкая круговорот энергий на планете [24, § 296, с. 162]. Теория этно-

генеза Л.Н. Гумилева [25] основана на понятии пассионарности – избытке психической энергии, поэтому она близка учению о психической энергии и учению о ноосфере как совокупности культурных достижений определенного этноса или суперэтноса. В этой теории также прослеживается три уровня: жизнь этноса, психическая энергия (пассионарность), наконец, его ноосфера (культура этноса, включающая государство и право). Причем ноосфера в том числе понимается как нематериальное образование, надстоящее над жизнью этноса.

Выше мы приняли, что сущностью системы глобальной цивилизации является глобальное сознание человечества, оно становится главным приемником и генератором энергий (вертикальных) на планете, а значит, будет распределять принимаемые энергии по силовым геополитическим треугольникам, что соответствует концепции ноосферного энергетизма о сопряженной эволюции сознания и социальных форм его выражения. При этом они сначала проходят через информационно-семиотический треугольник информационного мира, затем – психоэнергетический в энергоинформационном мире и, наконец, опускаются на вещественный уровень, принимая знакомые всем социальные формы энергий. Последние могут быть проанализированы как экономические, культурные и политические. Социальный уровень, как и следует ожидать, синтезируют все основные виды энергии в их уплотненном, материальном выражении. Так, в информационном мире информационно-семиотические энергии (энергии мысли) носят субъективный характер, имея свой собственный, тонкоматериальный носитель (например, предполагаемое торсионное поле). На социальном уровне информационный обмен имеет несколько вариантов материальных носителей – компьютерные сети, бумажные носители, речь как вид знаковых систем и др. То есть тройственность вещество-энергия-информация прослеживается на каждом уровне. В результате отношения в геополитических треугольниках можно разделить на три основных уровня: социальный; энергоинформационный (психоэнергетический), информационно-семиотический:

- Вещественный, социальный уровень – социальный в смысле трехмерного физического мира, это синтетический уровень, он объединяет политические, экономические и культурные процессы. Одновременно эти процессы можно классифицировать как обмен веществом, энергией, информацией, все эти компоненты должны иметь определенный физический субстрат. Например, информация кодируется знаковыми системами и передается техническими средствами. Геополитические отношения представлены политическими, торгово-экономическими связями, экологическими отношениями; сюда входят проблемы выживания наций и государств, продовольственная, экологическая и военная безопасность, территориальная целостность, системы коммуникаций, диалог властных структур, общественных организаций.

- Энергоинформационный, структурно-энергетический уровень – соответствует астральному плану философии индуизма, психической энергии в узком смысле слова. Содержит психоэмоциональные, психоэнергетические отношения: межэтнические, военно-стратегические, религиозные отношения; национальные характеры, пассионарность этноса, его психологические особенности – все, что связано и отрабатывается

психическими энергиями и напряжениями. Этот уровень во многом определяется глобальным подсознанием человечества, которое содержит архетипы поведения и мировоззрения (К. Юнг), а также такие энергии, как агрессия, тимос (яростное отстаивание справедливости), чувство превосходства, жестокость, либидо, борьба за власть. Одновременно уровень включает и высшие энергии, такие как патриотизм, дружба, верность, жертвенность и др. высшие чувства и переживания. Названные энергии вместе образуют психоэнергетические потенциалы стран и народов.

- Информационно-семиотический (концептуальный) уровень – отвечает ментальному плану, наполнение осуществляется энергией мысли: культура, наука, образование, философия, национальные миссии, мировоззрение, система права и т. п. Уровень имеет свой собственный субстрат, природа которого обсуждается, но до конца не ясна. Этот уровень обеспечивает общее поле для обсуждения проблем, культурного, идейного обмена, достижения компромиссов по мировоззренческим вопросам с целью обеспечения функционирования геополитического треугольника как целостной единицы.

От модели к реальности

Отметим, что предложенная концепция геополитических треугольников носит характер идеальной модели, реальные системные связи могут образовываться достаточно долго или вообще отсутствовать на отдельных уровнях, могут быть искажены. Легко представить, что геополитический треугольник начинает образовываться на одном из уровней, чаще всего на социальном, как собственно политический, а затем надстраивается тонкоматериальными составляющими, когда страны-нации начинают обмениваться энергиями культуры, науки, мировоззренческими и религиозными представлениями. Параметрическая теория систем задает и другой вектор развития – от концепта к субстрату, то есть геополитический треугольник в этом случае начинает функционировать на уровне идей, мировоззрений, научных, этно-национальных, философских, стратегических интересов и целей, постепенно переходя в психоэнергетическую и материальную плоскость. Как пример укажем историю геополитического треугольника РИК (Россия – Индия – Китай), идею которого предложил Е.М. Примаков во время официального визита в Индию в декабре 1998 г., и эта идея была встречена дипломатично осторожно в Индии и прохладно в Китае [18]. Перед этим событием Е.М. Примаков определенное время, может быть, годы, вынашивал эту идею, учитывая, что он был директором Института востоковедения АН СССР. Отметим, что у идеи есть свои этапы жизни: от ее высказывания до полного выражения проходит определенный период. А до формулирования идеи проходит период ее скрытого нарастания в уме человека. Дальнейшее известно – этот треугольник постепенно обрел свои очертания (образовался РИК) и из простой идеи стал чем-то осязаемым, наполненным энергиями и намерениями сторон. Затем он стал основой для формирования БРИКС – объединения, альтернативного Большой семёрке и имеющего значительный вес и перспективы в современном мире.

Говоря о формировании другого стратегического треугольника Россия – США – Китай (несмотря на политику США в настоящее время), нужно отметить растущую экономическую и политическую мощь Индии. Скорость экономического роста этой стра-

ны выше китайской, так что она вполне может обогнать Китай по этому показателю в ближайшие десятилетия. Тогда стратегическая глобальная конфигурация примет более сложный вид, состоящий из четырех стран: Россия, США, Индия, Китай. Моделируя такую более сложную конструкцию, можно прийти к тетраэдру – фигуре, состоящей из четырех треугольных граней, что дает возможность сделать прогноз о формировании не одного, а четырех взаимосвязанных глобальных стратегических треугольников, которые будут, по-видимому, определять геополитическую конфигурацию мировой цивилизационной сети в течение обозримого времени (несколько десятилетий).

Отношения в треугольнике развиваются постепенно. В начальный период они образуются за счет парных отношений, третья сторона используется как козырь в конкурентной борьбе, и для того, чтобы треугольник заработал, необходима выработка единого мировоззрения, обеспечивающего информационно-семиотическую целостность треугольника. И на этой основе в дальнейшем складываются отношения в сфере политики (психоэнергетический уровень) и в социально-экономической сфере («вещественный» уровень отношений в треугольнике). Именно так непросто складываются отношения в формирующемся стратегическом треугольнике Россия – США – Китай. Как отмечают авторы исследования «Треугольник Россия – США – Китай в АТР: факторы неопределенности», двусторонние отношения пока сильнее, и для того, чтобы данный треугольник обрел свои очертания («программа-максимум»), необходимо «выработать скоординированное мировоззрение, закладывающее основы нового подхода к пониманию национальных интересов в контексте глобального единого будущего нашего Мира» [26, с. 113]. В связи с этим, выскажем мнение, что, вполне возможно, значение имеет не общее единое мировоззрение, а некое общее поле мировоззрений, которое было бы не во всем противоречивым, то есть признающим мировоззрение другой стороны, базовые человеческие ценности и наличие этих ценностей у партнеров, а также национальных интересов не только своих, но и других наций и стран, возможность вести диалог.

Три составляющих треугольника (социально-экономическую, психоэнергетическую, информационно-семиотическую) нужно исследовать как самостоятельные области. Выскажем некоторые соображения по поводу основных особенностей данной системной организации:

- эти три уровня представляют самостоятельные «миры» отношений и области исследования;
- все три уровня имеют свое выражение в физическом мире; это всем хорошо знакомые политические, экономические и культурные отношения;
- психоэнергетическая и информационная области требуют отдельного исследования и осмысления для их практического применения (в том числе для национальной безопасности);
- концепция психической энергии и энергоинформационная концепция, используемые в рамках ноосферного энергетизма, представляют основу для таких исследований;
- в настоящее время значение психоэнергетической и информационной составляющих все более возрастает, использование психической и ментальной энергий приобре-

тает стратегическое значение, а это требует изменений и развития системы образования, структуры безопасности и др.

- формирование нового геополитического треугольника или запуск существующего, но не работающего в данный момент, треугольника возможен на всех трех уровнях, одновременно или последовательно, начиная с любого из них;

- психоэнергетическая или информационная составляющие треугольника могут иметь решающее значение для формирования полноценного геополитического треугольника, что также требует отдельного исследования;

- преимущества этих отдельных составляющих треугольников в том, что их формирование не требует больших финансовых затрат, при этом оно сопровождается постепенным формированием «вещественных» культурных связей и отношений;

- необходимость поддержания национальной безопасности требует развития концепции треугольников, так как они поддерживают стратегическую устойчивость государства и общества, как внутри государства, так и на международной арене.

В современных исследованиях все большее значение приобретают субъективные характеристики мира, а поддержание безопасности становится одной из основных стратегических проблем. Это особенно важно в условиях непрерывного информационного и психоэнергетического противостояния, борьбы мировоззрений и идеологий, информационных, гибридных войн и оранжевых революций. Отметим, что циркуляция энергии и информации в геополитических треугольниках формирует непрерывный поток, который создает устойчивое образование, защиту определенного рода – поток защищает сам себя от чужеродной информации, усиливает всех участников.

Заключение

Проблемы геополитических треугольников необходимо рассматривать с точки зрения формирования глобальной мировой цивилизационной сети и глобального сознания. Сложный конгломерат энергий, поступающий в мировую сеть глобальной цивилизации, может быть проанализирован как состоящий из взаимодействующих треугольников. Значение учения о геополитических треугольниках видится в разработке концепции циркуляции энергии как в горизонтальном направлении через силовые треугольники, так и в вертикальном – через силовые треугольники, находящиеся на трех основных уровнях. Применение использованных методов к анализу структуры и функционирования геополитических треугольников позволило выявить основные уровни этих треугольников – социальный (синтезирующий экономику, политику, культуру); психоэнергетический (ценности культуры, этнические, национальные идеологии и интересы, военно-стратегические отношения, религиозные отношения); информационно-семиотический (национальные идеи, наука, стратегические цели, основные культурные коды и программы развития). В результате возникают три поля: социальное, психоэнергетическое и информационно-семиотическое, взаимодействие между которыми обеспечивается вертикальными энергоинформационными потоками и которые на каждом уровне приобретают горизонтальные силовые составляющие. На каждом уровне выделяются активный и пассивный полюса и полюс-посредник, необходимый для образования ка-

нала энергетических потоков. Так происходит циркуляция энергий в геополитических треугольниках, составляющих, наряду с двусторонними отношениями, основу глобальной мировой цивилизационной сети и глобального сознания. Формирующееся учение о геополитических треугольниках обогатит современную геополитику и набор методов исследований.

Список литературы

1. Примаков Е. М. Будущее России. М.: Издательство АСТ, 2020. 480 с.
2. Zbigniew Brzezinski Z. How To Address Strategic Insecurity In A Turbulent Age. The ideal geopolitical response to the crisis of global power is a trilateral connection between the United States, China and Russia. Updated Jan 03, 2017. https://www.huffpost.com/entry/us-china-russia-relations_b586955dbe4b0de3a08f8e3e0?section=us_world.
3. Жульков М. В. Ноосферный энергетизм: глобальная организованность космопланетарного универсума. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2019. 612 с.
4. Жульков М. В. Ноосферный энергетизм: фундаментальная онтология // Философская мысль. 2017. № 9. С. 23–45.
5. Дугин А. Г. Ноомахия: войны ума. Логос Европы: средиземноморская цивилизация во времени и пространстве. М.: Академический проект, 2014. 530 с.
6. Ferguson N. The Square and Tower: Networks, Hierarchies and the Struggle for Global Power. London: Penguin Books, 2018. 608 p.
7. Шмитт К. Номос Земли. М.: Владимир Даль, 2008. 672 с.
8. Елацков А. Б. Обобщенная модель «геополитического треугольника» // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 10 (60): в 3-х ч. Ч. III. С. 56–60.
9. Cutler R. M. Evolution of the East Central Eurasian Hydrocarbon Energy Complex: The Case of China, Russia, and Kazakhstan // African and Asian Studies. 2018. Volume 17, Issue 1-2, pp. 40–62.
10. Cutler R. M. Emerging Triangles: Russia-Kazakhstan-China // Asia Times. 2016. January 15. URL: www.atimes.com/atimes/Central_Asia/FA15Ag03.html (accessed: 20.10.2021)
11. Heredia F. A, Martinez A. L. B, Surraco Urtubey V. C. The importance of lithium for achieving a low-carbon future: overview of the lithium extraction in the ‘Lithium Triangle’ // Journal of Energy and Natural Resources Law. Volume 38, Issue 3. 2020, pp. 213–236.
12. Dittmer L. The Strategic Triangle: An Elementary Game – Theoretical Analysis // World Politics. 1981. Vol. 33. № 4. P. 485–515.
13. Моисеев Н. Н. Современный рационализм. МГВП КОКС, 1995. 376 с.

14. Marc Rousset. La nouvelle Europe: Paris–Berlin–Moscou. Le continent paneuropéen face au choc des civilisations. Paris: Godefroy de Bouillon, 2009. 538 p.
15. Ханалиев Н. У. Треугольник «Россия – Турция – Иран» в контексте стратегии США на Ближнем Востоке. Вестник РУДН. Серия Политология. 2019. Т. 21. № 1. С. 66–77. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-1-66-77.
16. Примаков Е. М. На пороге перемен. М.: Издательство АСТ, 2021. 416 с.
17. Мареева Ю. А. Стратегический треугольник «Россия–Индия–Китай» в международных отношениях (теория и историческая практика). Вестник МГИМО-университета. 2012. № 5 (26). С. 240–249. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2012-5-26-240-249>
18. Го Чанчао. РИК (Россия – Индия – Китай) в системе международных отношений: достижения и проблемы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 2. С. 202–209. DOI: 10.18384/2310-676X-2019-2-202-209.
19. Уёмов А. И. Системный подход и общая теория систем. М.: Мысль, 1978. 272 с.
20. Дмитриевская И. В., Портнов А. Н., Смирнов Д. Г. Ноосферная динамика России: философские и культурологические проблемы. Ч. 2 // Ноосферные исследования. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2002. Вып. 2. 177 с.
21. Рамачарака. Пути достижения индийских йогов. М.: Амрита-Русь, 2004. 288 с.
22. Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М.: Наука, 1987. 240 с.
23. Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991. 271 с.
24. Иерархия // Агни Йога: в 4 т. Т. 2. Донецк: Сталкер, 1999. С. 106–193.
25. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: Астрель, 2005. 512 с.
26. Треугольник Россия – США – Китай в АТР: факторы неопределенности / Отв. ред. В. Б. Амиров, В. В. Михеев. М.: ИМЭМО РАН, 2009. 114 с.

Сведения об авторе

Жульков Михаил Вячеславович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Ивановский государственный университет, Иваново.

Email: mzh1@mail.ru

Zhulkov M. V.

GEOPOLITICAL TRIANGLES IN THE CONTEXT OF A MULTIPOLAR WORLD: A SYSTEMATIC APPROACH

***Annotation:** In the emerging system of global civilization and the multipolar world, geopolitical triangles play an important role, and this article is devoted to their study. Global civilization is represented by the author's concept of the global global network, where the nodes are capitals and large cities, and connecting lines show the flows of matter, energy, and information. This global network of civilization is in the process of formation, geopolitical*

triangles represent one of the essential ways of its self-organization and functioning. Geopolitical triangles are investigated by systemic, noospheric-energy approaches.

As a result, three main levels of functioning of triangles have been identified: social, psychoenergetic and informational-semiotic. The social level is synthetic, it manifests all three components of the triangle in the form of economic, political and cultural potentials and relations; the psychoenergetic level includes relations based on psychic energy – state, ethnic, national ideologies and interests, cultural values, including religious values and relations, features of the psychology of ethnic groups; The information-semiotic level includes ideological and scientific concepts, national ideas, strategic goals, basic cultural codes and development programs. The informational-semiotic level ensures the integrity of the triangle as a functioning unit that overcomes the contradictions of paired relations in the triangle by forming a single field of worldview. However, since modern civilization is in the process of formation and reformation, any of the levels can dominate in real triangles. In the triangle, the active and passive poles and the intermediary pole are distinguished, together forming a channel for the flow of energy flows. This is how the circulation of energies in geopolitical triangles takes place, ensuring the dynamics of modern civilization.

Keywords: *geopolitical triangle, system approach, noospheric energetism, world civilization network, social level, psychoenergetic level, information-semiotic level*

References

1. Primakov E. M. Budushchee Rossii [The Future of Russia.]. M.: Izdatel'stvo AST, 2020. 480 s.
2. Brzezinski Z. How To Address Strategic Insecurity In A Turbulent Age. The ideal geopolitical response to the crisis of global power is a trilateral connection between the United States, China and Russia. Updated Jan 03, 2017. https://www.huffpost.com/entry/us-china-russia-relations_b_586955dbe4b0_de3a08f8e3e0?section=us_world.
3. Zhul'kov M. V. Noosfernyj energetizm: global'naya organizovannost' kosmoplanetarnogo universuma [Noospheric energetism: global organization of the cosmoplanetary universe]. Ivanovo: Ivan. gos. un-t, 2019. 612 s.
4. Zhul'kov M. V. Noosfernyj energetizm: fundamental'naya ontologiya [Noospheric energetism: fundamental ontology], *Filosofskaya mysl'*, in [Philosophical thought]. 2017. № 9. S. 23–45.
5. Dugin A. G. Noomahiya: vojny uma. Logos Evropy: sredizemnomorskaya civilizaciya vo vremeni i prostranstve [Noomachia: Wars of the Mind. Logos of Europe: Mediterranean civilization in time and space]. Moscow: Akademicheskij proekt, 2014. 530 s.
6. Ferguson N. The Square and Tower: Networks, Hierarchies and the Struggle for Global Power. London: Penguin Books, 2018. 608 p.

7. SHmitt K. Nomos Zemli [Nomos of the Earth]. Moscow: Vladimir Dal', 2008. 672 s.
8. Elackov A. B. Obobshchennaya model' «geopoliticheskogo treugol'nika» [Generalized model of the «geopolitical triangle»], Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice.]. 2015. № 10 (60): v 3-h ch. CH. III. S. 56–60.
9. Cutler R. M. Evolution of the East Central Eurasian Hydrocarbon Energy Complex: The Case of China, Russia, and Kazakhstan, in African and Asian Studies. 2018. Volume 17, Issue 1-2, pp. 40–62.
10. Cutler R. M. Emerging Triangles: Russia-Kazakhstan-China // Asia Times. 2016. January 15. URL: www.atimes.com/atimes/Central_Asia/FA15Ag03.html (accessed: 20.10.2021)
11. Heredia F. A, Martinez A. L. B, Surraco Urtubey V. C. The importance of lithium for achieving a low-carbon future: overview of the lithium extraction in the 'Lithium Triangle', in Journal of Energy and Natural Resources Law. Volume 38, Issue 3. 2020, pp. 213–236.
12. Dittmer L. The Strategic Triangle: An Elementary Game – Theoretical Analysis, in World Politics. 1981. Vol. 33. № 4. pp. 485–515.
13. Moiseev N. N. Sovremennyy racionalizm [Modern rationalism]. MGVP KOKS, 1995. 376 s.
14. Marc Rousset. La nouvelle Europe: Paris-Berlin-Moscou. Le continent paneuropéen face au choc des civilisations. P.: Godefroy de Bouillon, 2009. 538 p.
15. Hanaliev N. U. Treugol'nik «Rossiya – Turkiya – Iran» v kontekste strategii SSHA na Blizhnem Vostoke [The triangle «Russia – Turkey – Iran» in the context of the US strategy in the Middle East], Vestnik RUDN. Seriya Politologiya, [Bulletin of the RUDN. Political Science Series]. 2019. T. 21. № 1. S. 66–77. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-1-66-77.
16. Primakov E. M. Na poroge peremen [On the threshold of change]. Moscow: Izdatel'stvo AST, 2021. 416 s.
17. Mareeva YU. A. Strategicheskij treugol'nik «Rossiya–Indiya–Kitaj» v mezhdunarodnyh otnosheniyah (teoriya i istoricheskaya praktika) [The strategic triangle «Russia-India-China» in international relations (theory and historical practice)], Vestnik MGIMO-universiteta [Bulletin of MGIMO University]. 2012. № 5 (26). S. 240–249. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2012-5-26-240-249>
18. Go CHanchao. RIK (Rossiya – Indiya – Kitaj) v sisteme mezhdunarodnyh otnoshenij: dostizheniya i problemy [RIC (Russia – India – China) in the system of international relations: achievements and problems], Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: History and Political Sciences]. 2019. № 2. S. 202–209. DOI: 10.18384/2310-676X-2019-2-202-209.

19. Uyomov A. I. Sistemnyj podhod i obshchaya teoriya system [System approach and general theory of systems]. Moscow: Mysl', 1978. 272 s.
20. Dmitrevskaya I. V., Portnov A. N., Smirnov D. G. Noosfernaya dinamika Rossii: filosofskie i kul'turologicheskie problemy. CH. 2 [Noospheric dynamics of Russia: philosophical and cultural problems. Part 2], Noosfernye issledovaniya [Noospheric research]. Ivanovo: Ivan. gos. un-t, 2002. Vyp. 2. 177 s.
21. Ramacharaka. Puti dostizheniya indijskih jogov [Ways of achieving Indian yogis]. Moscow: Amrita-Rus', 2004. 288 s.
22. Tejyar de SHarden P. Fenomen cheloveka [The phenomenon of man]. Mpscow: Nauka, 1987. 240 s.
23. Vernadskij V. I. Nauchnaya mysl' kak planetnoe yavlenie [Scientific thought as a planetary phenomenon]. Moscow: Nauka, 1991. 271 s.
24. Ierarhiya [Hierarchy], Agni Joga [Agni Yoga]: v 4 t. T. 2. Doneck: Stalker, 1999. S. 106–193.
25. Gumilev L. N. Etnogenez i biosfera Zemli [Ethnogenesis and the biosphere of the Earth]. Moscow: Astrel', 2005. 512 s.
26. Treugol'nik Rossiya – SSHA – Kitaj v ATR: faktory neopredelennosti / Otv. red. V. B. Amirov, V. V. Miheev [Triangle Russia – USA – China in the Asia-Pacific region: uncertainty factors / Ed. V. B. Amirov, V. V. Mikheev]. Moscow: IMEMO RAN, 2009. 114 s.

Zhulkov Mihail Vyacheslavovich – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy, Ivanovo State University, Ivanovo.

Email: mzh1@mail.ru

КАК ГИБНУТ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Кеннет Миноуг

Перевод с английского С. Передерия, О. Шевченко¹

Аннотация: Автор доказывает, что европейская цивилизация подверглась нападению и завоеванию изнутри, причем никто в полной мере не осознал, что произошло. Акторами этого нападения стали революционно настроенные радикальные феминистки. А политкорректность, процветающая на Западе, – это по существу перемирие между захватчиками (феминистками) и погибающей цивилизацией (классический «мужской Запад»). Итогом этого перемирия становится загнивание культуры, экономики, социума, ослабление армии, полиции и иных государственных скреп некогда могущественных держав западного мира.

Ключевые слова: радикальный феминизм, культурная революция, политика идентичности, политический консерватизм

Как гибнут цивилизации? У исламских мыслителей было свое представление об этом. Представьте себе цивилизацию, центром которой был двор правителя процветающего города – скажем, Багдада. Расцвет искусства и интеллекта. Но спустя несколько поколений, как это выразил великий философ Ибн Халдун², роскошь приводит цивилизованных людей к деградации. Они теряют остроту ума и думают только о благом и прекрасном. И тут, почуяв их слабость, некое племя свирепых бедуинов совершает набег из пустыни и штурмует город. Будучи варварами, они не понимают обычаев цивилизации: держат своих лошадей в библиотеках и используют скульптуры для подпора дверей, а картины – для стрельбы по мишеням. Ибн Халдун с презрением отмечает, что они глядят на подушку как на узел из тряпок. Однако сила более высокой культуры проявляется со временем, и эти люди перенимают, а иногда и совершенствуют достижения цивилизации, пока не будут свергнуты сами.

Так устроен мир. Иногда это происходит в течение жизни одного человека, как в случае с солдатами-варварами, ставшими римскими императорами, иногда в замедленном темпе, как при гибели Римской империи, когда должно было пройти много столетий, прежде чем новая цивилизация выросла из хаоса варварских нашествий. В нашем случае ситуация заметно отличается внешне, но реальное положение дел может иметь больше сходства с описанным выше, чем кажется.

Одна из причин, почему мы можем этого не сознавать, заключается в том, что

1 Перевод выполнен по изданию: Kenneth Minogue. How civilizations fall // The New Criterion. 2001. Vol. 41, No. 2. URL: <https://newcriterion.com/issues/2001/4/how-civilizations-fall>

2 Ибн Халдун (1332–1406) – один из крупнейших исламских философов. Автор выдающегося социально-философского труда «Муккаддима» (здесь и далее примечания переводчиков).

сама грань между варварством и цивилизацией была стерта нынешним релятивизмом, утверждающим равенство всех культур. Никто, конечно, не воспринимает это всерьез. Даже если оставить в стороне развитие технологий, то неравенство культур в моральном аспекте ясно обнаруживается в положении женщин. Кроме того, только западный мир отменил рабство. Однако, следуя нынешним нормам приличия – возможно, дистанцируясь от зловещего «триумфализма» – мы не должны провозглашать превосходство европейской цивилизации в чем-либо, даже если это единственное место, куда хотят попасть миллионы людей. Вместо этого нас обязывают довольствоваться рационалистическим учением, которое превращает обычаи европейской цивилизации в отнюдь не убедительный набор абстракций о всеобщих правах. Используя этот прием, можно признать все культуры (включая западную) в равной степени виновными в нарушении норм морали тем или иным образом.

В прошлом цивилизация была общей чертой класса людей, способных «тонко чувствовать», в то время как варварство можно было найти не только среди племен по другую сторону границы, но также и среди рабов и крепостных людей в пределах самой цивилизации. В современных либеральных демократиях эта четкая взаимосвязь между культурой и классом исчезла. Все приобщается к высшим формам проявления культуры. Школьное образование, музеи и средства массовой информации доступны каждому человеку. Но варварство остается активной силой в современных обществах, отчасти из-за грубости и невежества, а отчасти из-за утраты культурных традиций. Это характерно для тех, кто путает несколько лет обучения в вузе и образование как таковое.

В современной Европе нет бедуинов, совершающих набеги из пустыни (всего лишь миллионы понурых мигрантов, пытающихся проскользнуть через ворота), но тенденция к варварству у нас повсеместно сильна. Следовательно, формула ниспровержения западного общества должна состоять не в том, чтобы «штурмовать стены», а в том, чтобы «организовать своих собственных варваров» внутри них. Ненавидящие европейскую цивилизацию знают, что ее нельзя взять штурмом «в лоб». Это означает, что она должна быть захвачена изнутри. Таким был план, принятый на вооружение многими революционерами, в первую очередь Марксом, создавшим в пределах Запада новое враждебное племя под названием «пролетариат». Их можно было превратить в племя революционеров, снабдив подходящих людей (промышленных рабочих, к примеру) осознанием своего единства, чтобы в каждой сделке они воспринимали себя как коллектив. Их преследовала деспотичная буржуазия. Подобно стражам в платоновской республике, этих революционных повстанцев нужно было научить быть послушными внутри революционного движения и огрызаться на тех, кто снаружи.

Маркс дал пример всем последующим «революционным» движениям, стремящимся захватить власть. Его модель «создай свое собственное племя» пригодилась националистам, анархистам и многим течениями социалистов. Самый творческий подход к данной модели предложил Гитлер, преуменьшив значение виктимизации и представив каждого арийца сверхчеловеком. Чтобы избавиться от него, всему миру пришлось взять оружие в руки. Однако вскоре революционеры обнаружили, что революция, основой ко-

торой было лишь племя пролетариев, имела успех только в том случае, когда дело касалось неискушенных народов – предпочтительно неевропейцев, у которых отсутствовал опыт свободы и реальной политической жизни. В европейских государствах, где имеет место общественная мобильность, в своем большинстве рабочие предпочитали не тратить время на революционные комитеты и детский лепет на политических демонстрациях, а проводить его более продуктивно. Необходимо было предложить что-нибудь новое. И оно было предложено социалистами, вроде Ленина и Муссолини, взявшими на вооружение принцип Преторианской гвардии: сплоченная партия-авангард, способная использовать массы в качестве манекенов-чревовещателей и стремиться к власти на своих условиях. Эта методика была частью более широкой тенденции к появлению олигархий, правящих посредством демократических лозунгов.

На протяжении 1960-х годов создавалось новое племя, тоже стремившееся разрушить цитадель Запада изнутри и добившееся значительно большего успеха. Это были радикальные феминистки Бетти Фридан. Данное племя было создано из женщин, получивших известное образование и живших семейной жизнью. Технический прогресс в значительной степени избавил их от тягот уборки дома, в то время как достижения фармакологии освободили их от чрезмерного размножения. В тактическом отношении радикальные феминистки привнесли одну инновацию, которая оказалась решающей для судьбы Запада в течение последнего полувека. Они старались замалчивать то, что их проект включал передачу власти, и действовали, исходя якобы из чисто моралистического принципа, что их требования были справедливыми.

Что обусловило это знаменательное событие? Это трудный вопрос, но мне кажется, что Диана Шауб объяснила его суть в своем эссе «О характере поколения Х»:

[Бетти] Фридан была права в том, что чувство неудовлетворенности, которое испытывали эти привилегированные женщины, было результатом «медленной смерти разума и духа». Но она ошибалась, говоря, что у данной проблемы нет названия. Ее название – скука. Феминизм породила скука, а не угнетение. И что же стало выходом из этого затруднительного положения? Феминистки потребовали статуса наемных рабынь; они решительно отвергли радости досуга.

А термин «досуг» для профессора Шауб имеет классическое древнегреческое значение: высокоинтеллектуальную деятельность, когда все жизненные потребности удовлетворены.

Первой задачей этого нового движения стало создание единства сознания, необходимого для функционирования племени. Как и все формы психического коллективизма, «рост самосознания» (в традиционном понимании термина) эксплуатирует негодование и культивирует праведность. В данном случае он использовал базовый для освободительной идеологии образ тюрьмы и, отождествляя счастье с работой, утверждал, что лишь мужское угнетение на протяжении веков «привязывало» женщин к домашнему быту. По сути, радикальный феминизм отрицал взаимодополняемость полов и представлял мужчин и женщин в виде конкурирующих команд, играющих в одну и ту же игру. Но такую игру, в которой все правила были против женщин. Только основыва-

ясь на эксцентричном предположении, что женщины обладают такими же талантами и склонностями, как и мужчины, феминистки могли сделать вывод о нечестной игре. Как и в случае обращения Гитлера к идее арийской расы, основным принципом стала лесть: выяснилось, что женщины – это группа удивительно талантливых людей, которых несправедливо подавляют мужчины, управляющие патриархальной системой.

Эта идея внедрилась в политику идентичности – зарождающуюся форму фундаментализма, в которой каждое суждение должно начинаться с якобы существенной самоидентификации в качестве женщины. Одним из следствий (как и в ситуации с марксизмом) стало то, что класс «экспертов» понимал реалии общества лучше, чем любая конкретная женщина; и любая женщина, не согласная с этим, нуждалась в исправлении своего самосознания. Собранные воедино, эти суждения составили новую доктрину, которая теперь называется просто «феминизм». В жизни европейских народов она явилась массовой трансформацией человеческой психики. Еще во время Второй мировой войны клепалящица Рози была, конечно, женщиной, но еще и женой, патриотичной американкой, участвовавшей в борьбе с фашизмом, и еще многим другим. Самое важное заключается в том, что радикальный феминизм совершал нападки на саму концепцию женственности как на что-то навязанное женщинам превосходящей силой и подкрепленное культурой романтики, характерной для европейского искусства и литературы.

Все это может быть истолковано (как это делали и сами радикальные феминистки) в качестве массового ощущения женщинами уверенности в себе, но может также означать полный крах женственности перед лицом более широкого и неоднозначного проекта, использующего женщин для создания полностью андрогинного (и манипулируемого) мира. В таком мире мужчины стали бы практически неотличимыми от женщин.

Это было не чем иным, как попыткой уничтожить не только существующую структуру власти, но и цивилизацию, которая на ней зиждилась. Используя терминологию Ибн Халдуна, можно назвать это попыткой завоевать Запад изнутри, но не прямой атакой на его государственные структуры (ибо никто не сомневался, что у мужчин имелась сила для отражения такой атаки), а путем использования некоторых особенностей его культуры. И чтобы осознать значимость этого движения, нам нужно охарактеризовать европейскую цивилизацию, ставшую объектом их атаки.

В этом плане самый очевидный факт мы вряд ли можем упомянуть без смущения или насмешки теперь, когда революция победила, потому что это факт, который могущественные современные силы делают рецессивным. Просто эта цивилизация, пользуясь грубой терминологией популярных хитов (creative hits), является достижением белых мужчин. История западной цивилизации – это череда умных мужчин, развивающих совокупность традиций или изобретающих блага, взаимосвязь которых образует Запад. И почти все они – от Фалеса и Евклида до Эйнштейна и Джорджа Гершвина – были мужчинами. Они представляют собой совокупность «мертвых белых мужчин», которых радикальные революционерки от суб-академической культуры очернили и поклялись сбросить с пьедесталов. Однажды я услышал, как одна феминистка выразилась так: «Нет такого понятия, как “великие умы”». Данная доктрина является настолько

влиятельной, что простое фактическое утверждение, что именно мужчины создали то, что обычно понимается под Западной (и, если уж на то пошло, любой другой) цивилизацией, кажется бестактным оскорблением равенства людей. И следующим пунктом в моей аргументации должно стать рассмотрение этого как проблемы.

Сказать, что все это создали мужчины, верно и важно; но это то же самое, что выбросить множество рыб на пустынный берег. При этом мы упустим из виду среду общественной и политической жизни, без которой ничего из этого не могло случиться. Как и в случае с жизнью общества в целом, Европа была миром половой взаимодополняемости; и нет надежного способа отделить зерна, из которых взойшли ростки, от плевел. Но о женщинах мы можем сказать то, что Фальстаф сказал о себе, а именно, что он не только был остроумен, но и пробуждал остроумие в других людях. На первый взгляд, выставляя женщин слабой командой по сравнению с изобретательными мужчинами, я просто указываю на ошибку, совершаемую радикальными феминистками, которые взяли на вооружение абстрактную идею о том, что единственное, что имеет значение, это то, кто изобрел или создал что-либо. И вот, ухватившись за эту ошибочную идею, они попытались создать альтернативный канонический список писательниц, женщин-философов, художниц и т.д., чьи таланты подавлялись патриархальным обществом. Эти «воскрешенные» личности часто заслуживают более внимательного рассмотрения как таковые, но они не могут служить новым канонам. Известно высказывание Камиллы Пальи, что, если бы мы ждали, пока женщины изобретут цивилизацию, мы бы до сих пор жили в соломенных хижинах. Так же верно то, что если бы мы ждали, пока мужчины сделают жизнь комфортной, то до сих пор бы жили в свинарниках. На протяжении веков женщины определяли наш образ жизни. Как следует из учения радикального феминизма, этого недостаточно: женщины могут быть признаны равными и пользоваться равным уважением с мужчинами только в том случае, если они будут признаны превосходящими в тех же самых видах деятельности, что и мужчины. Женская команда должна иметь возможность показать свой результат на табло достигнутых результатов в искусстве, науке и технике в той же шкале, что и мужчины. Племенное сознание феминисток зависит от усвоения этого и подобных убеждений. Но весь этот вздор основан на предположении, что женщины точно такие же, как и мужчины, и что свое счастье они могут найти именно в тех же сферах, что и мужчины. Однако это отнюдь не так. И эта ошибочная идея могла прийти в голову только группе женщин, в умах которых возникла путаница из-за поверхностного контакта с гуманитарным образованием.

Можно сказать иначе: западная цивилизация отличается необыкновенным любопытством как к природе, так и к жизни других обществ. Многие свои идеи и изобретения европейцы переняли у других цивилизаций. Отчасти по этой причине она стала в высшей степени открытой для всех желающих участвовать в ее развитии. Ее религия, языки и знания получили широкое распространение, и к XX веку люди со всего мира стали учеными, историками, писателями, художниками и т. д. на западный лад, а многие из них и в самом деле перебрались жить на Запад. Некоторым представителям традиционных обществ за рубежом люди западной цивилизации казались холодными и отчуж-

денными, но гораздо большее их число восприняли Запад как освобождение.

То же самое можно сказать и о женщинах. В разные периоды прошлого многие женщины имели доступ к образованию, и, начиная с XVIII века, у ряда женщин возрастал интерес к профессиям, ранее доступным одним мужчинам. К концу XIX века они уже пробивались в университеты. При этом часто они подвергались насмешкам со стороны наиболее грубых из своих коллег-мужчин. Однако другие мужчины были всегда на их стороне, и в первой половине XX века женщины проникли во многие сферы, доступ к которым ранее был ограничен для них различными условностями. Будучи племенным сознанием, радикальный феминизм рассказывает об этом как о борьбе с угнетением. И в некотором смысле это в самом деле была борьба. Но мы не должны выходить за рамки разумного и говорить об этом как о рабстве и войне.

Бенефициарами этого нового явления были по большей части белые женщины из среднего класса, которые просто испытывали сопротивление, обычное для любой формы повышения социального статуса. Они безошибочно следовали за поднимающейся волной, вызванной расширением диапазона возможностей в западном обществе. В любом случае это была христианская цивилизация, что означало, что характер человека имел такое же значение, как и общепринятый статус. В большинстве цивилизаций люди вписываются в привычную схему воинов, жен, священников, ученых, ремесленников, торговцев и проч. По словам Эрнеста Геллнера, Запад стал «модульным» в том значении, что люди обладают множеством талантов и навыков и могут проявлять гибкость, приспособляясь к другим людям, когда нужно реагировать на новые ситуации. Подобно мебели, которую можно переставлять по мере необходимости, европейцы обладают универсальностью, позволяющей им адаптироваться ко всевозможным форматам работы или отдыха. По мере того как женщины чувствовали вкус к образованию и получали возможность участвовать в жизни за пределами домашнего быта (что ранее было доступно только богатым женщинам), им удавалось (как это и бывает обычно) получить то, что они хотели. Таким образом, либеральный феминизм был естественным этапом в развитии цивилизации. И вдруг в 1960-х годах эта тенденция была зарублена на корню новым радикальным учением, согласно которому женщины могут и должны делать все то, что и мужчины. Либеральный феминизм возник на основе западной традиции, а традициям свойственна гибкость. У него не было проблем с допуском женщин к новым профессиям без решительного изменения более широких отношений между полами. Но радикальный феминизм отличался доктринерством и требовал, чтобы жизнь всех женщин отвечала единственно верному шаблону. Чтобы воодушевить новое племя, нужна была мелодрама об угнетении. Подобно тому, как буддийские священники должны медитировать над образом человеческого черепа, чтобы развить правильное отношение к человеческой смертности, так и феминистское учение процветает на страшных историях о женщинах, которым до нашего столетия не разрешалось получать ученые степени в Оксбридже. Сравнивая это с ужасами XX века (или даже с положением женщин в других странах мира) мы можем обнаружить определенную несоразмерность.

Открытость западной культуры проявляется в том, что уже в первой половине XX

века женщины в ней получали высшее образование и проявляли себя в профессиональной и научной сферах. Число женщин, посвятивших жизнь работе в них, было относительно небольшим, и некоторые люди считали это проблемой; но это было проблемой только для тех, кто ориентировался на статистику, а не на отклики реальных людей. Тем не менее ложное предположение о мужском и женском изоморфизме является причиной, почему феминистки в журналистике часто становятся лоббистами и выставляют как порок общества любую разницу в средней заработной плате мужчин и женщин или в относительном процентном соотношении женщин, занимающих руководящие должности. Это была одна из тех капель, которые должны были точить камень патриархата, а хорошо известный принцип пропаганды состоит в том, что многократное повторение слов о необходимости какого-либо действия сокрушает противодействие. Но эти цифры и сам аргумент не имеют рационального смысла, и тот факт, что они регулярно появляются в газетах, как будто они действительно имеют смысл, является причиной, почему их необходимо оспорить.

Ключ к современной западной цивилизации – ее открытость для талантливых людей, где бы те ни находились. Феминистское требование коллективных квот ниспровергло эту основную ее черту. Ключевым моментом здесь является то, что характер цивилизации раскрывается в ее понимании достижений. Европейская цивилизация откликалась на достижения везде, где их можно было найти. Замена достижений квотами означает разрушение одной цивилизации изнутри и замену ее другой. Мы уже не те, что были раньше. Проблема в том, как объяснить, каким образом Запад пришел в упадок.

Это произошло не потому, что воины штурмовали стены загнивающей цивилизации, а из-за того, что пятая колонна использовала ее внутреннюю слабость. И оружием для нападения оказался не меч, а нравоучительная риторика, содержащая призывы к справедливости. Экономические и политические последствия (например, то, что талантливым и квалифицированным мужчинам будет отказано в работе, ведь рабочие места теперь нужно будет заполнять по квоте) обсуждались редко. Защитники сохранения статуса-кво оказались в глубоком замешательстве, отчасти потому, что еще ранее они согласились считать моральные и религиозные идеи чисто субъективными. Они не могли договориться о том, какую линию защиты, а нападение часто происходило со стороны их собственных семей. Цель атаки заключалась в том, чтобы женщины с ученой степенью получили более высокие должности в организациях. Меня здесь не интересует глубинная подоплека краха всей этой конструкции. Я хочу сосредоточиться на более насущном вопросе: почему защитники так легко капитулировали?

В прежние века проект включения женщин в трудовые ресурсы, без сомнения, был бы иллюзорным еще и потому, что никто не думал о них в терминах трудовых ресурсов. Во-первых, женщины были нужны для того, чтобы поддерживать огонь в домах. Как бы то ни было мир работы вдали от домашнего очага их вряд ли привлекал самих. Вспашка земли требовала тяжелого физического труда, превышающего силы большинства женщин; и они не стремились орудовать топором. Кроме того, в течение долгого отрезка своей жизни они были заняты вынашиванием, рождением и воспитанием детей.

Однако в современном мире перевод женщин из дома на работу отнюдь не выглядел неосуществимым, поскольку то, что называется «работой», теперь в основном выполнялось в офисах с центральным отоплением, за компьютером. В созданном мужчинами мире, где нужно было только нажимать на кнопки, физическая сила почти нигде не требовалась, особенно на более привлекательных должностях. Работа была проклятием Адама, а роды – проклятием Евы, но теперь работа превратилась в довольно приятную перетасовку символов в офисе. Нетрудно было представить такую работу – именно она интересовала выпускниц гуманитарных вузов, по преимуществу пополнявших ряды радикального движения, – как освобождение от уз семейной жизни и утомительного детского лепета. И это соответствовало более широкому социалистическому представлению о том, что ценность человека – это его вклад в благополучие других. Давней мечтой социалистов и большевиков, среди прочих, было поглощение семьи обществом, где все будут жить сообща, рестораны и детские сады заменят семейные обязанности, а женщины будут работать каждый день наряду с мужчинами. И тут эта мечта возродилась уже не как аспект утопии, а как окончательное достижение справедливости против мира угнетения.

Обратимся теперь к самой сути вопроса: почему это восстание имело успех? Не могло быть и речи о том, чтобы повстанцы обладали превосходящей огневой мощью или выдающимися воинскими достоинствами, хотя племя радикальных феминисток показало себя бесстрашным. На самом деле главный момент в том, что именно их слабость обусловила им успех. Даже тот факт, что с интеллектуальной точки зрения радикальный феминизм не мог сказать ничего, что не было сказано более ранними формами социального перфекционизма, просто означал, что оппозиция уже была смягчена для вики-монологической атаки. И несмотря на все негодование по поводу угнетения, радикальное феминистическое сообщество было не столько моральной силой, сколько выразителем неприкрытого интереса, требуя работы для своих последовательниц. Работы с той же зарплатой и статусом, что и у мужчин. Стало даже общепризнанным фактом, что в период, предшествовавший революции, выдающиеся женщины без особого труда пробились в научной и повседневной деятельности. Задача заключалась теперь в том, чтобы на эти должности могли попасть женщины с весьма средними способностями.

В принципе мужчины были в выигрышной позиции. Они являлись менеджерами, правителями, профессорами и директорами предприятий. И они были гарантами того единственного, от чего зависела их цивилизация: карьеры, открытой для таланта. Безусловно, были времена, когда предубеждения мешали женщинам получить ту или иную работу, но наем способных женщин был тем, чем занимались менеджеры уже давно. В начале XX века женщины напоминали евреев: некоторые люди, возможно, не хотели брать их на работу, но неспособность распознать их способности вскоре наказывалась конкурентами, получившими, так сказать, фору. Эти соображения вскоре потеряли свою актуальность, как только радикальный феминизм утвердил основную идею (на словах ими всегда отвергаемую), что план состоял в установлении пятидесятипроцентной квоты для женщин на всех востребованных должностях.

Можно понять, что произошло, если рассмотреть подобную атаку на традицию, предпринятую примерно в то же время, что и вызов радикального феминизма. В 1960-е университеты западного мира были потрясены врагами, настроившими академическое самосознание против себя самого. Университеты являлись общепризнанными сообществами ученых и студентов. «Что ж, – сказали радикалы, – если это сообщество, то почему нас, студентов, обделяют вниманием и лишают права участвовать в работе университетских комитетов? Почему с нами не консультируются по поводу содержания наших учебных программ? Почему мы подчиняемся богоподобным профессорам, навязывающим нам курсы обучения, не соответствующие нашим потребностям?» Ошеломленные и сбитые с толку этими вопросами, подчас озвучиваемыми (четко по «методичке») с самурайской агрессией, преподаватели уступили. Они изменили своему научному призванию отчасти из-за замешательства, а отчасти из стремления избежать неприятностей.

Этот пример не только проливает свет на успех радикального феминизма, но и показывает долгосрочное значение этих огромных смещений власти. Ибо реальная угроза университетам исходила не от студентов, а от правительства. Студенты представляли собой незначительный раздражитель в академической жизни, но теперь правительства были полны решимости разрушить автономию институтов гражданского общества. Студенты просто функционировали как их пятая колонна. Они привели к тому, что университеты еще больше вовлекались в сферу деятельности государства. Студенты хотели, чтобы академическая среда стала политической, и это было достигнуто. До 1960х годов университеты в основном занимались своими делами. В начале XXI века они во многом зависят от государственных субсидий, уничтоживших их автономию.

Успех радикального феминистского наступления на европейскую цивилизацию происходил параллельно. «Вы говорите, что верите в равные возможности для женщин, но почему женщины не занимают руководящие должности, не становятся епископами, профессорами или главами крупных корпораций?»; «Почему женщинам платят в среднем лишь x процентов от того, что платят мужчинам?». Реальные ответы на эти вопросы позволили бы глубже понять роль и структуру традиционной семьи, разницу между тем, что делает счастливыми мужчин, а что – женщин, и различную относительную пригодность мужчин и женщин для выполнения различных задач. И такие реальные ответы, очевидно, должны были бы стереть довольно примитивное различие между «мужчинами» и «женщинами», чтобы признать, что в широком диапазоне видов деятельности, особенно таких, как управленческая сфера, имеет значение личность, а не то, что на техническом феминистском жаргоне называется «гендером».

Любое осознание этих сложностей сходило на нет перед тем фактом, что задаваемые вопросы были риторическими. На самом деле, как и в случае со студентами-радикалами, это были вовсе не вопросы, а лозунги, замаскированные под вопросы. Они определяли повестку дня, и единственными допустимыми ответами служили догмы феминистского учения: только патриархальное угнетение не позволяло мужчинам и женщинам быть в равной степени представленными на «влиятельных постах».

Тактика этого нападения была достаточно ясной, она иллюстрирует то, что Ман-

сур Олсон определил как ахиллесову пяту демократии: небольшая группа людей, страстно требующая конкретных благ и преимуществ, всегда будет побеждать подавляющее большинство, чьи непосредственные интересы затронуты лишь в малой степени. Радикальные феминистки представляли собой относительно небольшую группу, но их идеи были на определенном уровне вполне убедительными для большинства женщин, а в семьях у мужчин были жены и дочери, чьему благополучию они хотели способствовать. Ни одна политическая партия не поддержала бы эту программу в полной мере, но проявление общей симпатии к ней не нанесло вреда электоральным перспективам. Оказавшись в правительстве, энтузиасты работали над законодательством под лозунгом равных возможностей. Очень скоро сеть могущественных бюрократий распространила это радикальное учение на все сферы управления. Можно было полагаться на то, что суды расширят свои полномочия путем регулирования договоров и расширения деликтного права. В течение одного поколения революция не только увенчалась успехом, но и создала в западных странах оккупационную армию соопработников, следивших за соблюдением равенства возможностей и засевавших в отделах кадров по всей стране.

А почему бы и нет? Это вполне может быть востребованным. Многие женщины обладают большими способностями, и современному обществу не следует придерживаться условностей, которые могли быть необходимы в прошлом, но которые прогресс сделал ненужными. Самыми успешными обществами оказались те, в которых женщины могли свободно принимать активное участие во всех сферах жизни общества. Все это верно и уже было признано в ходе развития либерального феминизма до 1960-х годов. Проблема возникает только с квотами для женщин повсеместно на рынке труда.

Однако в некоторых значимых сферах таких требований не предъявляется. Это либо те области, куда женщины-выпускницы не хотят идти (тяжелая работа на открытом воздухе), либо там, где отсутствие способностей может привести к мгновенной катастрофе, например, операция на головном мозге или пилотирование коммерческого самолета. Женщин можно найти и в том, и в другом, но только при наличии у них соответствующих способностей. Очевидно, что в университетах все не так жестко и серьезно, потому что последствия вредительства в системе образования проявляются лишь спустя десятилетия. Например, эффект университетских квот на «гендерное разнообразие», часто заключается в том, чтобы заполнить гуманитарные факультеты женщинами с целью уравновесить процент, «искаженный», если можно так выразиться, техническими и физико-математическими факультетами, на которых трудно найти способных женщин. Многие женщины в сфере гуманитарных наук действительно очень способные, но многие не таковы. Но они часто делают успешную карьеру, организуя причудливые курсы идеологической направленности (особенно в сфере феминологии), которые едва ли могут претендовать на академический характер.

А как насчет областей, которые женщинам явно не подходят, например, армия, полиция или тушение пожаров? На самом деле все они подверглись нападкам, потому что, хотя женщины не подходят для тяжелой работы на должностях в самом низу карьерной лестницы, в этих сферах есть завидные управленческие возможности на верхних ступе-

нях. Они представляют собой еще одну кормушку, перед которой невозможно устоять. В случае с пожаротушением суд Нью-Йорка еще больше сгустил краски, когда вынес решение о том, что тест на пригодность к работе, который не прошли почти все женщины, должен считаться дискриминационным и, следовательно, незаконным, а также выводящим понятие «верховенства закона» далеко за рамки разумного. Это была доктрина под названием «несопоставимое воздействие». Аналогичные соображения коснулись и женщин в вооруженных силах. Стандарты приема на военную службу были снижены, чтобы женщины могли соответствовать установленным требованиям. Один из аргументов в пользу этого – то, что отвергнутые тесты проверяли качества, которые редко нужны в данной области, и это действительно может быть правдой. Тем не менее идея о том, что солдаты – это герои, делающие то, на что обычно не способны женщины, всегда была частью самосознания мужчин, даже тех, кто никогда не слышал боевого выстрела. Маленькому мальчику, склонному вскрикивать, когда щиплет йод на ранке или, когда ему делают укол, можно было сказать: «Будь солдатом». В наше время, согласно учению феминизма, ему, скорее всего, посоветуют выражать свои чувства.

Атаки феминисток на такие институты, как церковь, вызывают аналогичные проблемы. В принципе, нет ни малейшей причины, по которой женщинам не следует становиться священниками. И на самом деле, можно подозревать, что феминистки могут быть правы, диагностируя сопротивление отчасти нездоровому отношению к женщинам со стороны части духовенства. Роль пастырей женщины вполне могут играть лучше мужчин, как это делают некоторые женщины в политике. Проблема в том, что женщины-священники поднимают неудобные вопросы христианского богословия. Иисус выбирал апостолов только мужского пола. Был ли тогда сын Божий просто порождением своей собственной культуры? Здесь самым заметным образом появление женщин полностью меняет концепцию деятельности – и не в лучшую сторону. Женское духовенство мало что сделало, чтобы обратить вспять нынешний упадок церкви. Действительно, в то время как женщины как личности часто улучшали то, частью чего они становились, приход женщин в целом редко приносил многое в какую-либо сферу, где ранее доминировали мужчины, за исключением, что немаловажно, бюрократии.

Наиболее показательным является военное дело. Никто не сомневается в том, что женщины уступают мужчинам в физической силе и спорте. Ни одна футбольная команда не станет выставять женщин против первоклассной команды мужчин. Тем не менее, правительства стран Запада, которые в настоящее время не чувствуют угрозы со стороны какой-либо крупной военной державы, готовы рискнуть и доверить свою безопасность женщинам-воинам. Ситуация не была бы настолько серьезной, если бы уже были сформированы женские батальоны, эффективность которых можно было бы со временем проверить в реальных ситуациях, не ставя под угрозу безопасность стран Запада. Но программа феминистского движения состоит в том, чтобы заставить армию, как и остальную часть общества, соответствовать определенной идее, а женщины хотят быть там, где есть мужчины, полностью там интегрироваться, чтобы мужчины были на подхвате, когда придется выполнять грязную и неженскую работу. Либеральные феминистки рискнули основать

собственные высшие учебные заведения, но радикальным феминисткам было нужно, чтобы рядом были мужчины. Они хотели быть интегрированными. И все это произошло не потому, что политическая мудрость провозгласила это необходимым для защиты страны, и не потому, что на этом настоял электорат, а в результате того, что агентства создали определенные юридические и бюрократические цепочки.

А теперь вернемся к непростому вопросу, почему мужчины – хранители нашей цивилизации – изменили своему делу. Безусловно, следует признать известный элемент трусости, ведь радикалки были племенными воительницами, корчащими свирепые лица и топающими ногами. Защитниками были белые, мужчины и представители среднего класса, а радикалки уже давно вели кампанию по подрыву морального духа каждой из этих абстрактных категорий. Они обозначали расизм, сексизм и элитарность соответственно. В рамках этих абстракций трудно было не выставить мужчин в роли угнетателей женщин. К тому же защитники не были едины. Многие из них являлись давними сторонниками либерального феминизма и ошибочно полагали, что радикальный феминизм был просто истеричной версией классического либерализма. Общеизвестно, что отступление – это маневр, который трудно контролировать. Каждая уступка может быть использована для требования дальнейших уступок во имя соблюдения последовательности. Отсюда и появление во всех англоязычных странах законодательства о равных возможностях – а кто может быть против? Вскоре движение охватило университеты, многие государственные учреждения, промышленные предприятия и прежде всего средства массовой информации. Довольно скоро прием на престижную работу, требующую наличия ученой степени, стал жестко ограничиваться набором правил. Догмой было то, что 50 процентов всех рабочих мест должны принадлежать женщинам, хотя реальность наличия квот долгое время не признавали.

Конечно, существуют и более глубинные мотивы. Один из них заключается в том, что мужчины, как правило, реагировали на радикальный феминизм с чувством высокомерия, считая, что только справедливость (печально известная изменчивая идея) должна определять общественно-государственную политику. Исчезал баланс справедливости и силы, на котором зиждется искусство благоразумия. Это был крах житейской мудрости, который нетрудно объяснить. Можно предположить, что это следствие краха религии на Западе. Христианство требует, чтобы люди жертвовали всем ради достижения высшей формы совершенства, но оно не требует, чтобы светские институты общества поступали так же. Но будучи оторванными от реальной жизни, как это часто бывает у преуспевающих жителей Запада, по причине собственной глупости и все более отрывающиеся от глубокого понимания породившей их культуры, «попечители» нашей цивилизации стали предаваться самым изощренным формам самоотречения. Например, вскоре они поверили, что язык сам по себе сделал женщин невидимыми и что справедливость требует использования правильных форм женского рода. Без сомнения, они могли предаваться таким фантазиям, потому что давно усвоили идею о том, что на самом деле политкорректность была чем-то вроде шутки, не имеющей практического значения в реальном мире. Не проходило и недели без того, чтобы какая-нибудь политкорректная нелепость

не всплывала на поверхность, не вызывала смеха и не забывалась людьми, которые уже потеряли и волю, и способность сопротивляться.

Но за этим скрываются гораздо более глубинные течения в Западных обществах. Подобно тому, как брожение в университетах быстро привело к тому, что их поглотило государство, так и брожение радикального феминизма осуществляет старую большевистскую программу создания сообщества однородных существ, одушевленных неким единым проектом. По сути, это тоталитаризм, который, как нам казалось, мы победили в бою с внешними врагами, пытавшимися извне штурмовать стены Запада.

Итак, я полагаю, что радикальная феминистская революция есть не что иное, как разрушение нашей цивилизации. Все произошло так, что люди еще не осознали, что же случилось. Есть и такие, которые могут сказать, что, по крайней мере, это улучшило положение женщин. Но это, как мне кажется, ошибка. Такая точка зрения допускала бы изначальную дихотомию, – столь фатальную для европейской цивилизации, – что мужчины и женщины имеют разные судьбы. На самом деле, конечно, это не так. Тем не менее, нелегко дать отчет о том, как они сочетаются друг с другом. Действительно, невозможно предложить всеобъемлющую теорию, объясняющую эту взаимосвязь. Но многое можно сказать с уверенностью. Во-первых, женщины обладают собственными специфически женскими качествами, которые, как правило, мешают им полностью успешно вписаться в структуры, созданные мужчинами. Нет проблем, говорят радикальные феминистки: давайте изменим структуры! Это действительно можно сделать, но кое-что при этом теряется. Дело в том, что «мужчины» возводят «женщин» (если можно сделать такое широкое обобщение) на пьедестал, но при этом презируют их как слабых; любят и обожают их в рыцарском понимании этих терминов, но также имеют тенденцию угнетать и использовать их. Подобная амбивалентность обнаруживается и в отношении женщин к мужчинам. Вокруг этих взаимоотношений вырос целый мир игр и условностей, и они по-разному смотрятся из барака и спальни, в гостиной и магазине. Радикальный феминизм – это, по сути, лишенный чувства юмора рационализм, отбрасывающий единственно правильный-де тип отношений, который должен быть навязан и мужчинам, и женщинам.

Есть еще один момент, притом более сложный. Не будет ошибкой сказать, что европейская цивилизация была и остается на первом месте в игре великих держав только потому, что она столь удивительным образом проявляла новаторство. Она живет идеями. Иногда ученые предпринимают парадоксальные попытки теоретизировать новаторство и креативность, но результаты неизбежно оказываются банальными. Креативность по своей природе – загадка. Тем не менее время от времени представителям каких-то движений приходит в голову мысль, что они взломали код новаторства и нашли формулу прогресса. Именно это я склонен называть большевистским заблуждением, потому что Ленин и его соратники на самом деле верили в это, а Советский Союз показал нам, что происходит в результате такой гордыни.

Однако проблема шире. Весь мир сейчас вовлечен в дело модернизации, то есть копирования образа жизни, постоянно трансформирующегося в Европе, а теперь и в Амери-

ке – образа жизни белых мужчин, к которым теперь часто присоединяются умные люди (и мужчины, и женщины) из других регионов мира. Глобализация и компьютер – вот новейшие из чудес, которыми наша цивилизация потрясла мир. Дело в том, что до сих пор ни одна другая цивилизация не смогла поднять факел лидерства в сфере инноваций. Может быть, дело обстоит так, что сами европейцы потеряли сноровку или дошли до пределов своих возможностей; а, может быть, иначе. Просто мы не можем знать этого.

Что кажется понятным из имеющихся данных, это то, что женщины не обладают такой способностью к новаторству. Они привносят большие таланты в развитие того, что Томас Кун называл «нормальной наукой», но не были замечены в создании «сдвигов парадигмы», ведущих в новых направлениях. Может быть, конечно, как иногда заявляют феминистки, это происходит потому, что их никогда не приглашали к такой деятельности. Но нуждаться в поощрении, зависеть от моделей для подражания – это как раз и означает отсутствие способностей к новаторству. Именно мужчины были авторами изобретений и находили вызовы в природе, такие как восхождение на высокие горы или плавание в одиночку по всему миру. А поскольку это делали мужчины, то это сделают и женщины. Такие виды деятельности характеризует особого рода предприимчивость, доступная лишь небольшому числу людей, но они иллюстрируют и тот факт, что инновации остаются в основном специализацией белых мужчин. Женщины могут творить чудеса в доме, но в первую очередь, им нужно, чтобы этот дом был.

Таким образом, мой аргумент состоит в том, что европейская цивилизация подверглась нападению и завоеванию изнутри, причем никто в полной мере не осознал, что произошло. Мы можем смеяться над политкорректностью – некоторые даже отрицают ее существование, – но это наручники на наших руках. Она связывает нас весьма крепко, хотя некоторая свобода по необходимости остается, поскольку без участия угнетенных мужчин все очень быстро пришло бы в упадок. На самом деле политкорректность сводится к соглашению о примирении между завоевателями и побежденными. Женщины проложили себе путь к деньгам и статусу, иногда превосходящему их достоинства, но они также потеряли свободу (профессор Шауб называет ее «досугом»), которая могла спасти их от формализации в терминах современных западных стилей работы. Если бы этого не произошло, мы, возможно, были бы избавлены до некоторой степени от недовольства, которое сейчас нас тревожит. Быть «задействованными в жизни общества», как женщины – на рынке труда, имеет много практических выгод, но это связано с духовной утратой. До сих пор завоеватели не уничтожили кур, несущих золотые яйца, поэтому поверхность нашей цивилизации скрывает то, сколь глубоко оказались изменения. Но под этой поверхностью есть течения, которые мало кто замечает.

Революция свершилась, но она оказалась тихой. Она происходила так незаметно, что люди привыкли к ней мало-помалу. Вспоминается известный китайский палач, чьей мечтой было отрубить голову так, чтобы жертва не поняла, что произошло. Он годами оттачивал свое мастерство и однажды так идеально отрезал голову, что жертва сказала: «Ну, когда же ты это сделаешь?» Палач блаженно улыбнулся и сказал: «Пожалуйста, кивните».

Сведения о авторе

Кеннет Роберт Миноуг (1930–2013) был австралийским ученым и политическим теоретиком, видным представителем британского консерватизма. Он был профессором политологии в Лондонской школе экономики в 1984–1995 гг.

Сведения о переводчиках

Передерий Сергей Николаевич – кандидат филологических наук, ст. преподаватель, г. Ялта.
Email: s-peredery@mail.ru

Шевченко Олег Константинович – доктор философских наук, доцент, г. Ялта, Гуманитарно-педагогической Академии (филиал) «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского» в г. Ялта.

Email: skilur80@mail.ru

Kenneth Minogue**HOW CIVILIZATIONS FALL**

***Abstract:** The author convinces the reader that the European civilization was attacked and conquered from within, and no one fully realized what had happened. Revolutionary radical feminists were the actors of this attack. The political correctness flourishing in the West is essentially a truce between the invaders (feminists) and the dying civilization (the classical “male” West). The result of this truce is the decay of culture, economy, society, the weakening of the army, police and other sovereign bonds of the once powerful powers of the Western world.*

***Key words:** radical feminism, cultural revolution, identity policy, conservatism*

Kenneth Robert Minogue (1930–2013) was an Australian academic and political theorist, a prominent representative of British conservatism. He was Professor of Political Science at the London School of Economics in 1984–1995.

Translators in Russian

Perederyi N. Sergey – Ph.D. in Philology, Senior Lecturer, Yalta.

Email: s-peredery@mail.ru

Shevchenko K. Oleg – Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Yalta, Humanitarian and Pedagogical Academy (branch) of «V. I. Vernadsky Crimean Federal University» in Yalta.

Email: skilur80@mail.ru

ПРИЗВАНИЕ ЕСТЕСТВЕННОГО ТЕОЛОГА (окончание)¹

Ричард Суинберн

Перевод с английского А. Карабыкова, Т. Хреновой²

Аннотация: Вниманию читателей предлагается вторая часть интеллектуально-автобиографического очерка одного из ведущих христианских мыслителей последнего полувека, члена Британской Академии, профессора христианской философии в Оксфордском Университете в 1985–2002 гг.

Ключевые слова: теизм, христианство, оксфордская философия, обоснование научных теорий

Космологический аргумент

Космологический аргумент ведет доказательство от существования сложной физической вселенной (или чего-то столь же общего) к Богу, сохраняющему ее в бытии. Посылкой служит наличие нашей вселенной в течение всего ее существования (будь то конечное время или, если у нее нет начала, бесконечное время). Вселенная – сложная вещь, включающая множество отдельных частей. Каждая из этих частей имеет разные конечные и не очень обычные объем, форму, массу и т.д. – взгляните, к примеру, на огромное разнообразие галактик, звезд и планет или на гальку, устилающую морской берег. Материя инертна и не обладает силами, которые она могла бы применять по собственному выбору: она делает то, что принуждена делать. В любой области ее количество ограничено, и она имеет ограниченный объем энергии и скорости. Вселенной присущи сложность, особенность и конечность, требующие объяснения в терминах чего-то более простого.

Существование вселенной – это нечто очевидным образом необъяснимое наукой. Ибо, как мы видели, научное объяснение проливает свет на возникновение одного положения дел в терминах предыдущего положения и некоего закона природы, который заставляет положения, подобные первому, производить положения, подобные последнему. Оно может объяснить нахождение планет в их нынешних положениях предыдущим положением системы (нахождение Солнца и планет там, где они были год назад) и действием законов Кеплера, в соответствии с которыми за положениями, подобными последним, спустя год идут положения, подобные первым. Таким образом, научное объ-

1 Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 21-011-44042 «Эволюционизм как проблема христианской теологии: исторический анализ».

2 Перевод выполнен по изданию: Richard Swinburne, *The Vocation of a Natural Theologian* // Kelly James Clark (ed.) *Philosophers Who Believe: The Spiritual Journeys of Eleven Leading Thinkers*. Downers Grove: InterVarsity Press, 1993, pp. 179–202. Начало см. в предшествующем номере (№ 2 за 2022 год).

яснение способно объяснить существование вселенной в этом году в терминах существования вселенной год назад и законов космологии. Но имелось начальное состояние вселенной или же вселенная была всегда. В первом случае наука не может объяснить, почему имелось это начальное состояние, а во втором – почему существует материя (или, точнее, материя-энергия), чтобы законы природы могли подчинять ее. По самой своей природе наука не может объяснить, почему вообще существуют какие-либо положения дел.

Но идея Бога может стать объяснением. Гипотеза теизма состоит в том, что вселенная существует, поскольку есть Бог, который сохраняет ее в бытии, и что законы природы действуют, потому что есть Бог, который делает так, что они работают. Он делает так, что они действуют, поддерживая в каждом объекте вселенной его склонность вести себя согласно этим законам (включая закон сохранения материи, по которому то, что имелось раньше, продолжает быть в наличии в каждый момент). Вселенная существует потому, что в каждый момент конечного или бесконечного времени Он сохраняет в бытии объекты с этой склонностью. Теистическая гипотеза подобна предположению о том, что человек совершает определенные действия с какой-то целью. Бог непосредственно воздействует на вселенную, как мы воздействуем на наш мозг, направляя его управлять движением наших конечностей (но вселенная, разумеется, не является Его телом).

Мы видели, что личное объяснение и научное объяснение суть два способа, которыми можно объяснять возникновение явлений. Так как не может быть научного объяснения существования вселенной, есть или личное объяснение, или нет объяснения вообще. Гипотеза о том, что есть Бог, – это гипотеза о существовании самого простого вида личности, который только может быть. Личность – это существо, обладающее силой совершать действие, знанием того, как это делать, и свободой выбирать, какое действие произвести. Бог по определению является всемогущей (бесконечно могущественной), всеведущей (знающей все) и совершенно свободной личностью. Он личность бесконечной силы, знания и свободы; личность, чья сила, знание и свобода не имеют пределов, кроме логических. Гипотеза о том, что есть существо с бесконечной мерой качеств, необходимо ему свойственной, есть постулирование очень простого существа. Гипотеза о том, что есть один такой Бог, является гораздо более простой, чем гипотеза о том, что существует бог, обладающий ограниченной властью, или что существует несколько богов с ограниченными полномочиями. Она проще точно так же, как гипотеза о том, что какая-то частица обладает нулевой массой или бесконечной скоростью, проще той, в согласии с которой эта частица обладала бы 0,32147 некоей единицы массы или скоростью 221000 км/сек. В отличие от безграничности, конечное ограничение предполагает объяснение того, почему есть именно такой конкретный предел. Бог представляет самую простую конечную точку в объяснении.

То, что есть вообще что-то, не говоря уже о вселенной, столь сложной и упорядоченной, как наша, до крайности странно. Но если Бог есть, то весьма вероятно, что Он должен сотворить такую вселенную. Вселенная, наподобие нашей, – это произведение искусства, театр, в котором люди и другие существа могут развиваться и осуществлять свое предназначение, и эту мысль я буду развивать далее. Поэтому аргумент от вселен-

ной к Богу – это аргумент от сложного явления к простому существу, который ведет нас к ожиданию (хотя и не гарантирует) существования Вселенной в намного большей мере, чем в противном случае (т.е. при отсутствии Бога. – пер.). Следовательно, я считаю, что он дает некоторое подтверждение истинности теизма.

Аргумент от замысла

Телеологический аргумент, или аргумент от замысла, бытует в разных формах. Одной из них служит аргумент от временного порядка. В качестве своей посылки он имеет действие самых общих природных законов, то есть упорядоченность природы, проявляющуюся в ее подчинении очень общим законам. Что именно представляют собой эти законы, наука, возможно, еще не выяснила – может быть, это уравнения поля из общей теории относительности или имеются еще более фундаментальные законы. Теперь, как мы видели, наука может объяснить действие некой узкой закономерности или закона в терминах более широкого или более общего закона. Но то, что наука по самой своей сути объяснить не может, – это почему существуют общие законы природы. Ибо *ex hypothesi*³ ни один более широкий закон не может объяснить их действие.

Соответствие объектов в бесконечном времени и пространстве простым законам требует объяснения. Давайте рассмотрим, что это означает. Законы – это не предметы, независимые от материальных объектов. Сказать, что все объекты подчиняются законам, значит просто сказать, что все они ведут себя полностью одинаково. Так, сказать, что планеты подчиняются законам Кеплера, значит просто заявить, что каждая планета в каждый момент обладает свойством двигаться так, как утверждают законы Кеплера. Следовательно, существует огромное совпадение в поведенческих свойствах объектов во все времена и во всех местах. Если все монеты какого-то региона имеют одинаковый внешний вид или все бумаги в комнате исписаны одинаковым почерком, мы ищем объяснение в терминах общего источника таких совпадений. Похожее объяснение следует искать тому огромному совпадению, которое мы описываем как подчиненность объектов законам природы, – например, тому факту, что все электроны образованы и что они притягивают и отталкивают другие частицы, а также соединяются с ними совершенно одинаковым образом в каждой точке бесконечного времени и пространства.

То, что существует вселенная и имеются законы природы, – это настолько общие и всеобъемлющие факты, что мы склонны их не замечать. Но с таким же успехом вселенной могло не быть вовсе. Или с той же легкостью вселенная могла быть хаотическим беспорядком. То, что есть упорядоченная вселенная, – это что-то весьма поразительное и при этом лежащее за пределами научного объяснения. Неспособность объяснить эти вещи не является временным явлением, вызванным недостаточной развитостью современной науки. Дело, скорее, в самой сути научного объяснения, по причине которой эти вещи будут всегда оставаться недоступными для него. Ибо по самой своей сущности научные объяснения ограничиваются неким предельным законом природы и неким предельным устройством материальных вещей. И вопрос, кото-

3 «Из гипотезы» (лат.), то есть согласно предложенной гипотезе (Здесь и далее, где это указано, примечание переводчиков).

рый меня здесь волнует, заключается в том, почему вообще существуют естественные законы и материальные вещи.

Нам снова доступно простое объяснение временной упорядоченности вселенной: Бог заставляет протоны и электроны двигаться упорядоченным образом, точно так же как мы можем приводить в движение наши тела по правилам танца. Ех hypothesis у Него есть сила, чтобы делать это. Но почему Он избирает это действие? Упорядоченность вселенной сообщает ей красоту, но, что еще более важно, она делает ее поддающейся контролированию и изменению со стороны людей. Ведь лишь при наличии простых законов природы люди могут предсказывать, что из чего будет следовать, а без правильных предсказаний они не могли бы что-либо изменить. Только если они знают, что, посеяв определенные семена, прополов и полив их, они получают кукурузу, люди могут вести сельское хозяйство. И они могут приобрести эти знания лишь в том случае, если в природе имеются легко постижимые поведенческие закономерности. Хорошо, что есть человеческие существа, воплощенные мини-творцы, добровольно участвующие в деятельности Бога, формирующей и развивающей вселенную. Но если есть люди, должны существовать и законы природы. Поэтому есть некоторое разумное ожидание, что Бог произведет их, иначе вряд ли можно ожидать, что вселенная обнаружит такой поразительный порядок.

Формой аргумента от замысла, наиболее распространенной в истории мысли и доминировавшей в XVIII – начале XIX веков, служил аргумент от пространственного порядка. Сложная организация животных и растений, позволяющая им добывать пищу, к которой приспособлено их пищеварение, и спастись от хищников, наводила на мысль о том, что они подобны изощренным машинам и, соответственно, их должен был собрать высший механик, встроивший в них еще и способность к размножению. Активное использование этого аргумента в религиозной апологетике прекратилось в 1859 году, когда Дарвин предложил свое объяснение того, почему есть сложно организованные животные и растения, в терминах законов эволюции, действовавших прежде на гораздо более простые организмы. Казалось, не было никакой необходимости вписывать Бога в эту картину.

Тем не менее такая реакция была преждевременной. Ибо потребность в объяснении может быть отнесена на предыдущую стадию. Почему имеются законы эволюции, приводящие к тому, что в течение тысячелетий простые организмы постепенно производят сложные? Несомненно, потому что эти законы вытекают из основных законов физики. Но тогда почему основные законы физики имеют такую форму, что влекут за собой законы эволюции? И почему имелись примитивные организмы в самом начале? Можно рассказать правдоподобную историю о том, как первичный “суп” материи-энергии, образовавшийся в момент Большого взрыва (около 15 миллиардов лет назад, когда, как ныне говорят ученые, началась вселенная или, по крайней мере, ее настоящая фаза), в течение многих тысячелетий создавал эти примитивные организмы, согласно физическим законам. Но почему тогда вообще была в начале материя, пригодная для такого эволюционного развития?

В отношении законов и исходной материи у нас снова есть тот же выбор: сказать,

что эти вещи не подлежат дальнейшему объяснению, или искать такое объяснение. Заметьте, что здесь вопрос не в том, почему вообще есть законы (посылка аргумента от временного порядка) или почему вообще существует материя-энергия (посылка космологического аргумента), а в том, почему законы и материя-энергия наделены таким характером, в силу которого они настроены на создание растений, животных и людей. Поскольку самые общие законы природы имеют этот особый характер, не может быть научного объяснения того, почему они таковы, каковы они суть. И хотя возможно научное объяснение того, почему материя в момент Большого взрыва имела тот особый характер, который был у нее тогда, в терминах ее характера на более раннем этапе, ясно, что если имелось первоначальное состояние вселенной, оно должно было быть определенного рода. Если же вселенная существовала вечно, ее материя должна иметь определенные общие свойства, ибо только так в любое время может иметься состояние вселенной, пригодное для создания растений, животных и людей. Научное объяснение останавливается. Остается вопрос, должны ли мы принять эти особые черты законов и материи вселенной как необъяснимые далее факты или же нам надлежит идти за их границы к личному объяснению в терминах деятельности Бога.

Выбор зависит от того, насколько вероятно, что законы и начальные условия должны иметь именно этот характер в силу случайности. Недавние научные исследования привлекли внимание к обстоятельству, что вселенная тонко настроена⁴. Материя-энергия в момент Большого взрыва должна иметь определенную плотность и определенную скорость удаления; увеличение или уменьшение их пусть только на одну миллионную долю привело бы к тому, что вселенная не развивалась бы в сторону появления жизни. К примеру, если бы Большой взрыв заставил кванты материи-энергии удаляться друг от друга чуть быстрее, то не возникло бы ни галактик, ни звезд, ни планет, ни среды, подходящей для жизни. Если бы разудаление шло чуть медленнее, вселенная бы обрушилась на саму себя, прежде чем могла бы появиться жизнь. Сходным образом константы в законах природы должны были располагаться в очень узких пределах, чтобы могла возникнуть жизнь. Итак, крайне маловероятно, что законы и начальные условия случайным образом имели свойство производить жизнь. Бог способен сообщить материи и законам это свойство. Если мы можем показать, что у Него имелись основания для этого, то это подтверждает гипотезу, по которой Он действительно это сделал. Нам снова доступна причина (в дополнение к эстетической), по которой Бог вообще решил создать упорядоченную вселенную. Это ценность воплощенных обладающих сознанием существ, которых произведёт со временем эволюционный процесс, и прежде всего людей, способных делать осознанный выбор относительно того, каким должен быть мир.

Подобная схема аргументации от множества прочих явлений, как, например, существование сознательных существ, благоприятная упорядоченность вещей в определен-

⁴ См. мой краткий обзор и комментарий к этой работе «The Argument from Fine-Tuning», in J. Lesly (ed.) *Physical Cosmology and Philosophy* (New York: Macmillan, 1989), переиздано в качестве приложения В в моей книге «The Existence of God» (Oxford, U.K.: Clarendon, 1991). См. русский перевод: Суинберн Р. Существование Бога. М.: Языки славянской культуры, 2014. С. 450–453.

ных отношениях, возникновение, по-видимому, чудесных событий в истории и религиозный опыт многих миллионов людей, как я утверждал в работе «Существование Бога», – позволяет сказать, что теизм (когда все аргументы берутся вместе), значительно более вероятен, чем сомнителен.

В защиту христианского учения

Моя трилогия была закончена в 1981 году. Она касалась только чистого теизма – смысла, обоснования и значимости для религиозной практики утверждения о том, что Бог существует. Но христианство притязает на много большее. Наряду со многими другими религиями, оно включает такой взгляд на людей, который резко отличает их от обычных материальных вещей. Я знал, что в современном мировоззрении глубоко укоренился материализм, из которого следует, что человек – не что иное, как весьма сложный материальный объект, чрезвычайно изоциренный робот. Эта доктрина казалась мне всецело ошибочной по причинам, совершенно независимым от теологии. Следующие пять лет я посвятил обоснованию субстанционального дуализма, в соответствии с которым в человеке есть две части: тело и душа. Душа при этом служит главной частью, и продолжающееся существование души образует целостность личности. Христианская теология жизненно нуждается в таком взгляде, поскольку, если есть жизнь после смерти, конститутивной частью человеческой личности должно быть нечто отличное от тела, которое можно превратить в пепел или даже в простые частицы энергии. Моя защита субстанционального дуализма и связанных с ним учений о сути человечности (как, например, учение о свободе воли) была опубликована в окончательном виде в книге 1986 года «Эволюция души».

Разработка этого вопроса стала подступом к занятию специфически христианскими доктринами. Я приступил к работе над тетралогией по философским проблемам, связанным с ними. (Я говорю о “философских” вопросах, так как христианство – историческая религия, и некоторые из его учений требуют исторических свидетельств в свою поддержку. Философ не компетентен, чтобы заниматься этим; но можно показать, где нам нужны исторические доказательства и насколько они значимы для дела в целом, которое можно снабдить и другими основаниями; и я стремился сделать именно это. Так, нам нужны исторические доказательства, чтобы показать, что Иисус был распят и воскрес из мертвых; но нужны и философские аргументы, чтобы показать, что эти события имеют космическое значение). Мое обращение к чисто христианским проблемам совпало с моим возвращением в Оксфорд в качестве ноллотского профессора христианской философии.

Первый том задуманной тетралогии «Ответственность и искупление» был издан в 1989 году. Когда мы делаем добро или зло друг другу, [для оценки] применяются различные компоненты набора моральных понятий: мы виновны или достойны награды; мы должны каяться, извиняться и возмещать ущерб; другие должны нас прощать или, в зависимости от ситуации, выражать благодарность или вознаграждать нас; или же они могут наказывать нас. Первая часть книги «Ответственность и искупление» была посвящена анализу этих понятий и осмыслению того, когда они применяются – к отно-

шениям людей между ними. Во второй части итоги предыдущей прилагаются к анализу смысла и обоснованию тех христианских учений, которые используют эти понятия для описания отношений между Богом и человечеством, – в частности, учений о грехе и грехопадении, искуплении, вечном наказании и вечной награде.

Во всех моих работах по философии религии мой подход состоял в том, чтобы, начав с того, где находилось светское гуманитарное знание в данное время, развить философию соответствующей сферы и затем показать, как эта философия приводит к христианскому пониманию ее предметов. В книге «Ответственность и искупление» я исходил из ограниченного морального понимания долга и сверхдолжной благодати, присущего человеку, и шел к выводу о нашем моральном статусе по отношению к Богу. В своей предшествующей трилогии я начал с индуктивных стандартов, подразумеваемых в науке. В своей следующей книге «Откровение», изданной в 1992 году, я начал с обычных осмысленных предложений, чтобы развить философию значения, а потом перейти к теологическим вопросам. В философии религии нет другого способа преуспеть, кроме того, при котором ее результаты рационально приемлемы и для тех, кто изначально не религиозен. По этой причине философ религии не должен быть дилетантом в других областях философии; и я написал, по крайней мере, в формате статьи о большинстве таких областей. Вся философия занимается восхитительными и важными темами, и, хотя ее труд тяжел, я имел удовольствие обсуждать эти темы с коллегами, учиться на их работах и, надеюсь, немного продвинуть понимание вещей во всех областях философии, в которых я работал.

Моя книга об откровении касается утверждений христианства о том, что оно провозглашает истины, открытые Богом. В этой работе исследуется, что было бы свидетельством того, что христианские догматы и Библия явлены свыше. Ее исходные философские проблемы связаны с тем, как значение может быть передано с помощью аналогии и метафоры в рамках ложных научных и исторических допущений античной культуры. Я рассматриваю их в первой части этой работы, перед тем как применить результаты к притязанию христианства на богооткровенность. Я планирую еще две книги в рамках этой тетралогии: одну об учении о Боге, рассматривающую специфически христианские учения о Троице и Боговоплощении; вторую – о провидении и зле, посвященную более подробному анализу проблемы зла в свете христианской доктрины, чем я мог сделать это в работе «Существование Бога»⁵.

Когда эта последняя книга будет закончена, я не думаю, что смогу написать еще что-то в объеме книги по философии религии. Я скажу уже все, что имею сказать. Между тем я надеюсь продолжать излагать и отстаивать то, что я выразил прежде, различными способами. Возможно, я буду писать книги о тех или иных философских предметах – к примеру, о простоте и необходимости, – лежащих в основе моих отдельных работ по философии религии, но относящихся более прямо к другим отраслям философии.

Разумеется, я не знаю, какое воздействие окажут мои работы в конечном итоге. Но

⁵ Имеются в виду работы: «The Christian God» (Oxford, U.K.: Clarendon, 1994) и «Providence and the Problem of Evil» (Oxford, U.K.: Clarendon, 1998) (пер.).

я полагаю, что уже немного способствовал тому, чтобы продвинуть христианство на форуме интеллектуальной респектабельности; и в мгновения большей внутренней собранности я ощущаю безмерную благодарность за привилегию, что мне было позволено это сделать. Я благодарен Богу, благодарен дружественным мне философам-атеистам за их терпимость и открытость в отношении странного коллеги и благодарен обществу, неведомо для себя платившему мне зарплату в течение всех этих лет за философствование. Понятно, что я не был одинок в своем стремлении делать то, что я сделал. Немалое число философов, принадлежащих к англо-американской эмпирической традиции, по преимуществу в Соединенных Штатах, трудились различным образом, чтобы переместить христианство на должное место в средоточие рационального и чуткого к науке мировоззрения. Я безмерно благодарен им за их работу и дружбу.

Заключительные размышления

Я прекрасно сознаю, что мое интеллектуальное развитие было связано во многом с систематизацией и обоснованием того, во что я весьма смутно верил сорок лет назад. Хотя мои взгляды по более частным вопросам претерпели изменения, мое мировоззрение в целом не изменилось. Я знаю, что не люблю менять привычки или мнения и что есть объяснение моего интеллектуального развития, имеющее некое исходное правдоподобие. Оно состоит в том, что я попросту слишком упрям, чтобы позволить себе менять позицию под давлением опыта и силы доводов моих философских оппонентов, с которыми я сталкивался на протяжении своей карьеры. Все, что я могу сказать в свою защиту, – это то, что для меня чрезвычайно важно придерживаться верного взгляда на очень большие метафизические проблемы. Я искренне верю, что если бы я рассудил, что данный опыт или аргумент ведет к позиции, контрарной той, что я занял в юности, я бы не скрыл от себя этот факт. У меня нет желания поклоняться Богу, которого не существует. Я иногда ловил себя на том, что начинал молиться: «О, Боже, если ты не существуешь, помоги мне увидеть это»!

Сомневаюсь ли я порой в основных положениях христианской веры? Если вопрос означает, что я менее чем абсолютно уверен, что положения эти верны, ответ «да». Я абсолютно уверен в очень немногом, к чему не относится даже реальность внешнего мира и “чужих сознаний”. Но я считаю, что имеется значительный массив доказательств в пользу этих обеих позиций, а также в пользу христианского теизма. Если вопрос означает, посвящаю ли я время разбору возражений против христианства, то ответ тот же – «да». Это моя работа. Я полагаю, что каждому христианину или нехристианину следует уделять некоторое время (неважно, насколько любительским образом), на рассмотрение всех за и против своей системы ключевых убеждений – не только однажды в юности, но с интервалами на протяжении жизни.

Многие годы всякий раз, когда мне приходило в голову какое-либо возражение, я записывал его как то, что в свое время нужно досконально исследовать. Подробный разбор таких возражений, полагаю, привел к тому, что я увидел те грани истины, которые бы не заметил иначе. Так, любой, кто обладает моральной чувствительностью, должен считать, что факт наличия боли и страдания образует *prima facie* возражение против те-

изма. Но серьезное обдумывание этого возражения, вместо сокрытия его от самого себя, предполагает анализ того, какого вида мир должен был, по нашему мнению, создать всемогущий и всеблагий Бог. Начав продумывать в деталях эту альтернативу, я осознал⁶, что, если бы Творец создал мир без страданий, то это был бы мир, в котором люди несли бы мало ответственности друг за друга и за других существ. Видя, что эта альтернатива явно не лучше, чем нынешний мир, я понял кое-что новое о добре: к нему относится нечто большее, чем зуд удовольствия; и о Боге – что Его доброта проявляется в свободе и ответственности, которыми Он наделяет свои создания.

Я обнаружил, что то, что демонстрирует этот простой пример, верно также для более сложных ситуаций. Сомнение (во втором смысле) полезно для веры. Более узнавать о том, каков Бог и, среди прочего, в чем заключается Его благодать, полезно для молитвы. Проповедники без устали напоминают нам, что знание о Боге – это одно, а знание Бога – другое; но, хотя эти предметы различаются, было бы очень странно, если бы вы могли хорошо знать Бога, не зная о Нем достаточно (независимо от того, есть ли у вас философская подготовка, чтобы четко изложить это на письме). В конце концов, мы лучше узнаем обычного друга, когда знаем что-то об истории и характере этого человека.

Несмотря на это, я должен признать, что многое в моей молитвенной практике довольно “сухо”. Поклонение нашему Создателю является первым человеческим долгом: не признавать публично и приватно благодать Бога – это глубокий недостаток нечувствительности и неблагодарности по отношению к нашему высшему благодетелю. И в целом мне нравится поклоняться, воскресенье за воскресеньем, так, как это было установлено Христом, в Евхаристии. Древние молитвы, обряды и исповедания веры спасают нас от бедности выражения и узости видения “спонтанной” молитвы.

Христос основал церковь, и быть христианином – значит принадлежать к этой церкви. Но церковь разделена, и потому мы вынуждены принадлежать к церкви, принадлежа к той ее части, которая, как кажется нам, лучше всего отражает организацию и учение, которые должна иметь церковь, по замыслу Христа. Когда мне было пятнадцать лет, я был крещен в Англиканской церкви и с тех пор я оставался англиканином. Но я никогда не чувствовал себя комфортно в англиканстве. Никто не должен удовлетворяться принадлежностью к “осколку”, сохраняющему независимость от остальной церкви, основанной Христом. Нам всем нужно трудиться над достижением церковного единства. На мой взгляд, оно должно означать единство организации, которая нашла бы свой естественный центр в формальном главенстве (по чести), а именно в реформированном папстве. Но есть и другая причина, по которой мне было неудобно быть англиканином. Она в том, что Церковь Англии, похоже, не относится с достаточной серьезностью ни к набору обязательств, имеющихся у христиан, ни к важности провозвестия истинного вероучения. Если бы я жил в России или Греции, я, вероятно, чувствовал бы себя более комфортно в Православной церкви. Но, живя в Англии, я остаюсь англиканином и ценю эту церковь за ее сакраментальное поклонение, уваже-

⁶ См. исправленное издание книги «The Existence of God» (1991), р. 152–160, где дано детальное обсуждение.

ние к учености, терпимость и смирение⁷.

Мое участие в церкви ограничилось участием в богослужении и прочих молитвенных службах и таинствах на правах обычного члена общины. Хотя в минимальной мере я был причастен к социальным функциям церкви, я не входил в церковные комитеты, не редактировал газеты и не пел в церковном хоре. В качестве оправдания я постоянно повторяю слова св. Павла о том, что «существуют различные служения»⁸; и мое, насколько я его понимаю, состоит в том, чтобы писать и преподавать в светском мире.

Я человек нетерпеливый и никогда не наслаждался настоящим так, как бы следовало. Но я всегда смотрел вперед. И теперь я с нетерпением жду завершения всех начатых мной академических проектов; и еще я с нетерпением жду того, что Бог сотворит со мной, когда эта жизнь подойдет к концу. Страх и трепет – единственно уместные чувства, с которыми христианин может предстать перед своим Творцом. И я молюсь, чтобы Бог дал мне время и милость подготовиться к этому дню.

Richard Swinburne

The Vocation of a Natural Theologian (Russian translation. Part II)

Annotation: Readers are invited to an intellectual and autobiographical essay by one of the leading Christian thinkers of the last half century, a member of the British Academy, a professor of Christian philosophy at Oxford University in 1985–2002.

Keywords: theism, Christianity, Oxford philosophy, justification of scientific theories

Research for this work was supported by Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project № 21-011-44042 «Evolutionism as a Problem of Christian Theology: A Historical Analysis».

Сведения об авторе

Ричард Суинберн (р. 1934) – британский философ и богослов. Был профессором христианской философии в Оксфордском университете в 1985–2002 годах.

Email: richard.swinburne@oriel.ox.ac.uk

Richard Swinburne (b. 1934) is a British philosopher and theologian. He was a professor of Christian Philosophy at the University of Oxford in 1985–2002.

Email: richard.swinburne@oriel.ox.ac.uk

⁷ В 1990-х гг., после написания этого очерка, Ричард Суинберн перешел в Православную церковь (пер.).

⁸ См. 1 Кор. 12:5 (пер.)

Сведения о переводчиках

Карабыков Антон Владимирович – доктор философских наук, кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры философии, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского (г. Симферополь).

Email: meavoxlenis@gmail.com

Karabykov Anton – DSc in Philosophy, CSc in Philology, Professor, Department of Philosophy, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia.

Хренова Татьяна Станиславовна – аспирант кафедры романской и классической филологии, Институт филологии, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского (г. Симферополь).

Khrenova Tatyana Stanislavovna – postgraduate student of the Department of Romance and Classical Philology, Institute of Philology, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 008

АРТЕФАКТЫ С ВОЕННЫМИ «ШРАМАМИ» И ИХ СТАТУС В РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ: НА ПРИМЕРЕ ПАМЯТНИКОВ Г. СЕВАСТОПОЛЯ И РЕСПУБЛИКИ КРЫМ

Леонов И. В., Кириллов И. В.

Аннотация: Представленная статья посвящена изучению особенностей артефактов, которые несут на себе следы воздействия войн. Указанные воздействия, внедряющиеся в органику и «смысловую ауру» памятников культурного наследия, во многом противоречат их природе. На этом основании многие практики работы с отметинами, которые памятники получают в ходе войн и вооружённых конфликтов, направлены на удаление указанных следов и возвращение артефактов в их «эталонное» состояние. Однако «шрамы» войны, которые порой содержат артефакты, могут выступать как «места памяти», повествующие о важных аспектах историко-культурного прошлого. Артефакт со следом военного воздействия может стать свидетелем значимых событий, – что усложняет историко-культурную структуру данных памятников. На примере памятников г. Севастополя и Республики Крым даётся характеристика основным стратегиям, применяемым в работе с объектами культурного наследия, несущими на себе военные отметины. Указывается на значимость сохранения некоторых следов войн на памятниках культурного наследия для фиксации мест памяти и реализации коммеморативных практик в интересах сохранения отечественной исторической памяти и противодействия вмешательствам, направленным на размывание российской историко-культурной матрицы.

Ключевые слова: историко-культурное наследие; Крым; Севастополь; Крымская война; Великая Отечественная война; «место памяти»; след войны.

Сфера культурного наследия включает в себя многочисленные памятники со следами повреждений, которые они получили в ходе истории, при различных перипетиях, катаклизмах, трагических обстоятельствах. В области работы с культурным наследием, как правило, отношение к подобным рода повреждениям сводится к их негативному восприятию; преобладает желание вернуть артефакту «эталонный», «первозданный» вид. Тем не менее бывают ситуации, когда повреждения, полученные тем или иным памятником, обретают значимость, предстают как элементы, «усиливающие», дополняющие артефакт. Указанная ситуация во многом парадоксальна, поскольку дефект, который может восприниматься как подлежащий устранению, способен

органично «войти» в материальную форму и смысловую «ауру» артефакта, придавая ему особый статус [подробнее об этом см.: 1].

Подобного рода повреждения достаточно часто являются результатом воздействия войн и иных вооружённых конфликтов. Сказываясь на материальной компоненте памятников, а также отражаясь на их нематериальной стороне, военные «шрамы» отличаются особой степенью влияния на человека, нередко пробуждают глубинные пласты его психоэмоциональной сферы. Реальность шрамированного памятника предстаёт в воображении с особенным драматизмом; повреждение, которое несёт на себе памятник, способно выступать как средоточие его исторического опыта и перенесённых «страданий». Нередко такого рода повреждения выступают как «зацепки» для мыслительной реконструкции и моделирования значимых сюжетов в исторической реальности артефакта [см., например: 2].

Ярким примером рассматриваемой группы памятников выступает «дом с ядрами» (дом инженер-полковника Савина) в г. Севастополе, в стенах которого сохранены несколько застрявших чугунных ядер времён Крымской войны 1853–56 гг.; указанные боеприпасы после войны намеренно были оставлены в стенах дома его владельцем и являются известной севастопольской достопримечательностью и наглядным, зримым свидетельством героической обороны города [3, с. 77]. Подобного рода отметины существенно влияют на восприятие памятников историко-культурного наследия, повествуя об их историческом опыте. «Пострадавший», шрамированный объект может восприниматься как свидетель и даже участник определённых событий, следы которых запечатлены в его «теле». Людям свойственно «очеловечивать» объекты, с которыми они взаимодействуют; шрамированные памятники нередко воспринимаются как заслуженные ветераны, которые перенесли вместе с народом разного рода тяготы и лишения. Раненый артефакт, искалеченный осколками, обгоревший, подвергшийся разграблению и вандализму, нередко обладает колоссальным авторитетом в глазах потомков – как субъект ушедших событий [4, с. 198]. Шрам на теле артефакта подобен шраму на теле человека. В указанном плане уместно сослаться на весьма устойчивый архетип восприятия шрамов, проявляющийся во многих культурах и выраженный в том, что шрам свидетельствует о мужественности, стойкости, способности преодолевать боль и других подобных качествах его носителя. Военный шрам указывает на наличие опыта, который для многих сообществ обладает высокой степенью значимости. Проявления данного архетипа встречаются достаточно часто, в том числе и в художественной культуре. Показателен, например, следующий фрагмент из повести Г.Я. Бакланова «Пядь земли»: «Под правой лопаткой у Бабина старый, затянувшийся коричневой кожей широкий шрам. На плече круглая вмятина толщиной в палец – след пули. Когда он подымает руку – вмятина становится глубже. Весь послужной список на теле, стоит только рубашку снять» [5, с. 138–139].

Шрам, формирующий «реальность» памятника и отражающий его исторический опыт, синтезирует воспоминания. Выражаясь терминологией П. Нора [6], возникает «место памяти», которое участвует в формировании общей ткани сведений о прошлом

(как реальности самого артефакта, так и исторической памяти в целом), – поскольку память, складываясь в определенные пространственно-временные фигуры, закрепляется при этом в соответствующих «гнездах», «точках гравитации», памятных местах или зацепках памяти. Указанные места, будучи значимыми скоплениями воспоминаний о прошлом, пересекаясь друг с другом, «наслаиваясь» друг на друга, усиливая друг друга, способствуют формированию целостного образа ушедшей реальности. В этом свете можно указать, что память о прошлом, в частности о тех или иных войнах и вооружённых конфликтах, может «усиливаться» и поддерживаться через выявление, сохранение и «культивацию» памятных мест. След войны выступает как подлинный свидетель истории, её убедительное и осязаемое проявление, – а потому фиксация данных следов может стать чрезвычайно действенным механизмом сохранения и трансляции исторической памяти.

Артефакты, содержащие военные шрамы, имеются во многих российских городах, сёлах, иных локациях. В ряде случаев они выявлены, атрибутированы и активно используются в коммеморативных практиках разного рода. При анализе отечественного опыта по части работы с памятниками, которые содержат следы воздействия Великой Отечественной войны, становится понятно, что в 1940–60-х гг., когда страна преодолевала последствия военной разрухи, следы войны в основном ликвидировались. Поколение, которое прошло войну и помнило её, стремилось преодолеть материальные проявления войны, преимущественно стерев их, наладить мирную жизнь и быт, – храня вместе с тем в памяти военные тяготы. В указанный период работа со многими артефактами велась с позиции практики возвращения состояния, которое реставраторы считали эталонным (что закреплено было и в нормативных документах, например, в «Инструкции о порядке учета, регистрации и реставрации памятников архитектуры» 1949 г., которая предписывала восстанавливать или воссоздавать памятник в его изначальной форме или в другом виде, в каком артефакт находился на определенную научно обоснованную оптимальную дату [см.: 7]). Такое отношение к военным отметинам проявлялось и во многих произведениях советской художественной культуры – вспомним, например, ахматовские строчки:

«Мы раз навсегда сотрем следы
Войны, –
чтоб жизнь созидать» [8, с. 139].

Но уже в первые десятилетия после войны стали проявляться и официальные практики её мемориализации с помощью сохранения и консервации военных шрамов. Один из самых значительных артефактов такого рода – Брестская крепость, гарнизон которой в первые недели войны исключительно упорно и настойчиво сопротивлялся гитлеровским захватчикам. На стенах Брестской крепости можно увидеть многочисленные отметины от артиллерийских снарядов, авиабомб, пуль и воздействия огнемётов. В музейных пространствах, которые в настоящее время находятся в крепости, также представлены артефакты со следами военного опыта (оружие, боеприпасы, предметы обмундирования, иные военные аксессуары, личные вещи защитников крепости и т.д.). В качестве примера

также можно упомянуть мемориальные доски, которые были размещены в Ленинграде в память о немецком артиллерийском терроре: в блокадные годы город подвергался интенсивным обстрелам, вследствие которых погибло свыше 16 тыс. человек и был нанесён огромный материальный урон Ленинграду – пострадали многие памятники историко-культурного наследия, некоторые из которых были безвозвратно утрачены. В память об указанных обстрелах на Исаакиевском соборе, Спасе на Крови и Аничковом мосту сохраняются следы от осколков снарядов; рядом с этими шрамами размещены памятные доски с надписями: «Это следы одного из 148478 снарядов, выпущенных фашистами по Ленинграду в 1941–44 гг.». Аналогичные коммеморативные практики существуют и в других российских городах.

Укажем, что практики сохранения военных отметин на памятниках, которые распространены в современной России, выглядят несколько иначе, чем полвека назад. Не в последнюю очередь это связано с тем, что наших сограждан, которые помнят Великую Отечественную войну непосредственно, становится всё меньше и меньше. Кроме того, сокращается и количество материальных свидетельств войны. Подавляющее большинство носителей российской культуры знакомо с данным историческим феноменом опосредованно – через фильмы, кинохронику, произведения художественной литературы, мемуары и т.д. На современном этапе в связи с отдалением событий Великой Отечественной войны в прошлое весьма актуальным становится вопрос выявления, сбережения, актуализации и приумножения мест, которые напоминали бы потомкам победителей о тех трагических и славных временах. На этом фоне общественный статус памятников, которые содержат военные шрамы, усиливается, – они всё чаще воспринимаются как непосредственные свидетели войны и значимые места памяти.

Множество подобных памятников есть на Крымском полуострове, богатая и сложная история которого включает ряд войн и иных вооружённых конфликтов, – в том числе и события Крымской войны 1853–56 гг. и Великой Отечественной войны 1941–45 гг.

Одним из таких памятников является Михайловская береговая батарея (ныне Музейный комплекс «Михайловская батарея») в Севастополе, на постройках которой содержатся многочисленные глубокие выбоины и трещины, оставленные немецкими снарядами. Реконструкция, произведённая в 2010-х гг., была проведена достаточно деликатно, со вниманием к сигнации аутентичного материала, с сохранением военных шрамов; во внутреннем дворе батареи сохранены руины открытой кладки [9, с. 311, 313]. Явные и хорошо «считываемые» следы от снарядов содержатся также на стенах 35-й береговой батареи (также превращённой ныне в музейный историко-мемориальный комплекс). Военные шрамы сохраняются и на севастопольском форте Литер «А-5» [3, с. 82].

До недавнего времени сохранялись многочисленные военные отметины на севастопольском Владимирском соборе – одном из самых значимых городских памятников, в котором покоится прах прославленных адмиралов В.П. Корнилова, П.С. Нахимова, В.И. Истомина и М.П. Лазарева. Зданию собора в годы Великой Отечественной войны был нанесён большой урон – был разрушен северный фасад,

поврежден крест, крыша, пострадало внутреннее убранство, включая росписи [10, с. 108]. В ходе реставрации, которая завершилась в 2014 г., большинство военных шрамов было устранено, однако на некоторых элементах (на одной из храмовых колонн и на небольшом фрагменте стены) они были сознательно сохранены [11]. (Заметим, что аналогичный пример фрагментации военного шрама на значимом в художественном и духовном плане памятнике представляет кронштадтский Морской Никольский собор, главный храм Военно-морского флота России. В указанном храме на полу имеется след, оставленный неразорвавшимся немецким снарядом в 1943 г.; отметина накрыта стеклом, на котором имеется соответствующая разъяснительная надпись. Фиксация такого рода следов явно «усиливает» культовые здания, иллюстрирует многослойность их истории, свидетельствует о неразрывной связи истории Русской православной церкви с историей страны).

Обращает на себя внимание и другой севастопольский памятник – построенная ещё византийцами древняя крепость Каламита, стены которой помнят многие драматические события. Во времена Крымской войны Каламита выступала в качестве опорного пункта инкерманских позиций русской армии, – вследствие чего в неё попадали ядра и штычные пули [12, с. 161–162]. В 1942 г. возле Каламиты также шли бои, рядом с крепостью держали оборону бойцы 25-й стрелковой дивизии им. В.И. Чапаева. В настоящее время Каламита находится в руинированном состоянии – вследствие военных потрясений и иных перипетий [13, с. 206–207].

Заслуживают внимания и многочисленные военные повреждения, которые содержатся в Керченской крепости [14], редюит которой буквально испещрён следами от осколков. Аналогичные повреждения имеются и в Аджимушкайских каменоломнях, в которых в 1942 г. на протяжении нескольких месяцев шли бои окружённых советских бойцов с немецкими оккупантами. Каменоломни в настоящее время музеефицированы и являются частью Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника. На входах в каменоломни сохраняются многочисленные следы от пуль и снарядов; на поверхности над каменоломнями можно увидеть многочисленные воронки, которые являются следствием подрывов кровли противником [15; 16, с. 78, 80, 81].

Севастополь был дважды разрушен войнами – в 1854–55 гг. и в 1941–44 гг. Тем не менее, в нём сохранилось некоторое количество построек, которые пережили Великую Отечественную войну; существуют и здания, которые перенесли обе великие обороны – помимо уже указанных построек, к ним относятся, например, Петропавловская церковь, Башня Ветров (бывшая вентиляционная шахта Морской библиотеки), дом Волохова, дом Берга, дом Карпова. Эти дома не содержат в настоящее время буквальные шрамы – военные отметины в случае с ними имеют нематериальное выражение и отражаются исключительно на уровне «смысловой ауры» артефактов, которая впитала определённый опыт и события. «Воображаемая реальность» данных памятников непременно включает их травмированные, полуразрушенные состояния – как существенные этапы их биографии, как часть их «провенанса». Даже будучи стёртым, шрам остаётся в памяти, будоража воображение и напоминая о былом. Зданий с нематериальными шрамами

в Севастополе множество: достойны упоминания и Покровский собор, южная часть которого в годы Великой Отечественной войны была разрушена [3, с. 54], и Свято-Никольский храм на Братском мемориальном кладбище [3, с. 110], и мечеть Акъяр Джами [17, с. 346], и здание музея Черноморского флота, и многие другие объекты. Укажем также, что пострадали и были восстановлены после войны с существенными изменениями здание главного универмага Севастополя, известное многим как дом Анненкова [3, с. 75], и расположенный между ул. Шмидта и Адмирала Октябрьского так называемый «квартал жилкомбинатов» [3, с. 53].

Весьма примечательно высказывание известного севастопольского архитектора, краеведа и литератора Е.В. Веникеева: «Что можно сказать о Севастополе 1944–1945 гг.? На весь город несколько домов, вернее, стен под крышами, густо иссечённых осколками. Кое-где из них выступают стены и даже перекрытия на уровне первого этажа. <...> Севастопольцам хотелось поскорее расчистить и умыть город, стереть с него военную пыль и гарь – глазам было больно от ран его и шрамов. Никто не хотел памяти об ужасах, о горестях, и их старательно стирали с лица земли. Сейчас всем нам бесконечно жаль, что ни осталось в городе ни одного разбитого здания – свидетеля не только великой трагедии, но и великого мужества. Очень жаль!» [3, с. 31]. (Тем не менее, Е.В. Веникеев указывал, что в Севастополе сохраняется в руинированном состоянии, разрушенный во время войны усадебный комплекс Максимова дача [3, с. 87]; очевидно, по причине того, что данный объект находится на бывшей городской окраине, краевед выводил его за скобки).

В контексте рассматриваемого вопроса следует упомянуть про многочисленные севастопольские монументы, пострадавшие в 1941–44 гг. Во время оккупации Севастополя гитлеровцы разрушили памятник адмиралу В.А. Корнилову – взорвали его гранитный постамент, а бронзовые части отправили на переплавку. На протяжении долгих лет на месте разрушенного памятника севастопольцы и гости города могли видеть только глыбы, оставшиеся от разрушенного постамент, и крест из ядер рядом с ними. Лишь в 1983 г. памятник был воссоздан – с максимально точным соответствием оригиналу [18, с. 92]. Также во время Великой Отечественной войны получил тяжёлые увечья памятник генералу Э.И. Тотлебену – в ходе артиллерийского обстрела памятнику оторвало голову, и он на протяжении некоторого времени стоял обезглавленным [19, с. 69]. Пострадали в 1941–44 гг. и другие севастопольские монументы, например, памятник матросу И.В. Шевченко [19, с. 68], памятник А.И. Казарскому (который во время войны лишился ранее окружавшей его чугунной решётки фигурного литья с орнаментом из якорей и венков [19, с. 64]), памятник на братской могиле участников восстания на крейсере «Очаков» [18, с. 129–130].

Разумеется, в годы войны получали повреждения не только архитектурные постройки и монументы – так, в июне 1942 г. в результате немецкой бомбардировки существенно пострадала и была частично утрачена живописная панорама «Оборона Севастополя в 1854–55 гг.» [подробнее об этом см.: 20]. Для воссоздания панорамы после войны потребовалось проведение многолетних реставрационных работ. (Здание

музея-панорамы тоже пострадало и в послевоенные годы было восстановлено).

Анализ рассматриваемой проблематики показывает, что во многих случаях очевидные следы военных повреждений на тех или иных объектах не атрибутированы должным образом. Информация об указанных артефактах порой не популяризируется, и многие шрамы по сути пребывают в забвении, в «нераскрытом» виде. Укажем, к примеру, на храм Святого Илии в Евпатории, на стене которого содержится след артиллерийского снаряда, вероятнее всего оставленный в годы Великой Отечественной войны (рядом с храмом в 1942 г. состоялась высадка Евпаторийского десанта). Многочисленные отметины от снарядов и пуль имеются на стенах казематов и оружейных укрытий Южного форта в Балаклаве (по этим следам можно представить ожесточённость боёв, которые происходили 80 лет назад), – тем не менее, общедоступные сведения о военных шрамах, содержащихся на этом объекте, встречаются только в публицистике и на туристических ресурсах. Вызывает некоторую тревогу и то, что документально подтвержденные и предположительные следы военных воздействий нередко ликвидируются в ходе строительных и ремонтных работ (например, есть упоминания о том, что до начала 2010-х гг. следы от осколков сохранялись на частных домах в Инженерной балке (г. Севастополь), но в наше время они стёрты; подобные случаи происходят и в Санкт-Петербурге, и в Волгограде, и в других российских городах). При этом необходимо подчеркнуть, что сохранение всех изучаемых повреждений на артефактах нецелесообразно, но сбережение и мемориализация части из них может быть вполне обоснована. Авторы статьи считают, что многие из этих следов заслуживают научного изучения – на предмет установления характера повреждений и времени, когда они случились. Представляется, что должна вестись регулярная деятельность для уточнения природы указанных воздействий (посредством работы в архивах, привлечения экспертов-криминалистов и т.д.); а в будущем такие отметины (по крайней мере некоторая их часть) должны получать официальный охранный статус и использоваться в интересах национальной коммеморативной политики [21, с. 190–191].

Приведённый обзор показывает, что Крымский полуостров содержит внушительное количество объектов историко-культурного наследия, несущих на себе следы войн и вооружённых конфликтов. Во многих случаях указанные шрамы обретают большое общественное значение. Тем не менее, на сегодняшний день говорить о наличии единственно верной стратегии в отношении работы с рассматриваемыми памятниками нельзя. Решение о выборе оптимальной стратегии в отношении каждого такого артефакта зависит от множества переменных: количества шрамированных военных памятников в конкретной местности, социальной значимости артефакта, уровня его сохранности, вписанности памятника в определённую ансамблевую группу или ландшафт, от историко-культурной целостности того или иного «слоя» артефакта, испытавшего метаморфозы в ходе своей истории, и от много другого. В результате военные шрамы на некоторых артефактах ликвидируются, на других сохраняются частично, на третьих – полностью.

В то же время анализ данного вопроса показывает значимость сохранения следов воздействия войны на определённых объектах – либо полного, либо фрагментарного.

Такого рода артефакты становятся действенным средством сохранения, культивирования и «закрепления» исторической памяти.

Указанная проблематика приобретает особую важность на современном этапе в меняющихся культурных условиях, на фоне нарастания и усложнения потоков разнообразной информации. Одним из проявлений указанной тенденции являются «войны памяти», начавшиеся во многих регионах планеты вследствие появления и распространения заведомо искажённых версий историко-культурных событий. Будучи связанными, помимо прочего, с пересмотром военно-исторических аспектов прошлого, эти «войны» зачастую сопровождаются уничтожением, переносом и неорганическими трансформациями соответствующих прежним установкам памятных мест. Войны памяти в некоторых случаях принимают тотальный характер и порой угрожают национальной безопасности России и вопросам сохранения исторической памяти и трансляции «культурного кода».

Эффективным средством противостояния вмешательствам, которые негативно интерпретируют значимые периоды российской истории и деформируют историческую память, а потому представляют, согласно разделу II Основ государственной культурной политики Российской Федерации, один из опасных факторов для будущего страны [22], выступает культивация и «закрепление» представлений о военном прошлом, соответствующих исторической правде и российским национальным интересам, – включая поддержание определенного набора мест памяти (как в России, так и за рубежом) и его дальнейшее расширение. Чтобы сохранить системообразующие аксиологические установки отечественной культуры и обеспечить их межпоколенную трансляцию для того, чтобы память о прошлом (в том числе и о военном прошлом) была более «осязаемой», необходима научно-обоснованная и планомерная деятельность по части фиксации, сохранения и адекватной «подачи» соответствующих мест памяти разного рода и масштаба. Особенно актуальна указанная деятельность для Крымского полуострова, региона со сложным культурогенезом, который не раз был опалён большими войнами и в котором сохраняется множество следов военного воздействия, – представляющих собой выраженные или потенциальные места памяти. Выявление различных повреждений, причинённых памятникам, позволяет ярко проиллюстрировать большие исторические события. По замечанию итальянского историка Д. Леви, «микроистория означает не разглядывание мелочей, а рассмотрение в подробностях» [цит. по: 23, с. 661]; будучи правильно поданной, даже небольшая «щербинка», деталь, эпизод могут стать важными историческими свидетельствами.

Список литературы

1. Леонов И. В., Кириллов И. В. «Страдающие» артефакты: основные формы воплощений и особенности восприятия // Ярославский педагогический вестник, 2019. № 6 (111). С. 176–183.
2. Суворов Н. Н. Памятник культуры как воображаемая реальность // Вестник

- Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, 2017. № 4 (33). С. 76–80.
3. Веникеев Е.В. Архитектура Севастополя: Путеводитель. Симферополь: Таврия, 1983.
 4. Леонов И. В., Кириллов И. В. «Страдание» как форма бытования артефактов // Ярославский педагогический вестник, 2020. № 1 (112). С. 196–203.
 5. Бакланов Г. Я. Пядь земли // Бакланов Г. Я. Навеки – девятнадцатилетние: Повести. Москва: Известия, 1988. С. 5–154.
 6. Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок; Пер. с фр. Д. Хапаевой; Науч. конс. пер. Н.Е. Копосов. СПб: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1999. С. 19–52.
 7. Зверев В. В. О толковании основных терминов научной реставрации // Художественное наследие, 1989. Внеоч. вып. С. 44–60.
 8. Ахматова А. А. «Где дремала пустыня – там ныне сады...» // Ахматова А. А. Собрание сочинений в 6 т. Т. 2. В 2 кн. Кн. 1 / Сост., подгот. текста, коммент. и статья Н. В. Королёвой. М.: ЭллисЛак, 1999. С. 139.
 9. Буш П. Д. Мемориальная консервация и музеефикация руин, ставших следствием военных действий на территории Российской Федерации и постсоветского пространства // Современная архитектура мира, 2019. № 2 (13). С. 304–316.
 10. Ищенко Э. С. Православные культовые сооружения Севастополя (конец XVIII – начало XX века) // Учёные заметки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского, 2012. Т. 25 (64), № 2. С. 106–115.
 11. На Владимирском соборе Севастополя «не было живого места» от пуль и осколков // Новости Севастополя. URL: <http://sevastopol-news.com/society/2013/10/17/4179.html> (дата обращения: 01.09.2022).
 12. Веникеев Е. В. Севастополь и его окрестности. Москва: Искусство, 1986. 175 с.
 13. Соколов А. А. Памятники истории и культуры Крыма: состояние, охрана, реставрация (1944-1953) // Учёные записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского, 2012. Т. 25 (64), № 2. С. 204–216.
 14. Белик Ю. Л., Лютов Е. Е., Зимнухов Р. А. Оборонительные сооружения времен Великой Отечественной войны на территории Керченской крепости // Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции «Военно-исторические чтения». К 75-летию освобождения Крыма и Керчи от немецко-фашистских захватчиков. 25–28 февраля 2019 г. Симферополь: Бизнес-Информ, 2019. С. 183–187.
 15. Из переписки с ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник». Письмо от 04.05.2022 г. № 20/932.
 16. Щербак С. М. Легендарный Аджимушкай: Путеводитель. Симферополь: Таврия, 1989.
 17. Онищенко П. Н., Карайченцева К. Д. Окружены, но не сломлены! Памятни-

- ки архитектуры, уцелевшие во время второй обороны Севастополя // Кузница великой Победы. Материалы дистанционной Всероссийской научно-практической конференции (сборник научных статей). Севастополь: ИнТех, 2020. С. 343–351.
18. Шавшин В. Г. Каменная летопись Севастополя. Севастополь; Киев: ДС Стрим, 2004.
 19. Сибиряков И. В. Выжившие среди прошлого: судьба дореволюционных памятников в советском Севастополе // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки, 2016. № 4 (12). С. 63–72.
 20. Журавлёва Н. С. «Работали топорами и минимальным пожарным инвентарём...». Неизвестные факты спасения севастопольской панорамы // Военно-исторический журнал, 2018. № 12. С. 62–67.
 21. Леонов И. В., Грусман Я. В., Кириллов И. В. Памятник с военным «шрамом»: практики сохранения и экспонирования (с опорой на материалы Центрального Военно-морского музея) // Ярославский педагогический вестник, 2021. № 4 (121). С. 185–193.
 22. Основы государственной культурной политики (утв. Указом Президента РФ от 24 декабря 2014 г. № 808) // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/39208> (дата обращения: 01.09.2022).
 23. Савельева И. М., Полетаев А. В. Знание о прошлом: теория и история: в 2 т. СПб.: Наука, 2003-2006. Т. 2: Образы прошлого. 2006.

Сведения об авторах

Леонов Иван Владимирович – доктор культурологии, доцент, профессор кафедры теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного института культуры, г. Санкт-Петербург.

E-mail: ivaleon@mail.ru

Кириллов Игорь Викторович – магистрант кафедры теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного института культуры (направление «культурология»), г. Санкт-Петербург.

E-mail: os84@yandex.ru

Leonov I. V., Kirillov I. V.

ARTIFACTS WITH MILITARY «SCARS» AND THEIR STATUS IN RUSSIAN CULTURE: ON THE EXAMPLE OF THE MONUMENTS OF SEVASTOPOL AND THE REPUBLIC OF CRIMEA

***Annotation:** The presented article is devoted to the study of the features of artifacts that bear the traces of the impact of wars. These influences, which are embedded in the organics and*

«semantic aura» of cultural heritage monuments, largely contradict their nature. On this basis, many practices of working with marks that monuments receive during wars and armed conflicts are aimed at removing these traces and returning artifacts to their «reference» state. However, the «scars» of war, which sometimes contain artifacts, can act as «places of memory», telling about significant aspects of the historical and cultural past. An artifact with a trace of military influence can witness significant events, which complicates the historical and cultural structure of these monuments. On the example of the monuments of Sevastopol and the Republic of Crimea, the main strategies used in working with cultural heritage objects bearing military markings are characterized. It is pointed out the importance of preserving some traces of wars on cultural heritage monuments for fixing places of memory and implementing commemorative practices in the interests of preserving national historical memory and countering interventions aimed at blurring the Russian historical and cultural matrix.

Keywords: *historical and cultural heritage; Crimea; Sevastopol; Crimean War; Great Patriotic War; «place of memory»; trace of the war.*

References

1. Leonov I. V., Kirillov I. V. «Stradayushchie» artefakty: osnovnye formy voploshchenij i osobennosti vospriyatiya [«Suffering» artifacts: the main forms of incarnations and features of perception] // Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik, 2019. № 6 (111). P. 176–183.
2. Suvorov N. N. Pamyatnik kul'tury kak voobrazhaemaya real'nost' [Cultural monument as an imaginary reality] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv, 2017. № 4 (33). P. 76–80.
3. Venikeev E. V. Arhitektura Sevastopolya: Putevoditel' [Architecture of Sevastopol: A guide]. Simferopol': Tavriya, 1983.
4. Leonov I. V., Kirillov I. V. «Stradanie» kak forma bytovaniya artefaktov [«Suffering» as a form of existence of artifacts] // Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik, 2020. № 1 (112). P. 196–203.
5. Baklanov G.Ya. Pyad' zemli [A span of land] // Baklanov, G.Ya. Naveki – devyatnadcatiletnie: Povesti [Forever – nineteen-year-olds: Stories]. Moskva: Izvestiya, 1988. P. 5–154.
6. Nora P. Mezhdru pamyat'yu i istoriej. Problematika mest pamyati [Between memory and history. Problems of memory locations] // Franciya-pamyat' [France-memory] / P. Nora, M. Ozuf, Zh. de Pyuimezh, M. Vinok; Per. s fr. D. Hapaevoj; Nauch. kons. per. N.E. Koposov. Sankt-Peterburg: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 1999. P. 19–52.
7. Zverev V. V. O tolkovanii osnovnyh terminov nauchnoj restavracii [On the interpretation of the main terms of scientific restoration] // Hudozhestvennoe nasledie, 1989. Vneoch. vyp. P. 44–60.

8. Ahmatova A. A. «Gde dremala pustynya – tam nyne sady...» [«Where the desert slumbered, there are gardens now...»] // Ahmatova, A.A. *Sobranie sochinenij v 6 t.* [Collected works in 6 vols.] T. 2. V 2 kn. Kn. 1 / Sost., podgot. teksta, komment. i stat'ya N. V. Korolyovoj. Moskva: EllisLak, 1999.
9. Bush P. D. Memorial'naya konservaciya i muzeifikaciya ruin, stavshih sledstviem voennyh dejstvij na territorii Rossijskoj Federacii i postsovetskogo prostranstva [Memorial conservation and museumification of ruins resulting from military operations on the territory of the Russian Federation and the post-Soviet space] // *Sovremennaya arhitektura mira*, 2019. № 2 (13). P. 304–316.
10. Ishchenko E. S. Pravoslavnye kul'tovyje sooruzheniya Sevastopolya (konec XVIII – nachalo XX veka) [Orthodox religious buildings of Sevastopol (late XVIII – early XX century)] // *Uchyonye zametki Tavricheskogo nacional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo*, 2012. T. 25 (64), № 2. P. 106–115.
11. Na Vladimirskom sobore Sevastopolya «ne bylo zhivogo mesta» ot pul' i oskolkov [At the Vladimir Cathedral of Sevastopol «there was no living place» from bullets and shrapnel] // *Novosti Sevastopolya* [Sevastopol News]. URL: <http://sevastopol-news.com/society/2013/10/17/4179.html> (дата обращения: 01.09.2022).
12. Venikeev E.V. Sevastopol' i ego okrestnosti [Sevastopol and its surroundings]. Moskva: Iskustvo, 1986.
13. Sokolov A. A. Pamyatniki istorii i kul'tury Kryma: sostoyanie, ohrana, restavraciya (1944-1953) [Historical and cultural monuments of Crimea: condition, protection, restoration (1944-1953)] // *Uchyonye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo*, 2012. T. 25 (64), № 2. 2012. P. 204–216.
14. Belik Yu.L., Lyutov E. E., Zimnuhov R. A. Oboronitel'nye sooruzheniya vremen Velikoj Otechestvennoj vojny na territorii Kerchenskoj kreposti [Defensive structures of the Great Patriotic War on the territory of the Kerch Fortress] // *Materialy VII Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Voenno-istoricheskie chteniya». K 75-letiyu osvobozhdeniya Kryma i Kerchi ot nemecko-fashistskih zahvatchikov* [Materials of the VII All-Russian scientific and practical conference «Military-historical readings». On the 75th anniversary of the liberation of Crimea and Kerch from the nazi invaders]. 25–28 fevralya 2019 g. Simferopol': Biznes-Inform, 2019. P. 183–187.
15. Iz perepiski s GBU RK «Vostochno-Krymskij istoriko-kul'turnyj muzej-zapovednik» [From correspondence with the State Budgetary Institution of the Republic of Crimea «East Crimean Historical and Cultural Museum-Reserve»] Pis'mo ot 04.05.2022 g. № 20/932.
16. Shcherbak S. M. Legendarnyj Adzhimushkaj: Putevoditel' [The legendary Ajimushkai: A Guide]. Simferopol': Tavriya, 1989.
17. Onishchenko P. N., Karajchenceva K. D. Okruzheny, no ne slomleny! Pamyatniki arhitektury, uceleвшie vo vremya vtoroj oborony Sevastopolya [Surrounded, but not broken! Architectural monuments that survived during the second defense

- of Sevastopol] // Kuznica velikoj Pobedy. Materialy distancionnoj Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii (sbornik nauchnyh statej) [The Forge of the Great Victory. Materials of the remote All-Russian Scientific and practical conference (collection of scientific articles)]. Sevastopol': InTekh, 2020. P. 343–351.
18. Shavshin V. G. Kamennaya letopis' Sevastopolya [Stone Chronicle of Sevastopol]. Sevastopol'; Kiev: DS Strim, 2004.
 19. Sibiryakov I. V. Vyzhivshie sredi proshlogo: sud'ba dorevolucionnyh pamyatnikov v sovetskom Sevastopole [Survivors among the past: the fate of pre-revolutionary monuments in Soviet Sevastopol] // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki, 2016. № 4 (12). P. 63–72.
 20. Zhuravlyova N. S. «Rabotali toporami i minimal'nym pozharnym inventaryom...». Neizvestnye fakty spaseniya sevastopol'skoj panoramy [«They worked with axes and minimal fire equipment...». Unknown facts of the Sevastopol Panorama rescue] // Voenno-istoricheskij zhurnal, 2018. № 12. P. 62–67.
 21. Leonov I. V., Grusman Ya. V., Kirillov I. V. Pamyatnik s voennym «shramom»: praktiki sohraneniya i eksponirovaniya (s oporoj na materialy Central'nogo Voenno-morskogo muzeya) [Monument with a military «scar»: preservation and exhibition practices (based on the materials of the Central Naval Museum)] // Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik, 2021. № 4 (121). P. 185–193.
 22. Osnovy gosudarstvennoj kul'turnoj politiki (utv. Ukazom Prezidenta RF ot 24 dekabrya 2014 g. № 808) [Fundamentals of the State Cultural Policy (approved by Decree of the President of the Russian Federation № 808 of December 24, 2014)] // Prezident Rossii [President of Russia]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/39208> (дата обращения: 01.09.2022).
 23. Savel'eva I. M., Poletaev A. V. Znanie o proshlom: teoriya i istoriya: v 2 t. [Knowledge of the Past: Theory and History: in 2 vols.]. Sankt-Peterburg: Nauka, 2003–2006. T. 2: Obrazy proshlogo. 2006.

Leonov Ivan Vladimirovich – doctor of Culturology, docent, professor of the Department of theory and history of culture of St. Petersburg State Institute of Culture, St. Petersburg.

E-mail: ivaleon@mail.ru

Kirillov Igor Viktorovich – master's student of the Department of theory and history of culture of St. Petersburg State Institute of Culture (direction «cultural studies»), St. Petersburg.

E-mail: os84@yandex.ru

УДК 008

УТОПИЯ, ДОСУГ И ДОЛГ: СВОБОДНОЕ ВРЕМЯ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕОЛОГИИ (1960–1985)¹

Володин А. Н., Курамшина Ю. В.

Аннотация: В статье охарактеризована концепция «советский образ жизни», набравшая популярность в конце оттепели и исчезнувшая во время перестройки. Вписанная в советский сотериологический миф, означенная концепция переворачивала смыслы труда и досуга: первый оказывался частью свободной деятельности, второй – регламентированным долгом гражданина. В этой ситуации сознательное и разумное использование свободного времени советским человеком выступало не только как инструмент достижения финального состояния культуры, но и как неотъемлемая часть этого состояния. По мнению авторов, воспитание в гражданах стремления к самодисциплине и саморазвитию, формирование возвышенных духовных потребностей и интересов сближает советскую культуру с религиозными практиками. Набор качеств, которыми должен обладать каждый советский гражданин, оказывается близок совершенству персонажей агиографической литературы. При этом отмечается целенаправленная деятельность государства в формировании «советского человека», повышении его образовательного и культурного уровня. Несмотря на расхождение мифа и действительности, утопические устремления советской культуры положительно повлияли на досуговые практики граждан через создание актуальных пограничных форм, объединяющих и труд, и досуг, а также через создание «высокой» массовой культуры.

Ключевые слова: советский образ жизни, миф, застой, утопия, труд, досуг, отдых

Вслед за послевоенным восстановлением в истории СССР принято указывать два периода: с 1953 по 1964 длится хрущевская оттепель, с 1964 по 1985 – период развитого социализма. Название последнего возникло в массовой печати в середине 1960-х годов и заключало в себе представление о том, что социализм вступил в высшую стадию своего существования. Этот временной отрезок значим для исследования в связи с его особым мифологическим статусом: период был обозначен как завершающий формирование коммунистического строя, как преддверие светлого будущего. Исходя из близости утопического мира, специалисты в области общественных наук обновили образ идеального советского человека: изобразили его не борющимся, но победившим. Именно этот образ должен был выступить и эталоном, и ориентиром для «культивирования» человека (и при самовоспитании, и при воспитании государством).

Уже с 1970-х гг. в помощь лекторам, политинформаторам и пропагандистам

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, программа «Приоритет-2030» № 075-15-2021-1323.

публикуют книги, описывающие общие принципы, на которых должна базироваться повседневная жизнь советского человека. В первых изданиях повседневность дана скупом: прописаны принципы (например, «советское общество характеризуется единством поколений» [1, с. 14], «принцип равноправия мужчины и женщины» [1, с. 11]); в качестве доказательства их верности приводятся различные статистические данные, в том числе по росту благосостояния и сокращению безработицы; для контраста описаны ужасающие сцены из жизни буржуазного мира. Довольно быстро эти книги меняются: больше внимание уделяется образу жизни, а не абстракциям; страницы наполняются фотографиями счастливых советских граждан в разных жизненных обстоятельствах. После объявления курса на перестройку книги, посвященные советскому образу жизни, перестают выходить. Миф о советском образе жизни исчез, оставив после себя идеологическое клише и набор причудливых символических форм.

Одна из наиболее противоречивых сторон ушедшего мифа – перемена смысловых отношений между трудом и свободным временем, долгом и досугом. И первое, и второе рассматривались через утопическую оптику. При диктатуре пролетариата труд оказывался частью свободы, фундаментальной ценностью, первейшей жизненной необходимостью, а свободное время получало еще более противоречивый статус. Для справедливости отметим, что примерно в это же время в Соединенных Штатах Америки правительство во главе с президентом Линдоном Джонсоном формулирует свою утопическую программу – программу построения «великого общества», значимую часть в ней занимал «высокий» досуг (в некоторых отношениях схожий с советской концепцией см. [2, с. 60–61]). Вместе с тем «евангелие досуга», распространение которого предсказывал Герберт Спенсер, в тот момент широко проповедовалось в западном обществе [3, с. 362–363]. В данной статье мы обратимся только к отечественным представлениям о досуге и долге на пороге нового коммунистического мира.

Регламентация досуга стала значимой частью переустройства советской культуры еще в 1920–30-х гг., когда возникла потребность приведения частной жизни в соответствие с социалистическими ценностями. Парадоксы, возникавшие в процессе поиска новых символических форм (например, дискуссия о необходимости смеха в новом обществе) [4] и при внедрении их в культуру (например, зазоры между проектом досуга, ценностным ядром и действительностью) [5], оставались неразрешенными. И все же победа в борьбе за организацию досуга не входила в число первостепенных задач государства вплоть до послевоенного времени. Прежде других решались проблемы ликвидации безграмотности, обеспечения материально-технической базы для развития экономики, роста производительности труда.

Понятие «свободное время» входит в социальную политику государства к концу 1950-х гг.: устанавливается низкий возрастной порог ухода на пенсию (60 лет для мужчин и 55 лет для женщин), сокращается объем рабочего времени, происходит попытка массово перейти от коммунальных квартир к индивидуальному пространству малосемеек. Эти шаги совершались по направлению к еще зыбкому культурному идеалу. В 1961 году была принята III Программа КПСС, в которой был зафиксирован путь к

утопии – к построению коммунистического общества. Документ выступил ориентиром для всех форм официальной культуры (в которую входила и повседневность советского человека, и его досуг). Предполагалось, что с увеличением количества свободного времени «досуг людей будет все больше посвящаться общественной деятельности, культурному общению, умственному и физическому развитию, научно-техническому и художественному творчеству. Физкультура и спорт прочно войдут в повседневный быт людей» [6, с. 121].

После принятия Программы возникла идея обновления конституции, которая должна была символически соответствовать приближающейся эпохе всеобщего благополучия и справедливости. К лету 1964 года был разработан финальный проект документа, но его утверждение не произошло в связи с отстранением от власти Н.С. Хрущева. Новое правительство не отказалось от намеченного курса, но идея «развернутого строительства коммунизма», представленного в конституции, была заменена на идею «развитого социализма»: наступление коммунистического общества отодвигалось на неопределенное время, главной задачей стало сохранение достигнутых высот. Постепенно Советский Союз вошел в эпоху «застоя».

Именно тогда в рамках официальной культуры была сформулирована концепция «советский образ жизни», ставшая частью повседневного идеологического дискурса. Она включала в себя особенное восприятие труда и жизни в коллективе, «коммунистическую сознательность», интернационалистические интенции и особенное отношение к свободному времени. В рамках идеологии этот новый образ жизни понимался как главное достижение развития социализма, который «впервые в истории мировой цивилизации создал образ жизни, достойный человека труда» [7, с. 9]. У «человека труда» противопоставление между свободным временем и трудом было снято. В монографии «Советский образ жизни: содержание, структура, динамика», посвященной свободному времени, коллектив авторов широко критикует западный «миф о наступлении цивилизации досуга» и отождествление свободного времени со свободой, а труда – с несвободой [7, с. 201]. Ученые утверждают, что в связи с исчезновением в Советском Союзе капиталистической идеологии (а значит и принудительной эксплуатации), «антагонизм труда и свободного времени сменился их единством»; «с построением коммунистического общества труд превратится из естественной, данной природой необходимости в социально приобретенную форму свободы, т.е. во внутреннюю потребность» [7, с. 203]. Попытки советских социологов зафиксировать растущую потребность советского гражданина в работе и тем самым доказать переход от развитого социализма к коммунизму подробно описаны [8].

В свою очередь свободное время, как ни странно, оказывалось частью долга. Правильный досуг – обязанность каждого гражданина. Всеобъемлющая причастность к высокой культуре, бывшая в прошлом привилегией «господствующих классов и интеллигенции», теперь должна была стать частью образа жизни масс. Именно потому, с точки зрения официальной культуры, весь досуг распадался на высокий и низкий. Коммунистическому (высокому) досугу противопоставлялись развлечения буржуа:

«похожие на судороги эпилептиков танцы, кабафоническая музыка, порнография, пьяные кутежи и другие уродливые развлечения» [9, с. 178]. У советского человека обязан быть высокий досуг – одновременно и инструмент достижения совершенного общества, и его цель. Построение нового мира требовало от каждого строителя твердого отказа от всего, что не приближает коммунистический строй. Выбирая между домино и творческим саморазвитием, советский гражданин не всегда выбирал последнее, что требовало комментариев от идеологов советского образа жизни.

Они, в свою очередь, широко обсуждали «несознательность» советских граждан, их низкий уровень социалистической зрелости [10, с. 98]. Решать проблему приверженности части населения к «низкой культуре» предполагалось двумя путями. С одной стороны, административными способами, – путём поддержания «культурно-нравственного» климата через создание площадок, где досуг может быть реализован: массовые библиотеки, клубные учреждения, музеи, театры, киноустановки, кружки художественной самодеятельности. С другой стороны, возложить контроль за досугом на самого советского гражданина. При этом государственное влияние на бытовую сферу гражданина представлялось необходимым, но ограниченным в своем потенциале. В условиях возрастания объема досуга все актуальнее становилась «проблема воспитания у человека способности к (...) сознательному и разумному саморегулированию и самодисциплине, формированию возвышенных духовных потребностей и интересов» [11, с. 97]. Решение проблемы виделось в усилении идеологической, массово-политической работы как в рамках трудового коллектива, так и по месту жительства.

Объясняя недостаточно рациональное использование свободного времени, авторы, с одной стороны, оправдывали советских граждан, указывая на их далекий от идеального быт, а с другой – обвиняли их в недостаточной ответственности за свою культурность. Груз вины лежал прежде всего на самом человеке, поскольку «советский образ жизни впервые в истории создал наилучшие условия для сближения идеала и жизни» [9, с. 120]. Приближение коммунистической культуры сопровождалось увеличением количества свободного времени граждан. Фонд свободного времени трудящихся «возрастает вследствие сокращения рабочего дня, увеличения продолжительности отпусков, а также за счет перераспределения вне рабочего времени и сокращения нерациональных затрат в результате улучшения культурно-бытовых условий, особенно сферы обслуживания» [9, с. 204]. А поскольку недостаточная сознательность населения в свободное от работы время порождала алкоголизм, религиозные верования (sic!), бесцельные развлечения и хулиганство, авторы требовали усилить политическо-воспитательную работу [10, с. 129].

Должное отношение к свободному времени – обязанность советского человека. Государственный аппарат прилагает усилия по организации досуга, призванного всесторонне и гармонично развивать граждан, «но чем больше и масштабнее деятельность общества в данном направлении, тем, естественно, больше у него и права спрашивать с каждого, как он использует (...) предоставляемые ему возможности» [11, с. 97]. Таким образом свободное время оказывается противоречивой ношей: «имея

два выходных дня, советский человек (...) получил дополнительные возможности для отдыха, расширения кругозора, роста квалификации, для более интересного досуга и творческого труда» [9, с. 18], но любой досуг, который не способствовал приближению коммунизма, оказывался полузапретным, пограничным (что приводило к двоимирью советской культуры той эпохи).

Советский человек находился в парадоксальной ситуации: ударный труд представлялся в официальной идеологии частью свободы, а свободное время – время упорного, радостного, всестороннего саморазвития. «Новой коммунистической морали по самой ее природе присуще стремление к подвигу, к «выходу из ряда», к стремлению сделать сегодня лучше, чем было вчера» [13, с. 232]. Таким образом сталкивались реальность и коммунистический сотериологический миф, обосновывающий восхождение из худшего мир в лучший путем непрерывного совершенствования, что сближает советскую культуру с религиозными учениями, в т. ч. христианством. Последнее, в самом высоком изводе, требует сознательного отношения к каждому действию: «агония его [Христа] длится по сей день и все это время ты должен бодрствовать с ним» [14, с. 28]. Только бдение в советском образе жизни происходит в связи с памятованием о конечном этапе развития человечества. Набор качеств, которыми должен обладать каждый советский гражданин, приближает его к совершенству персонажей агиографической литературы: «советского человека отличают преданность идеям коммунизма, чувство патриотизма, гуманизма и коллективизма, самоотверженность, высокая социальная активность и неисчерпаемое стремление к справедливости, активное вмешательство в жизнь, умноженное чувство ответственности перед обществом, чувство сопричастности к делам своей страны» [1, с. 33]. Несмотря на научные установки и обсуждение авторами конкретных проблем в области досуга, они никогда не ставили под сомнение способность человека взвалить на себя тяжесть высокой культуры в требуемом объеме – это была часть мифа, иррациональное зерно.

Несмотря на столкновение мифа и реальности, многие государственные решения в области досуга оказывались удачными, «высокая» культура проникала в массы (подталкивая «замахнуться на Вильяма нашего Шекспира»), некоторые формы совмещения труда и досуга оказались востребованными и закрепились в отечественной культуре. Так, интенции объединения досуга и труда получили воплощение в субботниках и воскресниках. Возникновение слова «субботник» связывают со статьей В.И. Ленина «Великий почин» 1919 года. В ней субботний труд рассматривается как подвиг рабочих коллективов и часть новой трудовой дисциплины, как слабый росток нового мира. Ресемантизация культурной практики происходит как раз в 1960-е годы, субботники (и воскресники) начинают ассоциировать не с героической жертвой, а – с досугом, они становятся массовым явлением [13].

На базе образовательных и культурно-просветительских учреждений реализовывалась государственная политика, направленная на организацию развлекательных программ и досуговых практик, которые со временем становились более разнообразными (клубы и кружки по интересам, лектории, тематические вечера,

экскурсии, художественная самодеятельность и пр.). Это позволяло организовать, поставить под контроль и наполнить идейным содержанием свободное время все большего количества социальных групп. Несмотря на то, что сфера досуга начинает все более индивидуализироваться, коллективные ее формы (массовые мероприятия) продолжали сохранять свою значимость в деле социалистического строительства.

Таким образом, в период развитого социализма наблюдается формирование особой концепции – «советский образ жизни». На ее содержание оказывает мощное влияние утопическое мышление: труд перестает быть долгом и становится частью свободного выбора, а досуг оказывается в строго регламентируемой сфере должного. Эта регламентация обусловлена тем, что свободное время советского человека рассматривается и как инструмент достижения финального состояния культуры, и как непосредственная часть этого состояния. Досуговые практики делятся на массовые и индивидуальные. При этом в обоих случаях очевидна целенаправленная деятельность государства по воспитанию «советского человека», повышение его образовательного и культурного уровня. Свободное время и досуг в рамках советского образа жизни рассматриваются как сфера государственного регулирования. Однако увеличение свободного времени часто негативно сказывалось на жизни советских граждан, – открылось неумение большинства организовать свой досуг. Несмотря на расхождение между мифом и действительностью, утопические устремления советской культуры в рассматриваемой области положительно сказались на распространении «высокой» массовой культуры, утвердили новые культурные практики.

Список литературы

1. Бутов В. И., Сидоренко И. Н. Советский образ жизни. Ростов-на-Дону: [б. и.], 1970. 34 с.
2. Маркузе Г. Индивид в великом обществе // Критическая теория общества. Москва: АСТ: Астрель, 2011. С. 59–71.
3. Спенсер Г. Американцы // Политические сочинения: в 5 т. Т. 4: Политические опыты. Москва; Челябинск: Социум, 2015. С. 348–368.
4. Калинин И. А. Смех как труд и смех как товар (стахановское движение и капиталистический конвейер) // Новое литературное обозрение. 2013. № 3 (121). С. 113–129.
5. Докучаев И. И. Проект досуга человека в идеологической модели советского общества (1920-1930-е гг.) // Личность. Культура. Общество. 2020. № 1–2 (105–106). Т. 22. С. 74–88.
6. Программа коммунистической партии Советского Союза. Москва: Госполитиздат, 1961. 144 с.
7. Советский образ жизни: содержание, структура, динамика. Минск: Наука и техника, 1980. 287 с.

8. Кравченко А. И. Труд как первая жизненная потребность: вымысел и правда // Социология. 2020. № 3. С. 98–126.
9. Сеницын В. Г. Это и есть советская жизнь. Москва: Мысль, 1971. 381 с.
10. Касьяненко В. И. Советский образ жизни: история и современность. Москва: [б.и.], 1985. 167 с.
11. Ермаков В. Я. Советский образ жизни. Тула: [б.и.], 1985. 127 с.
12. Сеницын В. Г. Советский образ жизни. Москва: [б.и.], 1969. 224 с.
13. Пискунов М. О., Раков Т. Н. Коммунистический труд? Субботник между позднесоветским ритуалом и экологической практикой // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2020. № 6 (69). С. 113–120.
14. Паскаль Б. Мысли. Москва: Изд-во имени Сабашниковых, 1995. 480 с.

Сведения об авторах

Володин Андрей Николаевич – кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии и социокультурного проектирования Института медиакоммуникации, медиатехнологий и дизайна Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, г. Симферополь.

E-mail: stburah@gmail.com

Курамшина Юлия Владимировна – кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры культурологии и социокультурного проектирования Института медиакоммуникации, медиатехнологий и дизайна Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, г. Симферополь.

E-mail: jvt79@rambler.ru

Volodin A. N., Kuramshina J. V.

UTOPIA, LEISURE AND DUTY: SPARE TIME OF SOVIET CITIZENS IN THE STATE IDEOLOGY (1960–1985)

This study was financially supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Priority-2030 programm N 075-15-2021-1323

Abstract: *The article describes the concept of the «Soviet way of life», which gained popularity at the end of the “thaw” period and disappeared during “perestroika”. Inscribed in the Soviet soteriological myth, the aforementioned concept turned the meanings of work and leisure upside down: the former turned out to be part of free activity, the latter - the regulated duty of a citizen. In this situation, the conscious and reasonable use of free time by Soviet people acted not only as a tool for achieving the final state of culture, but also as an integral part of this state. According to the authors, the development in citizens of the attitude of striving for self-discipline and personal development, the formation of lofty spiritual needs and interests brings*

Soviet culture closer to religious practices. The set of qualities that every Soviet citizen should possess turns out to be close to the perfection of the characters in hagiographic literature. At the same time, the purposeful activity of the state in the formation of the “Soviet man”, raising its educational and cultural level is noted. Despite the discrepancy between myth and reality, the utopian aspirations of Soviet culture had a positive impact on the leisure practices of citizens through the creation of relevant border forms that combined both work and leisure, as well as through the creation of a “high” mass culture.

Keywords: Soviet way of life, myth, stagnation, utopia, work, leisure, recreation

References

1. Butov V. I., Sidorenko I. N. Sovetskij obraz zhizni [Soviet Way of Life]. Rostov-na-Donu: [b. i.], 1970. 34 s.
2. Markuze G. Individ v velikom obshchestve [The Individual in the “Great Society”] // Kriticheskaya teoriya obshchestva. Moskva: AST: Astrel', 2011. S. 59–71.
3. Spenser G. Amerikancy [Americans] // Politicheskie sochineniya: v 5 t. T. 4: Politicheskie opyty. Moskva; Chelyabinsk: Socium, 2015. S. 348–368.
4. Kalinin I. A. Smekh kak trud i smekh kak tovar (stahanovskoe dvizhenie i kapitalisticheskij konvejer) [Laughter as a Labor and Laughter as a Commodity (Stakhanovite Movement and Capitalist Assembly Line)] // Novoe literaturnoe obozrenie. 2013. № 3 (121). S. 113–129.
5. Dokuchaev I. I. Proekt dosuga cheloveka v ideologicheskoy modeli sovetskogo obshchestva (1920-1930-e gg.) [Leisure Project and in the Ideological Model of Soviet Society] // Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo. 2020. № 1–2 (105–106). T. 22. S. 74–88.
6. Programma kommunisticheskoy partii Sovetskogo Soyuza [Program of the Communist Party of the Soviet Union]. Moskva: Gospolitizdat, 1961. 144 s.
7. Sovetskij obraz zhizni: sodержanie, struktura, dinamika [Soviet Way of Life: Content, Structure, Dynamics]. Minsk: Nauka i tekhnika, 1980. 287 s.
8. Kravchenko A. I. Trud kak pervaya zhiznennaya potrebnost': vymysel i Pravda [Work as the First Vital Necessity: Fiction and Truth] // Sociologiya. 2020. № 3. S. 98–126.
9. Sinicyn V. G. Eto i est' sovetskaya zhizn' [This is a soviet life]. Moskva: Mysl', 1971. 381 s.
10. Kas'yanenko V. I. Sovetskij obraz zhizni: istoriya i sovremennost' [Soviet way of life: history and modernity]. Moskva: [b.i.], 1985. 167 s.
11. Ermakov V. YA. Sovetskij obraz zhizni [Soviet Way of Life]. Tula: [b.i.], 1985. 127 s.
12. Sinicyn V. G. Sovetskij obraz zhizni [Soviet Way of Life]. Moskva: [b.i.], 1969. 224 s.
13. Piskunov M. O., Rakov T. N. Kommunisticheskij trud? Subbotnik mezhdru pozdnesovetskim ritualom i ekologicheskoy praktikoj [Comunist Labor: Subbotnik between Late Soviet Ritual and Ecological Practice] // Vestnik Surgutskogo

gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2020. № 6 (69). S. 113–120.
14. Paskal' B. Mysli [Thoughts]. Moskva: Izd-vo imeni Sabashnikovyh, 1995. 480 s.

Volodin Andrey Nickolaevich – candidate of Culturology, Associate Professor of the Department of culturology and socio-cultural design department of the Institute of Media Communications, Media Technology and Design V. I. Vernadsky Crimean Federal University, (Simferopol)

E-mail: stburah@gmail.com

Kuramshina Julia Vladimirovna – candidate of Culturology, Associate Professor of the Department of culturology and socio-cultural design department of the Institute of Media Communications, Media Technology and Design V. I. Vernadsky Crimean Federal University, (Simferopol)

E-mail: jvt79@rambler.ru

УДК 304.2

БРЕНД КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНОГО СТАТУСА ГОРОДА

Храпова В. А., Комова В. А.

Аннотация: Предмет данного исследования – бренд как ведущая стратегия социально-экономического и культурного развития города в условиях современной социальной трансформации. Авторы рассматривают предпосылки возникновения, алгоритм создания бренда, а также стратегию его продвижения делая вывод о том, что современный бренд – ключевая составляющая современной культуры, ее ответ на цивилизационный вызов. Выполняя функции социализации, идентификации, индивидуализации бренд оказывает существенное влияние на онтологические состояния субъектов культурного творчества, отношения между ними, формирует дискурсивное пространство, в котором осуществляются жизненно важные выборы, принимаются значимые решения. Культуротворческий потенциал территориальных брендов, по мнению авторов, заключается в закодированных в них смыслах, фиксирующих знание об органичной связи человека, природы и общества. Бренд способствует укреплению социокультурной специфики города, поддерживая его культурный статус, раскрывая роль и значение в жизни региона, страны, мира. Его назначение – быть механизмом осознанного конструирования социокультурного пространства через утверждение культурных статусов.

Ключевые слова: бренд, культура, культурный статус, субъект культурного творчества.

В эпоху глобализации и трансформации общества культурные индустрии перестают быть средством бизнеса развлечений. Оказавшись в условиях перманентных экономических кризисов и сложнейших социальных противоречий, воспитанный массовой культурой в пространстве компьютерных сетей и интерактивных технологий потребитель превращается в самодостаточную личность, владеющую критическим мышлением, с достаточно развитой интуицией, усилившимися перцептивными способностями. Современный человек становится активным участником культурного воспроизводства массового масштаба, а значит, субъектом культурного творчества.

Одной из наиболее ярких форм современной культурной индустрии, совмещающей в себе экономические, социокультурные и ценностно-эстетические аспекты является брендинг. Бренд – это товарный знак, предназначенный для идентификации товаров или услуг определённого продавца или группы продавцов, а также для отличия своих товаров или услуг от товаров или услуг конкурентов [1, с. 11]. В отличие от рекламного образа, формируемого посредством наделения позитивными

характеристиками стандартного набора параметров, бренд всегда уникален, связан с конкретными явлениями, событиями, объектами. «Брендинг призван выявить то, что присуще только данному месту или народу, отличает его как визитную карточку, как неповторимое лицо, несопоставимое с другими» [2, с. 89].

Бренд – не простое средство идентификации товара. Это показатель успеха его создателя, история его побед, за которыми стоят определенные знания, жизненные приоритеты, цели, ценности. Благодаря им и появился продукт, ставший доминантой потребления. Если «в доиндустриальную эпоху бренд рассказывал о неповторимости творца вещи, сегодня он повествует и о владельце вещи, указывая на индивидуальные особенности его мыслей, образа жизни, предпочтений, желаний» [3, с. 105]. Наши современники «кочуют» по брендам, не следуя моде, а осуществляя интуитивный или сознательный поиск того, что соответствовало бы их индивидуальности. Информационная доступность, возможность получить любое знание о товаре приводит к рациональному выбору. Наличествуя в репрезентативном пространстве, бренды неявным образом участвуют в формировании сознания человека-потребителя, в конструировании мира его ценностей и предпочтений. Настоящее потребителя, его выбор – одна из форм самоутверждения, влияющего на его конкурентоспособность, востребованность в профессиональной сфере, социальных связях, межличностных отношениях. Выбирая определенные продукты, мы создаем свою повседневность и влияем на формирование социальной реальности.

Как отмечает в своих исследованиях Ю.А. Запесоцкий, «в постиндустриальном обществе производство и потребление брендов становятся сферой социально-культурных коммуникаций, далеко выходящей за пределы маркетинга и постепенно теряющей свою связь с системой производства. В постиндустриальном обществе бренд не желает больше оставаться коннотацией товара, его не устраивает функция знаково-символической упаковки услуг – он активно входит в пространство культуры, становится ее творческой субстанцией» [4, с. 295].

Важным фактором современного социального развития становится брендинг городов – центров инновационного развития, оказывающих воздействие на окружающие регионы.

Общая тенденция цивилизационного развития – глобализация – привела к появлению городов-мегаполисов, жизнь в которых стандартизирована одинаковыми производственными технологиями, условиями рыночной экономики, влиянием массовой культуры. Небольшие города, вовлеченные в процессы цивилизационного масштаба, утрачивают свою геополитическую роль, культурную специфику, экономическую стабильность. Все это разрушает социокультурное пространство, нарушает культурное многообразие, снижает способность человека и общества вырабатывать информацию, обеспечивающую эволюционные возможности. Между тем в сознании человека город предстает как целостность, пространство смыслов, ценностей, раскрывающихся в повседневном опыте. Эта целостность находит выражение в таких концептах как «образ города», «душа города», обладающих уникальным семантическим наполнением,

объединяющим всех участников городской жизни. Город – это культурный феномен с определенными ролями и функциями. Многие авторы, исследующие технологии создания бренда, обращали внимание на то, что именно культурные особенности (архитектура, история, яркие образы, интересные люди, традиции, события), раскрывающие уникальность места, являются ключевыми маркерами, обеспечивающими эффективность стратегии брендинга городов.

Государственные лидеры сегодня вынуждены «продавать уникальность» городов и других территориальных образований с тем, чтобы обеспечить возможность их существования. Бренд выделяет культурные особенности мест, подчеркивая их значение в жизни и деятельности социума, а если этих особенностей нет, способствует вовлечению широкого круга людей в процесс их производства способствуя укреплению территориальной идентичности и восполняя целостность социокультурного пространства.

Эффективная презентация уникальных черт локальных пространств делает их привлекательными для инвестиций, способствуя экономическому и культурному росту. Быстро изменяющиеся тенденции в социально-экономической жизни, растущая конкуренция среди региональных общностей определяют важность стратегического планирования в административном управлении. Брендинг территории, включающее в себя разработку удачного языкового конструкта, раскрывающего цель и миссию региона с учетом его перспективной специфики, а также территориальный маркетинг, способствующий максимальному распространению информации о регионе, является важнейшим условием его реализации.

Л.В. Щеглова и А.И. Шипицин определяют бренд города как ценностно-смысловую конструкцию, своеобразную систему знаков и образов, задающую схемы восприятия города с опорой на наиболее значимые и уникальные характеристики и предметы места. А сам брендинг – как процесс эффективной репрезентации внутренних представлений о территории во внешнюю среду, что является важнейшим условием его успешного «поиска» и конструирования [5, с.139].

С.Д. Бакулиной проведена большая работа по изучению культурного брендинга как стратегии развития региона в условиях социальных и культурных трансформаций. Автор трактует культурный бренд как «образ места, который сложился на основе знаковых культурно-исторических событий, определяющих исключительность территории (этнических, конфессиональных, художественных, политических, исторических, образовательных и пр.); реализуется в социокультурных направлениях развития региона, определяя его сущность в пространстве государства» [6, с. 90]. Брендинг города представляет собой комплекс мер, предпринимаемых городскими властями и другими заинтересованными субъектами, направленный на выявление, осмысление, обоснование и продвижение определённых отличий с целью повышения конкурентоспособности города. Правильно выстроенный культурный бренд является идентификационным ресурсом региона, позволяющим административным кругам, представителям бизнеса, науки, образования выстраивать эффективную работу с такими целевыми группами, как инвесторы,

туристы, население [6].

В своих исследованиях автор предлагает алгоритм создания бренда с четким обоснованием каждого этапа. Отправной точкой в брендировании места становится изучение территориальной идентичности. В этот процесс должны быть вовлечены представители власти, бизнеса, профессиональных и субкультурных сообществ. Территориальная идентичность – чувство общности, возникающее на основе понимания тех смыслов, образов и концептов, в семантике которых закладываются представления о взаимосвязи человека, общества и территории [7, с. 106]. Это понимание уникальности, различия, сопричастности, которое раскрывается через переживания, доступные только проживающим в данной местности. Разработка бренда города начинается с поиска и выделения его отличий, позволяющих сформулировать цели, миссию, ценности, основную тему, характеризующую место. Эти отличия должны быть не просто уникальными, но и позитивными, отражать лучшие стороны жизни данной территории, консолидируя вокруг себя ее жителей. В результате успешного брендирования качества материальных объектов (утилитарные, эстетические) трансформируются в духовные состояния. Если целенаправленно не заниматься разработкой и продвижением позитивного бренда города, то в сознании местных жителей и гостей отношение к нему сформируется стихийно естественным образом, но негативную репутацию и образ сложнее изменить в будущем. Позитивная идентификация региона, в первую очередь, связана с умением сделать нужные акценты на природных, экологических, исторических, социально-экономических, культурных и других особенностях. Наиболее яркие ценностно-смысловые маркеры должны порождать устойчивые ассоциации с местом, но они не должны быть «навязаны» сверху и зависимы от конъюнктурных интересов.

Успех современного геобрендинга зависит от правильно выбранной концепции, аккумулирующей в себе ключевые преимущества региона. «Бренд территорий – это, в первую очередь, сильная идея, удачно подмеченная и оформленная идентичность места, основанная на ожиданиях, ощущениях, опыте» [8, с. 17], «набор уникальных, сильных и позитивных ассоциаций, которые возникают в сознании потребителей, добавляя ценность товару или услуге» [9, с. 152]. Основная сложность реализации этого этапа состоит в том, что из неявных и неартикулированных представлений горожан требуется эксплицировать четкий и понятный образ территории, содержащий актуальные идеи и смыслы. Определение и согласование атрибутов, описывающих уникальный характер места, должно осуществляться в ходе общественной дискуссии с вовлечением всех заинтересованных сторон и отличаться непредвзятостью, оригинальностью, комплексным подходом [5].

Помимо разработки бренда, важно продумать инструменты и способы его продвижения и поддержки. На этом этапе также большое значение имеет осознание жителями города необходимости новой самопрезентации, поддержка населением проектов конструирования новой идентичности. Этого можно достичь развитием современной городской инфраструктуры, способствующей созданию благоприятного социально-психологического климата и осознанию ценности неповторимой атмосферы

данного места. Бренд – это последовательный набор функциональных и эмоциональных обещаний целевому потребителю, которые являются уникальными, значимыми и лучше отвечают его потребностям.

В условиях социальной трансформации культурный бренд способен выступить механизмом формирования региональной идентичности и консолидации населения через осознанное принятие социумом идеи исключительности определенного локального пространства. Обретение городом уникальной идентичности с известными и понятными отличиями способствует усилению его репутационного влияния, улучшению социально-психологического самочувствия жителей, культивации у них чувства гордости, уверенности, комфорта. Эффектом сильного бренда может стать повествование города всему миру о своей специализации, истории, компетенциях, ресурсах, миссии. То есть правильно выстроенная стратегия брендинга способствует как формированию региональной идентичности, так и интеграции региона в мировое сообщество в качестве уникальной геофизической, социально-экономической и культурной единицы.

Таким образом, брендинг как стратегия, технология включает в себя 1) репродуктивный этап – сбор, обобщение и анализ эпистемологических данных; 2) этап продуктивный, предполагающий ауторефлексию и выработку стратегии, включающую определение направлений развития; 3) медиатизацию продукта. В условиях развития информационных технологий и распространения социальных сетей «продающий текст» приобретает новое качество: всегда линейный, направленный на потенциального покупателя, не предусматривающий обратной связи, он становится реверсивным. В социальных сетях объект не просто рекламируется – он обсуждается, обсуждается и продающий его продукт. Важной особенностью бренда является наличие какой-то истории, какого-то мифа, знания, имеющего значение для человека [3]. Как известно, в наше время история поглощается конъюнктурой, политикой, однако для бренда история становится творческим ресурсом, истоком, фундаментом. Чем богаче история бренда, тем крепче его позиции на рынке товаров и услуг. Богатое прошлое товара является гарантом его высокого качества и уникальности свойств. Имея такое прошлое, бренд эволюционирует и привлекает внимание людей различных возрастов. История бренда связывает поколения. Как культурная форма бренд находится под непрерывным воздействием исторической селекции, которая предполагает, прежде всего, отбор наиболее приемлемых способов удовлетворения тех или иных запросов социума. Он транслирует форму, модель деятельности, ценностную модель, которая востребована в определенный момент, в конкретных социокультурных условиях. Адекватное смысловое прочтение бренда как культурной формы может быть осуществлено только в естественном для него культурном контексте, но устойчивые черты бренда могут иметь разное содержательное наполнение, зависящее как от личности создателя бренда, так и от запросов его потребителя.

Современные цивилизационные процессы, обусловленные цифровизацией, технологизацией, глобализацией, порождают онтологическую ситуацию, когда человек включен в коммуникацию (находится в состоянии осознанного переживания,

а не пассивного восприятия и автоматического реагирования), реалистично ощущает меру ответственности, способен проективно мыслить и вырабатывать параметры жизнедеятельности. Как отметил Запесоцкий, специфическая семиосфера брендов – самостоятельная отрасль культурной практики, в которой заняты высокоинтеллектуальные и творческие личности – специалисты в области брендинга, которые становятся «полноправными субъектами культурной политики, меняющими облик этого мира)» [4, с.296].

Бренд превращается в культурный феномен и становится субъектом культурной жизни, оказывающим активное влияние на онтологические состояния субъектов, отношения между ними, деятельностные и коммуникативные связи. В семиотической структуре территориальных брендов закодированы жизнесохраняющие смыслы, исходящие из предпосылочного знания об органичной связи человека, природы и общества, их взаимозависимости. Брендинг городов – это комплекс мер, объединяющих разные слои населения обретающие общие цели и смыслы и создающие оптимизированное пространство, органично включающееся в целостность глобального масштаба. Бренд способствует укреплению социокультурной специфики города, поддерживая его культурный статус, раскрывая роль и значение в жизни региона, страны, мира. Его назначение в условиях современной социальной трансформации быть механизмом осознанного конструирования социокультурного пространства через утверждение культурных статусов.

Таким образом, бренд – важнейший компонент культурной индустрии, участвующий в формировании социокультурного пространства разного масштаба.

Список литературы

1. Котлер Ф. и др. Основы маркетинга. СПб.: Питер, 2017.
2. Гуцалов А. А. Культурный бренд и брендинг территории // Культурное наследие России, 2018. №3. С 86–92.
3. Невелева В. С., Милыева В. Г., Дыдров А. А., Соломко Д. В. Феномен бренда: философско-антропологическая интерпретация // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение, вопросы теории и практики, 2017. №10–2 (84). С. 105–109.
4. Запесоцкий Ю. А. Бренд как фактор межкультурной коммуникации» // Диалог культур и партнерство цивилизаций: XIV Международные Лихачевские науч. Чтения. СПб.: СПбГУП, 2014. С.295–297.
5. Шипицин А. И. Щеглова Л. В. Культурный брендинг Волгограда: условия и проблемы // Каспийский регион, 2017. № 4 (53). С.137–145.
6. Бакулина С. Д. Культурных брендинг как стратегия трансляции культурной памяти и механизм формирования региональной идентичности // Вестник сургутского государственного педагогического университета, 2013. .№ 6 (27). С.89–94.

7. Федотова Н. Г. Территориальная идентичность как символический ресурс региона // Вестник Новгородского государственного университета, 2015. № 7 (90), С.105–108.
8. Кукина Е. Н. Брендинг территорий: сущность и принципы разработки // Известия волгоградского технического университета, 2011. № 4 (77). С.204–209.
9. Шапкина Ю. В. Бренд территории: некоторые результаты терминологического анализа // Социально-экономические явления и процессы, 2012. 5–6 (39–40). С.152–155.

Сведения об авторах

Храпова Виктория Анатольевна – д-р филос. наук доцент, профессор кафедры философии и теории права, Волгоградского государственного университета, г. Волгоград.

Email: hrapova-v@mail.ru

Комова Валентина Александровна – соискатель кафедры философии и теории права, Волгоградского государственного университета, г. Волгоград.

Email: yakomova2010@yandex.ru

Khrapova V. A., Komova V. A.

BRAND AS A WAY OF FORMING THE CULTURAL STATUS OF THE CITY

Annotation: *The subject of this research is the brand as the leading strategy of socio-economic and cultural development of the city in the conditions of modern social transformation. The authors consider the prerequisites for the emergence, the algorithm of brand creation, as well as the strategy of its promotion, concluding that a modern brand is a key component of modern culture, its response to the civilizational challenge. Performing the functions of socialization, identification, individualization, the brand has a significant impact on the ontological states of the subjects of cultural creativity, the relations between them, forms a discursive space in which vital choices are made, significant decisions are made. The cultural potential of territorial brands, according to the authors, lies in the meanings encoded in them, fixing knowledge about the organic connection of man, nature and society. The brand contributes to strengthening the socio-cultural specifics of the city, maintaining its cultural status, revealing its role and significance in the life of the region, country, and the world. Its purpose is to be a mechanism for the conscious construction of socio-cultural space through the approval of cultural statuses.*

Keywords: *brand, culture, cultural status, subject of cultural creativity.*

References

1. Kotler F. i dr. Osnovy marketinga [Basics of Marketing] Spb.: Piter, 2017.
2. Gucalov A. A. Kul'turnyj brend i brending territorii [Cultural brand and branding of the territory] // Kul'turnoe nasledie Rossii, 2018. №3. P. 86–92.
3. Neveleva V. S., Milyaeva V. G., Dydrov A. A., Solomko D. V. Fenomen brenda: filosofsko-antropologicheskaya interpretaciya [Brand phenomenon: philosophical and anthropological interpretation] // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya ti iskusstvovedenie, voprosy teorii i praktiki, 2017. №10-2 (84). P. 105–109.
4. Zapesockij YU. A. Brend kak faktor mezhkul'turnoj kommunikacii [Brand as a factor of intercultural communication] // Dialog kul'tur i partnerstvo civilizacij: XIV Mezhdunarodnye Lihachevskie nauch. CHteniya. SPb.: SPbGUP, 2014. S.295–297.
5. Shipicin A. I. Sheglova L. V. Kul'turnyj brending Volgograda: usloviya i problem [Cultural branding of Volgograd: conditions and problems] // Kaspijskij region, 2017. № 4 (53). P.137–145.
6. Bakulina S. D. Kul'turnyh brending kak strategiya translyacii kul'turnoj pamyati i mekhanizm formirovaniya regional'noj identichnosti [Cultural branding as a strategy for the translation of cultural memory and a mechanism for the formation of regional identity] // Vestnik surgut'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2013. № 6 (27). P.89–94.
7. Fedotova N. G. Territorial'naya identichnost' kak simbolicheskij resurs regiona [Territorial identity as a symbolic resource of the region]// Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta, 2015. № 7 (90), P.105–108.
8. Kukina E. N. Brending territorij: sushchnost' i principy razrabotki [Branding of territories: the essence and principles of development] // Izvestiya volgogradskogo tekhnicheskogo universiteta, 2011. № 4 (77). P.204–209.
9. Shapkina YU. V. Brend territorii: nekotorye rezul'taty terminologicheskogo analiza [Brand of the territory: some results of terminological analysis] // Social'no-ekonomicheskie yavleniya i process, 2012. № 5–6 (39–40). P.152–155.

Khrapova Viktoria Anatolevna – Doctor of Philosophy Professor, the department of Philosophy. Volgograd State University, Volgograd.

Email: hrapova-v@mail.ru

Komova Valentina – Aleksandrovna Postgraduate Student, Department of Philosophy and Theory of Law, Volgograd State University, Volgograd.

Email: vakomova2010@yandex.ru

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 32.019.52

СИСТЕМА АВТОМАТИЗИРОВАННОГО МОНИТОРИНГА ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНТЕРНЕТ-МЕМОВ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ¹

Габриелян О. А., Гаспарян М. В.

Аннотация: Современное состояние развития ИТ позволяет говорить о формировании нового типа общества информационного и цифрового одновременно. Центральную роль в его становлении сыграли виртуальные коммуникации, в основе которых заложены технические и программные средства. Новые каналы виртуальной коммуникации значительно превосходят естественную коммуникацию по объему передаваемой информации, что существенным образом влияет на степень социализации и ориентации человека в современном мире. Важным феноменом, воплощающим особенности информационных, виртуальных коммуникационных процессов XXI-го века, являются интернет-мемы. В виртуальном пространстве они приобретают серьезный потенциал воздействия на формирование общественного мнения. Целью работы стало создание системы автоматизированного мониторинга влияния политических интернет-мемов в социальных сетях на русскоязычный сегмент Интернета. Для достижения поставленной цели было операционализировано понятие интернет-мем (выделены признаки и сформированы критерии отбора).

В работе представлено описание и результаты работы прототипа мониторинга – программный комплекс Мемометрикс. Собираемые программным комплексом данные позволяют делать выводы о том:

- какой из фактов социально-политической реальности находит больший резонанс в виртуальном пространстве;
- как коррелирует изменяющаяся социально-политическая повестка дня в реальном пространстве с ее отражением в виртуальном пространстве;
- являются ли интернет-мемы следствием социальной рефлексии – интернет-фольклора или представляют собой «вбросы» политической технологии.

Ключевые слова: интернет-мем, политический интернет-мем, социальная сеть, программный продукт, политический процесс, коммуникация, мониторинг.

Интернет-мем стал важным феноменом информационных и виртуальных процессов XXI века, особым маркером в новой коммуникационной среде. Как известно, поня-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, программа «Приоритет-2030» № 075-15-2021-1323.

тие «мем» было введено в научный оборот биологом-эволюционистом Ричардом Докинзом. Анализируя биологическую эволюцию, он пришел к выводу о том, что основным её двигателем является ген-репликатор. Репликация (от позднелат. *replicatio* – повторение) – процесс самовоспроизведения макромолекул нуклеиновых кислот, обеспечивающий точное копирование генетической информации и передачу её от поколения к поколению [1]. Докинзом впервые была предложена идея рассмотрения концепции репликатора в приложении к социокультурным процессам и определении базового механизма передачи информации: «точно также, как гены распространяются в генофонде, переходя из одного тела в другое с помощью сперматозоидов или яйцеклеток, мемы распространяются в том же смысле, переходя из одного мозга в другой с помощью процесса, который в широком смысле можно назвать имитацией» [2]. В его понимании за передачу единицы культурной информации, передаваемой от человека к человеку посредством имитации, отвечает мем.

Однако, многообещающая аналогия, подхваченная исследователями, быстро исчерпала свою новизну и эвристический потенциал. Нужен был новый методологический прорыв. В тоже время следует отметить тот факт, что понятие «интернет-мем» активно вошло в повседневное использование, тем самым ослабив свою научную сущность. Под интернет-мемом, стали понимать информацию, представленную в различной медиаформе в коммуникационной среде, обладающую силой эмоционального воздействия и спонтанно приобретающую популярность в Интернете. Эти мемы стали настолько популярны, что в прикладном плане ими уже занимаются практики коммуникации, маркетинга и SMM-специалисты.

Имея вирусную природу распространения, интернет-мем не только «инфицирует» коммуникантов, но и меняет их сознание, ментальные установки и поведение. Это связано, прежде всего, с формой презентации мема (яркая и запоминающаяся «упаковка»), так и с эмоциональным воздействием, практически обращенным больше к чувственному, а не логическому восприятию. Вот почему интернет-мем обращен к коллективному бессознательному (архетипам, культурным кодам) и представляет собой новую форму смеховой культуры. «Рунет захлестнула эпидемия «клипового мышления»: внимание пользователя стало фрагментарным, неустойчивым. Средний пользователь не удерживает фокус внимания, не может воспринимать длинные тексты. Никто не смотрит длинных роликов. Контент должен быть мелко гранулированным, легкоусвояемым, читаться наискось, состоять из привычных образов, «мемов» и архетипов» [3].

Задавая теоретико-методологический каркас исследованию феномена интернет-мема и обеспечивая его механизмом автоматизированной системы мониторинга влияния интернет-мемов в социальных сетях, в качестве предметной области мы выделяем политическую сферу.

В рамках современной политической науки уже сформировался значительный, как теоретический, так и практический массив знаний в отношении феномена «политический интернет-мем». В своих суждениях о них исследователи задают диапазон представлений – от элемента цифровой культуры [4–6] до понимания его как формы

социально-политического участия [7–9]. Значительный пласт составляют работы, исследующие заявленную проблему с позиции электоральной коммуникации [10–12].

В работах отечественных исследователей нашли свое отражение как общие подходы к рассмотрению интернет-мема как социокультурного феномена [13–21], так и более узкие, рассматривающие интернет-мем непосредственно в контексте политических процессов [22–25].

В качестве примера доминирующего похода в понимании интернет-мема и его производной – политического интернет-мема – в отечественном научном дискурсе, рассмотрим следующие определения: «интернет-мем – короткий фрагмент информации (слово или фраза, изображение и т.п.), мгновенно и неожиданно ставший модным и активно воспроизводящийся в интернете, в том числе в новых контекстах или ситуациях» [26, с. 200]. Что касается непосредственно политических интернет-мемов, то они определяются как: «отдельные сообщения в новых медиа, представляющие собой реакцию на то или иное политическое событие, обладающие различной семиотической природой (визуальной, аудиальной, вербальной), отличающиеся броскостью содержания и «упаковки», подвергающиеся многочисленному копированию пользователями и спонтанно распространяющиеся в сети» [24].

Политический интернет-мем в виртуальном пространстве приобретает серьезный потенциал воздействия на формирование общественного мнения, направленного, прежде всего, на власть – его легитимацию или делигитимацию.

Протекающие в этом пространстве политические процессы по своим последствиям имеют не меньшее воздействие на политику, чем взаимодействие политических субъектов в реальном пространстве.

Важно понимать, кто выступает субъектом политического процесса в виртуальном пространстве, каковы его цели, технологии создания и распространения политических мемов, воздействия на русскоязычный сегмент Интернета. «Наблюдения за политическим интернет-мемом заставляют предположить в нем не только творческий выброс энергии сетевого пользователя, но и реальный идеологический, пропагандистский инструмент, осознанную технологию политического влияния» [25, с. 158].

Мемы вне зависимости от тематической направленности обладают рядом общих характеристик. Тематический мем, например, политический, добавляет свои дополнительные характеристики.

Однако по тому с какими результатами мы имеем дело, видно, что в представленных подходах много от эмпирического обобщения и недостаточно строгости научного анализа, теоретического осмысления. В частности, нет даже более или менее приемлемого операционального определения интернет-мема. На наш взгляд, нужен переход на уровень конкретно-научных исследований на концептуально иной методологической базе.

В качестве отправной точки для анализа следует взять утверждение о том, что интернет-мем обладает своей специфической формой и каналом распространения. Чтобы уйти от общих рассуждений об интернет-мемах, следует операционализировать как само понятие «специфическая форма», так и «канал распространения».

Мы будем придерживаться следующего (узкого) рабочего определения: интернет-мем – это способ когнитивной коммуникации, представленный в форме визуального объекта (изображение + текст), посредством которого осуществляется процесс распространения определенной социальной информации. Характерным для интернет-мема является способность к репликации (частое копирование в течении определенного времени). Интернет-мем – это визуализированное высказывание. В широком смысле каналом распространения интернет-мемов является Интернет. В случае нашего исследования – социальные сети в Интернете.

Выбор социальных сетей как основного канала распространения интернет-мемов обусловлен рядом объективных факторов. Во-первых, социальные сети лидеры среди ресурсов, потребляемых в Интернете с долей 22% в день. В соцсетях пользователи от 12 до 64 лет проводят в среднем 52 минуты. Во-вторых, структура пользователей крупных социальных сетей в полной мере отражает половозрастную структуру реального общества. В-третьих, они обладают генерирующим потенциалом. Так по данным ежегодного исследования активной аудитории социальных сетей в России, в октябре 2021 года 66,4 млн. активных пользователей социальных сетей написали около 1,1 млрд сообщений. В день публикуется приблизительно 25 млн. изображений.²

Вводимое в рамках нашей работы определение интернет-мема позволяет формализовать, а, следовательно, и автоматизировать процедуру поиска и анализа его распространения в сети.

Логическая схема мониторинга интернет-мемов. Рассмотрим процедуру организации автоматизированной системы мониторинга интернет-мемов, реализуемого посредством разработанного коллективом авторов программного обеспечения (ПО) «Мемометрикс» (Memometrix). На рис. 1 представлена блок-схема этапов реализации ПО «Мемометрикс».

Подготовка исследовательского запроса для поисковой машины. Запрос состоит из двух частей. Первая часть, отражающая и определяющая предмет суждения (предикат запроса). В рамках данной работы предикат будет постоянным понятием – мем. Вторая часть имеет вариативный характер и отражает изучаемую область в структуре виртуальной коммуникации. Для получения результатов поиска, наиболее приближенных к содержанию запроса, фраза запроса помещается в кавычки («мем ...»).

Вторая часть запроса формируется на основании анализа двух источниковых баз. Первая представляет собой результат онто-семантического анализа гипертекста, сформированного из заголовков новостных сообщений общественно-политического характера за определенную единицу времени. Он представлен в форме семантической сети, что есть ни что иное, как совокупность графов. Осуществляя процедуру обхода графов по нисходящей степеней его вершин, получаем предварительный список запросов [27].

Вторая источниковая база представляет данные еженедельного социологического опроса «ФОМнибус» (Фонд Общественное Мнение). В частности, речь идет о массиве

2 Социальные сети в России: цифры и тренды, осень 2021 // Brand Analytics 2021 <https://brand-analytics.ru/blog/social-media-russia-2021>.

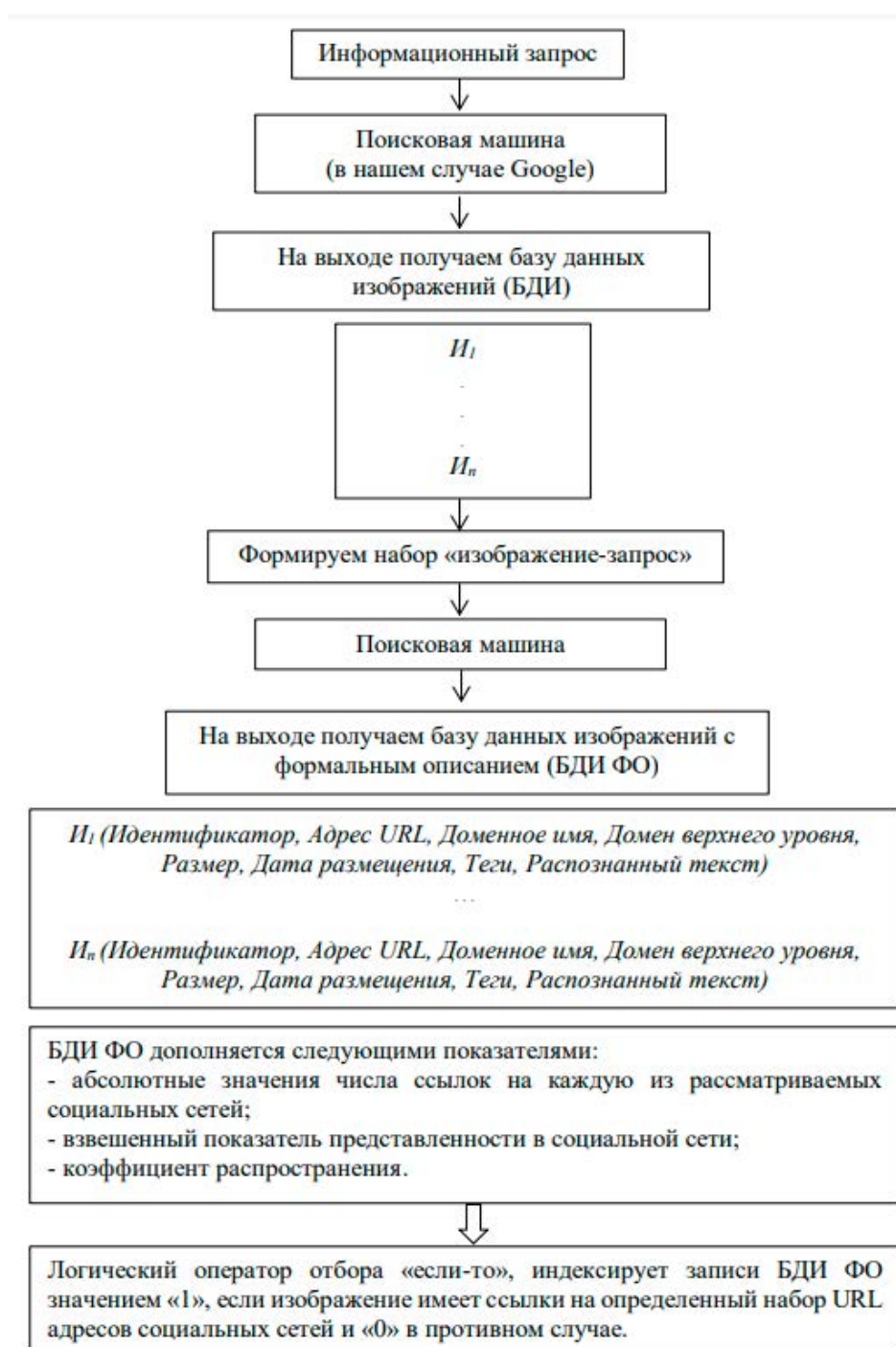

Рис. 1. Блок-схема этапов реализации интеллектуализированной системы мониторинга интернет-мемов

данных ответов респондентов на открытый вопрос «Какие события прошедшей недели, о которых сообщалось в средствах массовой информации, больше всего заинтересовали Вас, привлекли Ваше внимание?». Использование этого массива позволило уравновесить язык СМИ, дополнив «язык» запроса неформальным сленгом (повседневный язык). Это имеет существенное значение, так как предмет нашего исследования отчасти является продуктом народного (массового) творчества – интернет-фольклора.

Сформированные из двух источников баз запросы объединяются в единый массив исследовательских запросов.

Исследовательские запросы поступают на поисковую машину, по результатам работы которой, формируется набор изображений. Далее каждое изображение из сформированного набора поступает снова в поисковую машину, результатом работы которой является – набор ссылок URL адресов сайтов, на которых изображение размещено. Анализ этих ссылок ложится в основу формируемой базы данных изображений с формальным описанием (БДИ ФО).

Информация об изображении, которая хранится в базе данных:

- Идентификатор;
- Адрес URL;
- Доменное имя;
- Домен верхнего уровня;
- Размер;
- Дата размещения;
- Теги;
- Распознанный текст.

БДИ ФО дополняется следующими показателями:

- абсолютное значение числа ссылок на каждую из рассматриваемых социальных сетей;
- взвешенный показатель представленности в социальной сети; получается путем перемножения абсолютного значения числа ссылок на конкретную социальную сеть и весового коэффициента социальной сети (определяется как отношение числа авторов конкретной социальной сети к суммарному значению авторов, рассматриваемых социальных сетей);
- суммарное значение взвешенных показателей представленности в четырех отобранных социальных сетях;
- коэффициент распространения (отношение абсолютного числа доменных имен к абсолютному числу адресов URL).

В своей работе программа «Мемометрикс» обращается к поисковой машине Google, так как по ряду объективных характеристик этот поисковик обращается к наиболее полной базе изображений, а логика формирования запросов простая с позиции их формализации.

Из сформированной БДИ ФО по заданному критерию осуществляется выборка изображений. В качестве критерия рассматривается наличие ссылок на определенный набор социальных сетей, для изображений из базы. Выбор конкретного набора социальных сетей зависит от исследуемого сегмента пользователей Интернет (в частности,

странах). Как было отмечено выше, в рамках заявленного исследования рассматриваются четыре социальные сети, это обусловлено его предметным полем – «русскоязычный сегмент Интернет». Таким образом, изображением, имеющим ссылки на три или четыре социальные сети, приписывается статус – интернет-мем.

Дальнейший мониторинг (жизненного цикла, закона распространения) программа «Мемометрикс» осуществляет применительно к изображениям с присвоенным статусом интернет-мем.

В процессе исследования анализируются две группы статистики.

Первая отражает непосредственно поведение конкретного изображения, в частности:

- ранжирование интернет-мемов, с целью выявления наиболее актуальных;
- исследование динамики интернет-мемов (с возможным выявлением определенных законов их распространения);
- осуществление сравнительного анализа динамики появления и распространения интернет-мемов и актуализации проблематики запросов;
- формирование семантического ядра текстов и тегов, наиболее распространяемых интернет-мемов;
- определение ключевых образов в наиболее актуальных интернет-мемах;

Вторая группа отражает «информационный запрос» (сколько изображений получаем по запросу, его временной ряд, показатель прироста). На основе анализа статистики первой группы возможно построение интегральных показателей для описания информационного запроса.

С 23 ноября 2020 года программа начала работать в тестовом режиме. На этапе тестирования программа работала с запросами, сформированными за период с 01.03.2020 по 30.03.2020 и 01.10.2020 по 31.10.2020.

Согласно описанной выше процедуре и с учетом отмеченных периодов были сформированы следующие запросы: «Мем режим ЧС ввести Москва», «Мем коронавирусом новый случай заражение России», «Мем вирус из Китая», «Мем карантины в школах», «Мем Навальный отравление санкции», «Мем Киргизия протесты», «Мем Азербайджан Армения заявлять обстрел», «Мем Мишустин», «Мем рост цен, тарифов», «Мем рост зарплат и пенсий», «Мем Трамп».

На момент написания данной статьи программный комплекс работал в автоматическом режиме 13 недель. За этот период, по данному набору запросов было собрано 2578 изображений. На рисунке 2 представлен график отражающий динамику сбора изображений с шагом в одну неделю.

Как следует из графика со 2-й по 7-ю неделю, фиксировался нулевой прирост. С 7-й недели начинается резкий рост, который замедляется с 10 по 11 неделю и снижается до нуля с 12 недели.

Ограниченный период наблюдений и незначительный собранный массив данных не позволяет нам на данном этапе делать заключение о каких-либо закономерностях в наблюдаемом распределении. Ступенчатый характер графиков также требует своего объяснения на более длительном массиве наблюдений.

Усредненно доля интернет-мемов в общем количестве найденных изображений составляет 6,8%.

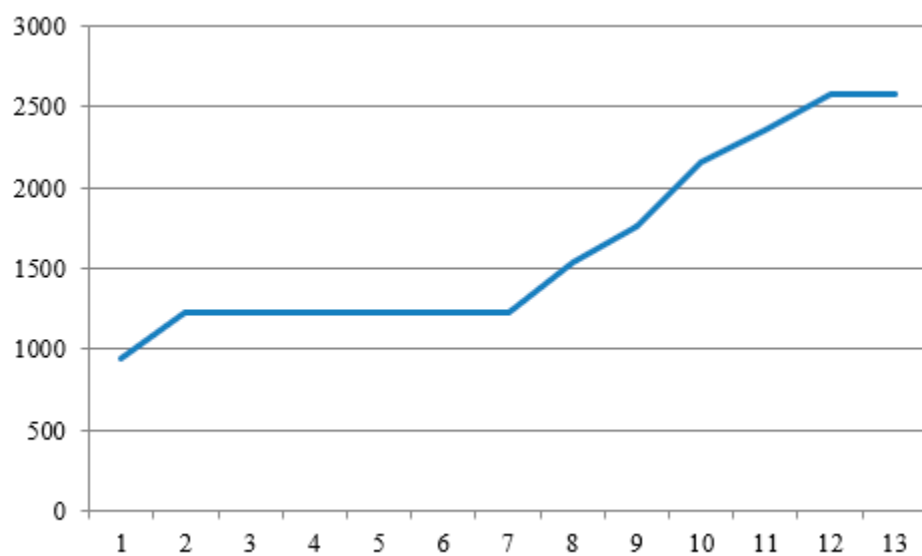

Рис. 2. Динамика сбора изображений программным комплексом «Мемотрикс»

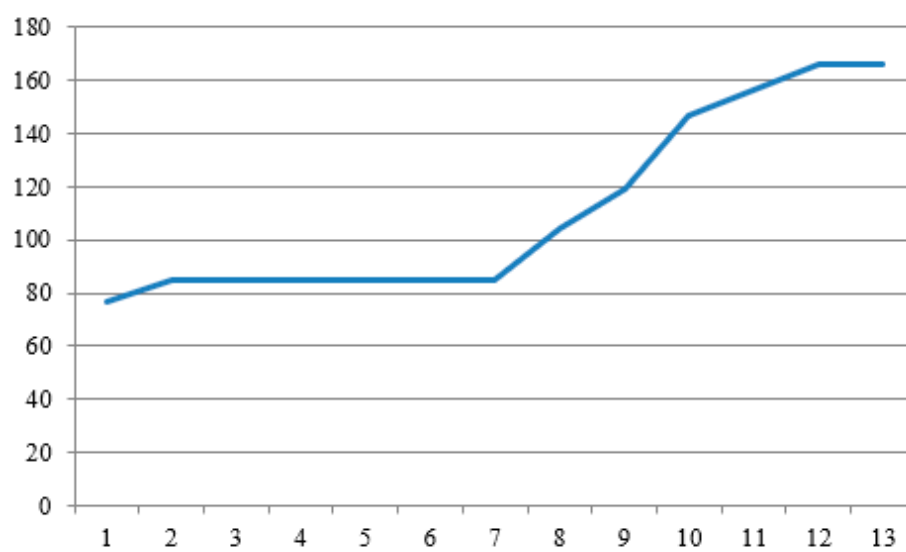

Рис. 3. Динамика представленности интернет-мемов в собираемом массиве изображений программным комплексом «Мемотрикс»

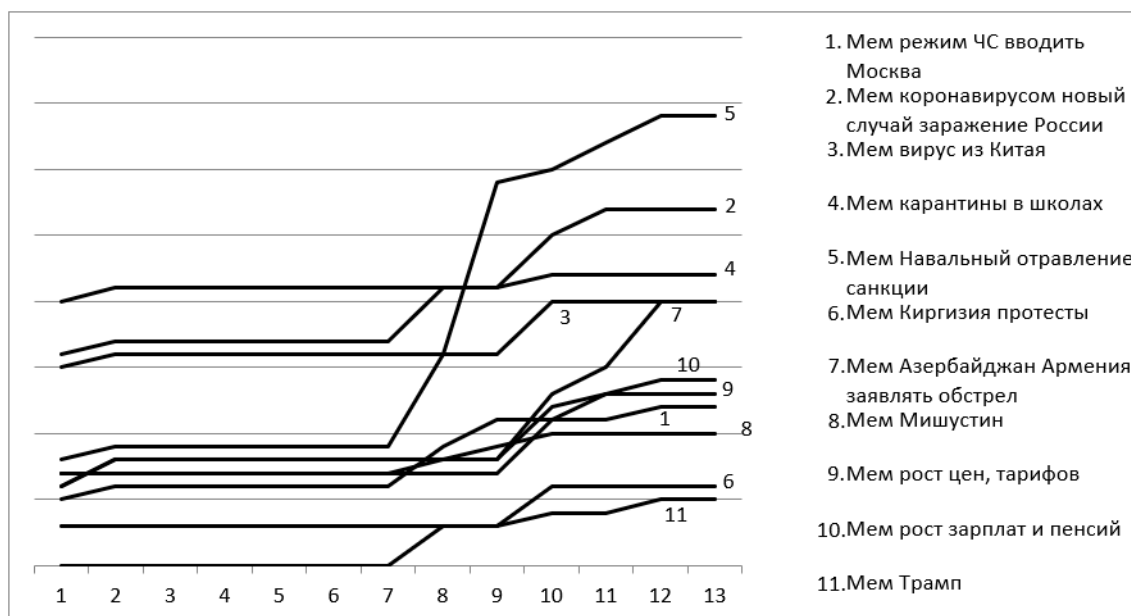

Рис. 4. Динамика изменения количества собираемых интернет-мемов, в разрезе конкретных поисковых запросов

По диаграмме, представленной на рис. 4, мы имеем возможность оценить: динамику конкретного поискового запроса (отражающего конкретную проблематику в рамках складывающейся социально-политической реальности), а также его вклад в общую картину проекции политической повестки дня в виртуальное пространство.

Собираемые данные позволяют говорить о влиянии интернет-мемов на виртуальное пространство (сообщество пользователей) российского сегмента Интернет.

Во-первых, анализ статистики интернет-мемов в контексте тематик запросов позволяет делать выводы о том, что из фактов социально-политической реальности находит больший резонанс в виртуальном пространстве. Собранные автоматизированным программным комплексом «Мемометрикс» данные представлены в таблице 1.

Данные представлены в обобщенном виде, функционал программного комплекса позволяет представлять запрашиваемую статистику на временной шкале с шагом в один день. Однако уже сейчас на основании данных, собранных программным комплексом в тестовом режиме, отчетливо просматриваются темы (запросы) получившие наибольшее распространение в сети Интернет и глубину проникновения в коммуникационную структуру социальных сетей.

Во-вторых, позволяет исследовать корреляцию изменяющейся социально-политической повестки дня в реальном пространстве и ее отражение в виртуальном пространстве. Это осуществляется посредством сопоставления изменяющейся структуры

Таблица 1

Данные статистик интернет-мема по поисковым запросам

Запрос	Количество интернет-мемов	Среднее значение представленности в социальных сетях	Среднее значение коэффициента распространения
Мем Навальный отравление санкции	34	76	0,3
Мем коронавирусом новый случай заражение России	27	36	0,4
Мем карантины в школах	22	125	0,2
Мем вирус из Китая	20	62	0,3
Мем Азербайджан Армения заявлять обстрел	20	30	0,4
Мем рост зарплат и пенсий	14	41	0,4
Мем рост цен, тарифов	13	46	0,2
Мем режим ЧС вводить Москва	12	63	0,4
Мем Мишустин	10	48	0,3
Мем Киргизия протесты	6	39	0,4
Мем Трамп	5	175	0,3

запросов, отражающих актуальную социально-политическую повестку со статистикой собираемых по запросам интернет-мемов.

В-третьих, исследование URL-адресов с которых появляются интернет-мемы позволяют делать выводы о том, являются ли они следствием социальной рефлексии – интернет-фольклора или представляют собой «вбросы» политической технологии, преследующие конкретные политические цели. В таблице 3 представлены домены и описание сайтов, на которых интернет-мемы появлялись первыми (в рамках исследуемого временного периода). В работе представлена выборка в объеме 10% от всей совокупности собранных интернет-мемов. В нее вошли интернет-мемы находящиеся слева от первого дециля. Массив интернет-мемов упорядочен по убыванию суммарного значения взвешенных показателей представленности в отобранных социальных сетях.

В заключение следует отметить, что собранный массив статистических данных и выявленные закономерности станут основой для автоматизированного и интеллектуализированного выявления «паттернов влияния» интернет-мемов на основе применения технологии искусственного интеллекта (Machine Learning, Deep Learning, Data Mining, глубоких сверточных нейронных сетей).

Исследовательская группа разработала логическую схему такого исследования и не видит принципиальной сложности в создании интегрального программного комплекса, который мог бы в автоматическом режиме не только формировать запросы, выявлять политические интернет-мемы, но их анализировать и выдавать результаты такого автоматизированного интеллектуализированного мониторинга без участия эксперта-аналитика в режиме реального времени. Все этапы от формирования запроса на базе гипертекста новостных заголовков, основных новостных платформ, до формирования аналитического заключения нейросетью будут интегрированы в единый программный продукт.

Список литературы

1. Биологический энциклопедический словарь / Гл. ред. М. С. Гиляров. М., «Сов. энциклопедия», 1989. 864 стр., илл. // [Электронная версия] Доступ: URL: https://enc.biblioclub.ru/Termin/1050492_Replikaciya (проверено 07.03.2021).
2. Докинз Р. Эгоистичный ген. 2013. М.: АСТ:CORPUS. 512 с.
3. Ашманов И. 2013 Короткая память. - Российская газета. 17.01. Доступ: <https://rg.ru/2013/01/17/ashmanov.html> (проверено 07.03.2021)
4. Davison P. 2009. The Language of Internet Memes. –The Social Media Reader. Ed. by M. Mandiberg. New York, London: New York University Press. P. 120–134.
5. Shifman L. 2014. Memes in Digital Culture. Massachusetts: MIT Press. 200 p.
6. Piata A. 2016. When Metaphor Becomes a Joke: Metaphor Journeys from Political Ads to Internet Memes. – Journal of Pragmatics. No. 106. P. 39-56. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2016.10.003>
7. Denisova A. 2019. Internet Memes and Society: Social, Cultural, and Political Contexts. New York: Taylor & Francis Group. 220 p.
8. Milner R. M. 2013. Pop Polyvocality: Internet Memes, Public participation, and the Occupy Wall Street Movement. – International Journal of Communication. Vol. 7. P. 2357-2390.
9. Plevrity V. 2014. Satirical User-Generated Memes as an Effective Source of Political Criticism, Extending Debate and Enhancing Civic Engagement. The University of Warwick. URL:<https://www.pdfFiller.com/jsfiller-desk14/?requestHash=2e09cb29f6ce999f26b1a686e2a5736b4e62a1644c722e6686670dbc266130e0&projectId=665481422#84b570b6b22cf2b00c9ff1a81ba33447> (accessed 07.03.2021).
10. Gambarato R., Komesu F. 2018. What Are You Laughing At? Former Brazilian President Dilma Rousseff's Internet Memes across Spreadable Media Contexts.

- Journal of Creative Communications. Vol. 13. No. 2. P. 85-103. <https://doi.org/10.1177/0973258618761405>
11. Graeff E. 2015. Binders Full of Election Memes: Participatory Culture Invades the 2012 U.S. Election. – Civic Media Project. URL: https://www.researchgate.net/publication/305432438_Binders_Full_of_Election_Memes_Participatory_Culture_Invades_the_2012_US_Election (accessed 07.03.2021).
 12. Ross A., Rivers D. 2017. Digital Cultures of Political Participation: Internet Memes and the Discursive Delegitimization of the 2016 U.S Presidential Candidates. – Discourse, Context & Media. Vol. 16. P. 1-11. <https://doi.org/10.1016/j.dcm.2017.01.001>
 13. Столетов А. Мемы: мифы и реальность. Электрон. текстовые дан.: <https://www.marketing.spb.ru/lib-around/socio/meme.htm>
 14. Кронгауз М. А. Мемы в Интернете: опыт деконструкции. // Наука и жизнь. – Электрон. журн. № 11. 2012. Доступ: https://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/431893/Memy_v_internete_opyt_dekonstruktsii (проверено 07.03.2021).
 15. Савицкая Т. Е. Интернет-мемы как феномен массовой культуры. Доступ: http://infoculture.rsl.ru/donArch/home/KVM_archive/articles/2013/03/2013-03_r_kvms3.pdf. (проверено 07.03.2021).
 16. Щурина Ю. В. Интернет-мемы как средство межкультурной коммуникации. // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2013. № 6 (81). С. 34-39.
 17. Вешнякова А. В. Лингвокреативный аспект интернет-мемов / А. В. Вешнякова // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – Электрон. журн. № 4. 2016.
 18. Зиновьева Н. А. Трансляция социокультурных кодов в создании информационного продукта: анализ интернет-мемов: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. соц. наук (22.00.06) / С.-Петерб. гос. ун-т. – Санкт-Петербург. 2016. 26 с.
 19. Канашина С. В. Что такое интернет-мем? / С. В. Канашина // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. - 2017. - № 28 (277) том 36. - С. 1-7.
 20. Лысенко Е. Н. Интернет-мемы в коммуникации молодежи. // Вестник СПбГУ. Социология. 2017. Т. 10. Вып. 4. С. 410–424.
 21. Шомова С. А. Мемы как они есть: учебное пособие / С. А. Шомова - М.: Аспект Пресс, 2019. – 136 с.
 22. Квят А. Г. Медиамем как инструмент политического PR: когнитивный подход // Медиаскоп. – Электрон. журн. №1. 2013. Доступ: <http://www.mediascope.ru/node/1254#12> (проверено 07.03.2021).
 23. Столяров А. А. 2014. Политические мемы эпохи “Фейсбук-революции” как способ конструирования медиареальности. – Медиаскоп. № 3. Доступ: <http://www.mediascope.ru/node/1590#13> (проверено 07.03.2019).
 24. Шомова С. А. 2015. Политический интернет-мем: сущность специфика, разновидности. – Бизнес. Общество. Власть. № 22. С. 28-41. Доступ: <https://www.hse>

- ru/mag/27364712/2015--22/148970323.html (проверено 07.03.2021).
25. Шомова С. А. Выборы президента РФ – 2018 в зеркале мемов: новые реалии политической коммуникативистики. – Полис. Политические исследования. 2019. № 3. С. 157-173. Доступ: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.03.10> (проверено 07.03.2021).
26. Словарь языка интернета.ru. 2016. Под ред. М. А. Кронгауза. М.: АСТ Пресс Книга. 288 с.
27. Габриелян О. А., Гаспарян М. В., Кравченко И. В. 2020. Объективированное формирование поискового запроса для интеллектуализированной системы мониторинга интернет-мемов // Дистанционные образовательные технологии: сборник трудов V Международной научно-практической конференции / отв. ред. В. Н. Таран. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ». – С. 204-207.

Сведения об авторах

Габриелян Олег Аршавирович - д-р филос. наук, профессор, г. Симферополь, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, профессор кафедры философии.
E-mail: gabroleg@mail.ru

Гаспарян Михаил Владимирович - кандидат политических наук, г. Симферополь, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, доцент кафедры журналистики и медиакommunikаций.
E-mail: mgasp@mail.ru

Gabrielian O. A., Gasparyan M. V.

SYSTEM FOR AUTOMATED MONITORING OF POLITICAL INTERNET MEMES ON SOCIAL MEDIA

Annotation: *The current state of IT development allows us to talk about the formation of a new type of society information and digital at the same time. The central role in its formation have played virtual communications, which are based on technical and software tools. New channels of virtual communication significantly surpass natural communication in terms of the amount of transmitted information, which significantly affects the degree of socialization and orientation of a person in the modern world. Internet memes are an important phenomenon that embodies the features of information, virtual communication processes of the 21st century. In the virtual space, memes acquire a serious potential for influencing on public opinion. The aim of the work is to create a system for automated monitoring of the influence of political Internet memes in social networks on the Russian-speaking segment of Internet. To achieve this goal, the concept of an Internet meme was operationalized (features were highlighted and selection criteria were formed).*

The paper presents the description and results of the work of prototype of monitoring - the

Memometrix software package. The data collected by the software package allows one to draw conclusions about:

- *which of the facts of socio-political reality finds the greatest resonance in the virtual space;*
- *how the changing socio-political agenda in real space correlates with its reflection in the virtual space;*
- *whether Internet memes are a consequence of social reflection - Internet folklore or are «stuffing» of political technology.*

Keywords: *Internet meme, political Internet meme, social network, software product, political process, communication, monitoring.*

References

1. Biologicheskiy entsiklopedicheskiy slovar [Biological encyclopedic dictionary] / Gl. red. M. S. Gilyarov. M.: «Sov. entsiklopediya». 1989. 864 str.. ill. // [Elektronnaya versiya] Rezhim dostupa: URL: https://enc.biblioclub.ru/Termin/1050492_Replikaciya
2. Dokinz R. 2013. Egoistichnyy gen [The Selfish Gene] M.: AST:CORPUS. 512 s.
3. Ashmanov I. 2013. Korotkaya pamyat'. [Short memory] - Rossiyskaya gazeta. 17.01. URL: <https://rg.ru/2013/01/17/ashmanov.html>
4. Davison P. 2009. The Language of Internet Memes. – The Social Media Reader. Ed. by M. Mandiberg. New York, London: New York University Press. P. 120–134.
5. Shifman L. 2014. Memes in Digital Culture. Massachusetts: MIT Press. 200 p.
6. Piata A. 2016. When Metaphor Becomes a Joke: Metaphor Journeys from Political Ads to Internet Memes. – Journal of Pragmatics. No. 106. P. 39-56. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2016.10.003>
7. Denisova A. 2019. Internet Memes and Society: Social, Cultural, and Political Contexts. New York: Taylor & Francis Group. 220 p.
8. Milner R. M. 2013. Pop Polyvocality: Internet Memes, Public participation, and the Occupy Wall Street Movement. – International Journal of Communication. Vol. 7. P. 2357-2390.
9. Plevrity V. 2014. Satirical User-Generated Memes as an Effective Source of Political Criticism, Extending Debate and Enhancing Civic Engagement. The University of Warwick. URL: <https://www.pdfFiller.com/jsfiller-desk14/?requestHash=2e09cb29f6ce999f26b1a686e2a5736b4e62a1644c722e6686670dbc266130e0&projectId=665481422#84b570b6b22cf2b00c9ff1a81ba33447>
10. Gambarato R., Komesu F. 2018. What Are You Laughing At? Former Brazilian President Dilma Rousseff's Internet Memes across Spreadable Media Contexts. – Journal of Creative Communications. Vol. 13. No. 2. P. 85-103. <https://doi.org/10.1177/0973258618761405>
11. Graeff E. 2015. Binders Full of Election Memes: Participatory Culture Invades the

- 2012 U.S. Election. – Civic Media Project. URL: https://www.researchgate.net/publication/305432438_Binders_Full_of_Election_Memes_Participatory_Culture_Invades_the_2012_US_Election
12. Ross A., Rivers D. 2017. Digital Cultures of Political Participation: Internet Memes and the Discursive Delegitimization of the 2016 U.S Presidential Candidates. – Discourse, Context & Media. Vol. 16. P. 1-11. <https://doi.org/10.1016/j.dcm.2017.01.001>
13. Stoletov A. Memy: mify i realnost [Memes: myths and reality] URL: <https://www.marketing.spb.ru/lib-around/socio/meme.htm>
14. Krongauz M. A. Memy v Internetе: opyt dekonstruktsii. [Memes on the Internet: an experience of deconstruction] // Nauka i zhizn. – Elektron. zhurn. № 11. 2012. (In Russ.) URL: https://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/431893/Memy_v_internete_opyt_dekonstruktsii
15. Savitskaya T. E. Internet-memy kak fenomen massovoy kultury [Internet memes as a phenomenon of popular culture]. (In Russ.) Elektron. tekstovyye dan.: URL: http://infoculture.rsl.ru/donArch/home/KVM_archive/articles/2013/03/2013-03_r_kvms3.pdf.
16. Shchurina Yu. V. Internet-memy kak sredstvo mezhkulturnoy kommunikatsii [Internet memes as a means of intercultural communication] // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2013. № 6 (81). S. 34-39. (In Russ.)
17. Veshnyakova A. V. 2016. Lingvokreativnyy aspekt internet-memov [The lingucreative aspect of Internet memes] / A. V. Veshnyakova // Aktualnyye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk. – Elektron. zhurn. № 4. (In Russ.) <https://docplayer.ru/32925724-Lingvokreativnyy-aspekt-internet-memov.html>
18. Zinovyeva N. A. 2016. Translyatsiya sotsiokulturnykh kodov v sozdaniy informatsionnogo produkta: analiz internet-memov [Translation of Sociocultural Codes in Creating an Information Product: Analysis of Internet Memes]: avtoref. dis. na soisk. uchen. step. kand. sots. nauk (22.00.06) / S.-Peterb. gos. un-t. – Sankt-Peterburg. 26 s. (In Russ.)
19. Kanashina S. V. 2017. Chto takoye internet-mem? [WHAT IS AN INTERNET MEME?]/S. V. Kanashina//Nauchnyye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki. - № 28 (277) tom 36. - S. 1-7. (In Russ.)
20. Lysenko E. N. Internet-memy v kommunikatsii molodezhi. [INTERNET MEMES IN YOUTH COMMUNICATION]// Vestnik SPbGU. Sotsiologiya. 2017. T. 10. Vyp. 4. S. 410–424. (In Russ.)
21. Shomova S. A. 2018. Memy kak oni est' [Memes as They Are]. Moscow: Aspect Press Publ. 136 p. (In Russ.)
22. Kvyat A. G. 2013. Media Meme as an Instrument of Political PR: Cognitive Approach. – Mediascope. No.1. (In Russ.) URL: <http://www.mediascope.ru/node/1254#12>
23. Stolyarov A. A. 2014. Politicheskie memy epokhi “Feisbuk-revolutsii” kak sposob konstruirovaniya mediareal’nosti [Political Memes of the Facebook Revolution Era

- as a Way of Constructing of Media Reality]. – Mediaskop. No. 3. (In Russ.) URL: <http://www.mediascope.ru/node/1590#13>
24. Shomova S. A. 2015. The Political Internet Meme: Essence, Characteristics, Types. – Business. Society. Authority. No. 22. P. 28-41. (In Russ.) URL: <https://www.hse.ru/mag/27364712/2015--22/148970323.html>
25. Shomova S. A. 2019. 2018 Russian Presidential Elections in the Mirror of Memes: New Realities of Political Communications. – Polis. Political Studies. No. 3. P. 157-173. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.03.10>
26. Slovar yazyka interneta.ru [Dictionary of the language of the Internet.ru]. 2016. Pod red. M. A. Krongauza. M.: AST Press Kniga. 288 s. (In Russ.)
27. Gabrielyan O. A., Gasparyan M.V., Kravchenko I.V. 2020. Obyektivirovannoye formirovaniye poiskovogo zaprosa dlya intellektualizirovannoy sistemy monitoringa internet-memov [Objectified formulation of a search query for an intellectualized system of monitoring Internet memes] // Distantionnyye obrazovatelnyye tekhnologii: sbornik trudov V Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii / otv. red. V. N. Taran. – Simferopol: IT «ARIAL». – S. 204-207. (In Russ.)

Gabrielian Oleg Arshavirovich, Dr. Sci. (Philosophy Sci.), Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky, Simferopol, Republic of Crimea, Russia

E-mail: gabroleg@mail.ru

Gasparyan Mikhail Vladimirovich, Ph.D. of Political Sciences, Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky, Simferopol, Republic of Crimea, Russia

E-mail: mgasp@mail.ru

УДК 327.5

О ЛИНИИ РАЗДЕЛА МЕЖДУ РОССИЕЙ И ЕВРОПОЙ

Киселев С. Н.

Аннотация: В статье рассматривается вопрос о культурно-историческом рубеже, цивилизационной границе между Россией и Европой. В публицистической и философской литературе этот вопрос в явном и неявном виде присутствует уже более 150-ти лет. В статье приводятся примеры того, как во отечественной и европейской литературе различными авторами, никак между собою не связанными, рубеж между Европой и Россией определяется по условной линии от Данцига (Гданьска) на Балтийском море до Триеста на Адриатическом. Экспансия Запада за пределы этой условной линии приводит к нарушению структуры безопасности на континенте. Именно поэтому предложение руководства России В. Путина о возвращении военной структуры НАТО к рубежам 1997 года может рассматриваться как единственная полноценная гарантия европейской стабильности.

Ключевые слова: Россия, Европа, граница, цивилизация.

Президент РФ В.В. Путин в 2005 году, обращаясь к Федеральному собранию, назвал распад СССР крупнейшей геополитической катастрофой XX века. Ее результатом стало то, что Россия, сохранив свою суверенность, была отброшена на границы XVII века. Образовавшееся «пустое пространство» стало объектом экспансии со стороны стран НАТО и ЕС, что привело в конечном итоге к угрозе самостоятельному существованию российской государственности.

Ясно осознавая эту угрозу, в МИД России разработали проекты договоров с США и НАТО о гарантиях безопасности для России. В документах, опубликованных в декабре 2021 года, содержатся положения о не расширении альянса на восток, отказе от принятия в него государств бывшего СССР и запрете на дальнейшее размещение военных и вооружение в странах Европы и других территориях. В министерстве разъясняли, что документы были переданы американской стороне, а в ведомстве рассчитывают, что на основе этих проектов договора и соглашения «США в самое ближайшее время вступят в серьезные переговоры с Россией по критически важному для поддержания мира и стабильности вопросу» [1].

На Западе предложения России назвали «ультиматумом Путина», отказ прислушаться к которому привел к необходимости объявления Специальной военной операции.

В ходе СВО стало совершенно очевидно, что Россия и Европа – не просто геополитические соперники, а различные цивилизационные сущности, стабильность отношений между которыми может существовать лишь при условии опоры на политически оформленную цивилизационную границу между ними. Поэтому постановка вопроса о

том, где проходит граница между Европой и Россией, вновь приобрела актуальность.

В истории отечественной философско-политической мысли особое место занимает книга Н.Я. Данилевского, где эта проблема рассматривается достаточно подробно. Речь идет о книге Н.Я. Данилевского «Россия и Европа», где он в том числе рассуждает о понятии «Европа», об искусственности этого политического и даже географического конструкта и о том принадлежит ли Россия Европе и, если не принадлежит, то почему. Не вдаваясь в подробности аргументации автора, занявшей несколько десятков страниц его труда, заметим, что Данилевский делает следующие выводы, а именно: что «Европы вовсе никакой нет, а есть западный полуостров Азии» [2, с. 47], что само понятие «Европа» имеет не географический, а культурно-исторический смысл, который заключается в том, что она «есть поприще германо-романской цивилизации» [2, с. 48].

У критиков Данилевского первый из его выводов всегда вызывал снисходительную улыбку, а второй – раздражение и плохо скрываемую ненависть, так как полностью обесмысливал все их потуги в стремлении цивилизовать «дикую Россию», а себя относить к просвещенной европейской элите. Сам же Николай Яковлевич никому не отказывал в праве считать себя кем угодно. Он только показывал и доказывал на основе значительного фактического материала, что это именно «германо-романцы» не считают Россию частью Европы, а русских – европейцами; что, в соответствии со своим «историческим инстинктом», они не любят Россию и славянство вообще, видят в них чуждое и враждебное для себя начало [2, с. 42, 43]. Таким образом, Данилевский сформулировал два подхода к определению понятия «Европа»: географическое и культурно-политическое.

От зарождения в античности термина «Европа» и до настоящего времени его пространственно-географический объем существенно расширился. В гимне Гомера под Европой понимается лишь часть территории Северной Греции, сейчас ее пределы распространяются на пространство от Атлантики до гор Урала. Если северные, западные и южные ее границы опираются на прибрежные пространства океанов и морей, то представление о границе между Европой и Азией постоянно изменялось во времени. Окончательно географы договорились об ее линии только в XIX веке, но до сих пор нет единства взглядов на контуры границ Европы в юго-восточном «углу» этой части света.

Уже в первой половине XIX столетия выдающийся отечественный мыслитель А.С. Хомяков настаивал на условном характере границы Европы по Уралу, определял место России там, «где кончается Европа и начинается Азия», что не следует понимать как плавный переход Европы в Азию. Россия – «особая область», которая не принадлежит, собственно, ни первой, ни последней. Традиционное деление ее территории на европейскую и азиатскую части, определяется Хомяковым как произвольное. Целостность России обосновывается им из единых «начал жизни и просвещения», хотя для подтверждения этого тезиса он готов привести аргументы из языкознания и даже геологии [3, с. 254, 255]. Отсутствие «естественного» характера границы Европы по Уралу поддерживается сегодня большинством специалистов в области политической географии.

С другой стороны, к Европе достаточно часто причисляют страны, находящиеся за пределами ее границ, но имеющие с ней «культурно-историческую близость». Напри-

мер, страны Закавказья, Республику Кипр. Автору встречалось среди работ отечественных географов начала XX века мнение, что САСШ (Северо-Американские Соединенные Штаты) – есть «отпрыск Европы в Западном полушарии». Таким образом, мысль Данилевского о том, что в понятии «Европа» отсутствует строгий географический смысл, не лишена своих оснований.

Современное деление Европы на Северную, Западную, Южную и Восточную также условно, как и выделение самостоятельной части света «Европа» на материке Евразия. В позднее средневековье под Европой понималась территория «христианского мира», затем из нее были исключены земли восточных христиан и Турции, а «подлинная Европа» рассматривалась как пространство, лежащее к западу от условной линии между Данцигом на Балтийском море и Триестом на море Адриатическом.

Указание на существование цивилизационного «водораздела» между собственно Европой и не-Европой по линии Данциг-Триест можно встретить у таких разных и никак не связанных друг с другом авторов, как Ф. Энгельс и В.И. Ламанский. Классик марксизма в одной из своих русофобских статей писал в 1853 году, «что естественная граница России идет от Данцига или Штеттина до Триеста» [4, с. 15]. Авторитетный же русский историк-славист в исследовании «Три мира Азийско-Европейского материка» (опубликованном в 1892 году) отмечал, что «Западная граница Среднего мира, отделяющая его от собственно Европы <...> упирается на севере, около Данцига, в море Балтийское, а на юге, около Триеста, в море Адриатическое» (под Средним миром он понимал пространство православно-греческой цивилизации) [5, с. 208]. Подобные мнения были распространены не только в XIX столетии, пользуются они популярностью и сегодня. Хотелось бы в этом контексте указать и на ту «разграничительную линию» в Европе, которая сложилась по итогам Второй мировой войны в результате победы СССР в Великой Отечественной войне и была утверждена на Ялтинской конференции в 1945 году – между условной Россией и условной Европой, между миром Запада и миром Востока.

Именно эта линия раздела Европы удивительным образом совпадает с западной границей Всеславянской федерации (за исключением ГДР), которую обосновал Н.Я. Данилевский в книге «Россия и Европа». Он считал ее необходимым условием политического равновесия на европейском континенте, что и было на практике доказано в период с 1945 по 1991 год.

С мнением Данилевского нельзя не согласиться. Я, например, считаю, что мир в Европе может быть обеспечен только тогда, когда доказавшая свою эффективность во времени политическая граница между романо-германской и русско-славянской цивилизациями будет восстановлена, или полоса государств между собственно европейской и собственно русской цивилизациями будет демилитаризована и нейтрализована, к чему Россия и приступила 24 февраля 2022 года.

Окажется ли подобная титаническая задача по силам России? Время покажет. И здесь не последнюю роль должны сыграть единство ее народов, политическое единство ее элиты и самодостаточность экономики. Последнее является старинным спором меж-

ду отечественными либералами и консерваторами. К чему приводит победа либералов в этом споре, все мы наблюдали последние 30 лет. К чему может привести последовательная политика государственников, традиционалистов и охранителей лучше всего свидетельствуют слова экономиста Александра Галушко, который утверждает, что Российская Федерация в настоящее время обладает одним из самых высоких потенциалов экономической самостоятельности в мире, что надежно обеспечивает возможность ее прорыва в будущее.

Огромность и самодостаточность России – это те два фактора, которые вызывают на протяжении уже нескольких столетий стремление коллективного Запада расчленить и уничтожить нашу страну. Это те два фактора, которые обеспечивают ей устойчивость и возможность противостоять вызову Запада, уходящему с мировой арены как доминирующая сила. Когда-то многолетний Председатель Еврокомиссии Жозе Мануэл Баррозу сказал, что «Россия – это континент, который притворяется страной, Россия – это цивилизация, которая притворяется нацией». России не надо притворяться. О том, что она тождественна понятию «континент» 100 лет назад писали евразийцы, а то, что она самостоятельная цивилизация, 150 лет назад доказал Н.Я. Данилевский.

Следует отметить, что в современной России много и с удовольствием говорят о Данилевском, о его теории культурно-исторических типов, вкладе в развитие отечественной историософии и т.д., но пока еще мало делают, т.е. трудятся над подлинной пропагандой идей нашего выдающегося мыслителя, над распространением его продуманных оценок и рекомендаций по поводу нашего извечного противостояния с миром Запада, которое сейчас приобрело вновь чрезвычайно острый характер.

В настоящее время мы наблюдаем процесс возвращения Россией своих исторических цивилизационных территорий, о неизбежности которого, например, было указано в исследовании «Размышление о Крыме и геополитике», написанного еще в 1994 году, когда постсоветское пространство находилось в состоянии распада и жесточайшего экономического кризиса: «С восстановлением государственной мощи России неминуемо восстановится ее сильная внешняя политика и начнется обратное движение от рубежей предательства к рубежам победы» [6, с. 34].

Ход политических событий на данный момент полностью оправдывает этот прогноз.

Список литературы

1. О российских проектах документов по обеспечению правовых гарантий безопасности со стороны США и НАТО // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1790809/
2. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. – СПб.: Тип. братьев Пантелеевых, 1895. – 667 с.
3. Хомяков А. С. Разговор в Подмосквонной // А. С. Хомяков. О старом и новом. Статьи и очерки. – М., 1988. – С. 252–277.
4. Энгельс Ф. Действительно спорный пункт с Турцией // К. Маркс, Ф. Энгельс.

Сочинения. Т. 9. – М., 1958. – С. 11–15.

5. Ламанский В. И. Три мира Азийско-Европейского материка // В.И. Ламанский. Геополитика панславизма. – М., 2010. – С. 183–323.
6. Киселев С. Н., Киселева Н. В. Размышление о Крыме и геополитике // С. Н. Киселев, Н. В. Киселева. – Симферополь: Крымский архив, 1994. – 34 с.

Сведения об авторе

Киселев Сергей Николаевич, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры физической и социально-экономической географии, ландшафтоведения, геоморфологии факультета географии, геоэкологии и туризма Института «Таврическая академия» Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского

E-mail: kiselev.crimea@gmail.com

Kiselev S. N.

ON THE DIVISION LINE BETWEEN RUSSIA AND EUROPE

***Annotation** The article deals with the question of the cultural and historical boundary, the civilizational boundary between Russia and Europe. This question has been present in the journalistic and philosophical literature in an explicit and implicit form for more than 150 years. The article gives examples of how in domestic and European literature by various authors, who are in no way connected with each other, the border between Europe and Russia is determined along a conditional line from Stettin on the Baltic Sea to Trieste on the Adriatic. The expansion of the West beyond this conditional line leads to a violation of the security structure on the continent. That is why the proposal of the leadership of Russia V. Putin to return the NATO military structure to the 1997 borders can be considered as the only full-fledged guarantee of European stability.*

Keywords: Russia, Europe, border, civilization.

References

1. O rossijskih proektah dokumentov po obespecheniyu pravovyh garantij bezopasnosti so storony SSHA i NATO // [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1790809/
2. Danilevskij N. YA. Rossiya i Evropa. – SPb.: Tip. brat'ev Panteleevykh, 1895. – 667 s.
3. Homyakov A.S. Razgovor v Podmoskovnoj // A.S. Homyakov. O starom i novom. Stat'i i ocherki. – М., 1988. – S. 252–277.
4. Engel's F. Dejstvitel'no spornyj punkt s Turciej // K. Marks, F. Engel's. Sochineniya. T. 9. – М., 1958. – S. 11–15.
5. Lamanskij V. I. Tri mira Azijsko-Evropejskogo materika // V. I. Lamanskij. Geopolitika

panslavizma. – М., 2010. – С. 183–323.

6. Kiselev S. N., Kiseleva N. V. Razmyshlenie o Kryme i geopolitike // S. N. Kiselev, N. V. Kiseleva. – Simferopol': Krymskij arhiv, 1994. – 34 s.

Kiselev Sergey Nikolaevich – Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Physical and Socio-Economic Geography, Landscape Science, Geomorphology of the Faculty of Geography, Geoecology and Tourism of the Institute «Tauride Academy» of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky

E-mail: kiselev.crimea@gmail.com

УДК: 323

БАЗИС ДЛЯ НОВОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ефремова М. С.

Аннотация: Несмотря на предпринимаемые усилия, следует констатировать, что большинство существующих в нашей стране экологических проблем не только не решены, но некоторые даже обострились. В общественном сознании растет понимание того, что инструменты, которые до сих пор использовались в решении этих проблем, не справляются с поставленными задачами. В настоящее время в среде общественных активистов проявляется неподдельный интерес к анализу существующих экологических проблем. Цель: разработка новых идей и направлений совершенствования экологической политики РФ. Задачи: в статье анализируются существующие проблемы, а также опыт стран на Евразийском пространстве. Методология: в процессе написания работы были использованы элементы сравнительного и системного подходов, в рамках которых применялись общенаучные методы анализа, синтеза, дедукции и индукции. Научная новизна: на основе анализа были выделены следующие основные экологические проблемы, которые существуют в РФ (вопросы обращения с отходами, загрязнение вод, уничтожение лесного массива, скептическое отношение к «альтернативной» и «зеленой» энергии) и выдвинуты возможные пути решения существующих проблем. Результаты: В результате исследования выявлена необходимость рассматривать новые тенденции экологической политики РФ с позиции политической экологии. Среди необходимых мер стоит отметить следующие: внедрение новой идеологии, которая будет ставить на первое место гармоничные отношения природы и человека; внедрение экологического образования; новая система подготовки и переподготовки специалистов, включающая дополнительные курсы по экологически ориентированному образу жизни; информационная политика, раскрывающая сущность существующих экологических проблем и необходимость их решения, начиная с бытового уровня; поддержка экологических организаций; внедрение кардинально нового подхода к альтернативной энергетике и «зеленым» технологиям.

Ключевые слова: экология, политическая экология, экологическая политика, РФ, EPI, экологическая идеология, экологическое сознание.

Введение

В настоящий момент весь мир находится в непростой геополитической ситуации, но не стоит забывать и о существующих экологических проблемах, не решение которых создаст угрозу будущему существованию людей на Земле [5]. Стоит отметить основные риски, которые возникают перед РФ в случае игнорирования существующих экологиче-

ских проблем и угроз [21]:

1. Экономические риски. При игнорировании РФ современных направлений развития, связанных с альтернативными источниками энергии, а также «зеленых» технологий, возникает риск неконкурентоспособности российских компаний, которые занимаются добычей ископаемого топлива и последующей его реализации [18].

2. Внешнеполитические риски. РФ не только не всегда рассматривается как страна, способная решить мировые экологические проблемы, но и как страна, не ставящая их в приоритет. Это сильно подрывает имидж государства [14]. Более того, РФ имеет возможности в недалеком будущем приобрести статус экологического вредителя [17].

3. Внутриполитические риски. Недовольство населения страны по причине ухудшения окружающей среды в государстве и нарастающих вследствие этого социальных проблем приведет к дополнительным внутренним рискам [19].

Оценка экологичности государств

Одним из способов оценки экологического состояния государства является рейтинговый метод [6]. Наиболее популярным является рейтинг экологически чистых стран мира (ЕРІ). Данный рейтинг оценивает не только состояние окружающей среды в конкретной стране, но и качество проводимой государственной экологической политики, нагрузку экономики на экологию, здоровье населения и прочие параметры [22].

Индекс ЕРІ включает в себя две большие группы критериев: экологическое здоровье и жизнеспособность экосистемы. Цель первой группы критериев определить, насколько хорошо страны защищают свое население от рисков для здоровья, связанных с состоянием окружающей среды. В эту группу входят следующие категории: оценка качества воздуха, доступ к питьевой воде, прямое воздействие загрязнения тяжелыми металлами на здоровье человека и вопросы обращения с отходами.

В данном рейтинге РФ занимает 58 место из 180 стран по результатам 2020 года. Значение ЕРІ у РФ 50,5 (максимальное возможное – 100). Для сравнения у Дании, которая находится на первом месте, 82,5. За десять лет данный рейтинг у РФ повысился всего на 3,9 пункта. Для сравнения самое большое изменение у Бахрейна – 17,3, который занимает 56 место в рейтинге.

Таким образом, незначительное изменение ЕРІ за последнее десятилетие показывает, что РФ есть куда стремиться, особенно учитывая, что в данном рейтинге государство опережают даже ряд стран бывшего СССР: Эстония, Армения, Латвия, Литва, Беларусь [7].

Современные экологические проблемы Российской Федерации

Стоит оценить проблемы, которые выделяются исходя из анализа рейтинга ЕРІ. Первая большая группа критериев оценивания – это показатели здоровья. По данному рейтингу РФ занимает 57 место среди других стран. Значение критерия – 53 (для сравнения Финляндия – 99,3). Значение данного показателя увеличилось на 8 пунктов за последнее 10 лет.

В данной группе четыре показателя:

1. Качество воздуха. По данному критерию РФ занимает 47 место среди других

стран. Значение критерия – 54,1 (для сравнения Финляндия – 98,8). Значение данного показателя увеличилось на 14,1 пунктов за последнее 10 лет.

2. Качество питьевой воды. По данному критерию РФ занимает 64 место среди других стран. Значение критерия – 55,4 (Финляндия, Исландия, Нидерланды, Норвегия, Швейцария, Великобритания – 100). Значение данного показателя увеличилось всего на 1 пункт за последнее 10 лет.

3. Воздействие тяжелых металлов. По данному критерию РФ занимает 37 место среди других стран. Значение критерия – 72,2 (Дания, Финляндия, Япония – 100). Значение данного показателя увеличилась на 9,5 пунктов за последнее 10 лет.

4. Управление твердыми бытовыми отходами. По данному критерию Россия занимает 122 место среди других стран. Значение критерия – 3,2 (Колумбия, Нидерланды – 100).

Вторую часть показателя ЕРІ составляют соответственно показатели экосистемы. По данному рейтингу РФ занимает 72 место среди других стран. Значение критерия – 48,8 (Дания – 76,4). Значение данного показателя изменилось всего на 1,1 пунктов за последнее 10 лет.

В данной группе оцениваются следующие показатели:

1. Биоразнообразие. В данной категории оцениваются действия стран по сохранению природных экосистем и защите всего спектра биоразнообразия. РФ занимает в рейтинге 111 мест. Значение критерия – 54,1 (Ботсвана – 91,6). Значение данного показателя уменьшилось на 0,6 пунктов за последнее 10 лет.

2. Экосистемные услуги. Данный показатель включает анализ благ, которые люди бесплатно получают из окружающей среды при правильно функционирующих экосистемах. По данному рейтингу РФ занимает 113 место среди других стран. Значение критерия – 28,6 (Бахрейн, Исландия, Мальта, Микронезия, Сан-Томе и Принсипи, ОАЭ – 100). Значение данного показателя уменьшилось на 5 пунктов за последнее 10 лет.

3. Рыболовство. Данный показатель включает, в том числе, анализ состояния рыбных запасов. По данному рейтингу РФ занимает 133 место среди других стран. Значение критерия – 4,3 (Сингапур – 71,4). Значение данного показателя увеличилось всего лишь на 0,4 пункта за последнее 10 лет.

4. Изменение климата. Данный показатель включает в том числе анализ выбросов парниковых газов (например, углекислого газа). По данному рейтингу РФ занимает 57 место среди других стран. Значение критерия – 59,9 (Дания – 95). Значение данного показателя увеличилось всего лишь на 4,6 пункта за последнее 10 лет.

5. Выбросы загрязняющих веществ. Данный показатель включает, в том числе, анализ выбросов основных загрязнителей воздуха (оксида серы и оксида азота). По данному рейтингу РФ занимает 50 место среди других стран. Значение критерия – 81 (Албания, Австрия, Азербайджан, Бельгия, Болгария, Канада, Чехия, Дания, Франция, Ирландия, Люксембург, Нидерланды, Македония, Румыния, Словакия, Южная Корея, Испания, Швеция, Швейцария, Великобритания, Тайвань, США – 100). Значение данного показателя уменьшилось на 11,6 пункта за последнее 10 лет.

6. Минимизация угроз от сельского хозяйства (выбросов азота) для окружающей среды. По данному рейтингу РФ занимает 26 место среди других стран. Значение критерия – 60,5 (для сравнения Украина – 79,5). Значение данного показателя увеличилось на 8,6 пункта за последнее 10 лет.

7. Очистка сточных вод. В данном рейтинге РФ занимает 58 место среди других стран. Значение критерия – 18,5 (Дания, Финляндия, Нидерланды, Сингапур, Швеция – 100).

Таким образом, в настоящий момент можно выделить следующие основные экологические проблемы, существующие в РФ:

1. Обращение с отходами. В стране накопились миллиарды тон отходов, часть из которых можно было использовать повторно. Другая часть отходов не подвергается разложению или разлагается достаточно медленно, выбрасывая отравляющие вещества в атмосферный воздух, а также отравляя почву и сточные воды, что также является серьезной проблемой [3].

2. Загрязнение вод. Под угрозой находятся в том числе грунтовые воды, которые загрязняются промышленными выбросами, а также нитратами и отходами животноводства, и другими отравляющими средствами [8].

3. Уничтожение лесного массива. Леса играют важную роль в сохранении углеродного баланса и характера климата. В РФ существует проблема, связанная с незаконной вырубкой лесов [9].

4. Скептическое отношение к «альтернативной» энергии. Имея большие запасы природных ресурсов (газа, нефти), РФ консервативно относится к иным источникам энергии [12].

Существующая экологическая политика РФ

В настоящий момент одним из основных документов, регулирующих современную экологическую политику России, является национальный проект «Экология».

Среди целей программы стоит выделить следующие:

1. Урегулирование вопроса в обращении с ТБО, ликвидация незаконных свалок.
2. Снижение выбросов в атмосферный воздух.
3. Повышение качества питьевой воды.
4. Сохранение уникальных водных систем, биоразнообразия, баланса между рубкой и воспроизводством лесного массива [23].

Также важным нормативным актом, определяющим экологическую политику, является Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года, который содержит показатели экологического развития РФ [24]. Анализируя данный показатели, можно сделать вывод, что основное внимание уделяется уменьшению количества выбросов в атмосферный воздух и объема отходов.

Кроме того, стоит упомянуть программы политических партий, которые оказывают значительное влияние на проводимую политику. Партия «Единая Россия» заняла лидирующие позиции в парламенте, по итогам выборов 2021 года (49,82 %), поэтому стоит рассмотреть предвыборную программу данной партии. Основное внимание в сфере эко-

логии в программе акцентируется на решении проблем вредных выбросов в атмосферу, нехватки чистой воды, утилизации отходов и свалок [25].

Однако стоит отметить, что среди предложенных мероприятий мало внимания уделяется экологическому образованию и просвещению граждан, созданию модели умеренного потребления [11].

Новая экологическая политика РФ

Среди необходимых мер стоит отметить следующие:

1. Новая идеология, ставящая на первое место гармоничные отношения природы и человека. Данная идеология должна пропагандировать здоровый образ жизни и благополучие, как одного из жизненных приоритетов, а не потребления [10]. Например, создания условий для перехода богатой и сверхбогатой части населения к более скромным моделям потребления, за счет введения прогрессивного налогообложения и повышенных налогов на предметы роскоши [16].

2. Экологическое образование. Необходимо начинать экопросвещение с самого раннего возраста, чтобы формировать экологическое сознание у граждан страны с самого детства [15].

3. Подготовка специалистов. Необходимо усовершенствовать систему подготовки специалистов, в том числе ввести дополнительные курсы по экологоориентированному образу жизни [4].

4. Информационная политика. Необходимо рассказывать о существующих экологических проблемах и о важности их минимизации и предотвращении [13].

5. Поддержка экологических организаций. Особенно это важно для местных организаций, которые имеют больше информации относительно существующих в их регионе проблем [2].

6. Новый подход к альтернативной энергетике. РФ в XXI веке должна перейти на инновационную ресурсную экономику, основанную на интеграции природных богатств, высоких технологий и современных практик природопользования [1].

Выводы

Одним из наиболее популярных способов оценки экологичности государства является рейтинг экологических чистых стран мира (EPI). РФ занимает 58 место из 180 стран в данном рейтинге по результатам 2020 года. На основе анализа данного рейтинга можно выделить следующие основные экологические проблемы, которые существуют в РФ: обращение с отходами, загрязнение вод, уничтожение лесного массива, скептическое отношение к «альтернативной» энергии. Среди необходимых мер экологической политики стоит отметить следующие: новая идеология, ставящая на первое место гармоничные отношения природы и человека; экологическое образование; подготовка специалистов; информационная политика; поддержка экологических организаций; новый подход к альтернативной энергетике.

Список литературы

1. Борисов Н. А., Волков В. А. Понятие экологического государства в контексте формирования политической экологии. *Управленческое консультирование*. 2014. №2. С. 27–35.
2. Борисов Н. А., Волков В. А. Экологическая парадигма как основание политической экологии. *Власть*. 2013. №2. С. 167–170.
3. Борисов Н. А., Волков В. А. Экологический кризис как детерминанта структуры современной политической экологии. *Власть*. 2014. №3. С. 81–86.
4. Глушенкова Е. И. Экополитология как направление научных исследований: возникновение и эволюция. *Политическая наука*. 2010. №2. С. 8–32.
5. Мармазова Т. И., Фоменко М. В. Политическая экология: теория и прикладное значение. *Право и практика*. 2021. №1. С. 198–204.
6. Посталовская О. А. Экополитический процесс: понятие, структура, стадии // *Научные труды Белорусского государственного экономического университета*. 2021. С. 659–665.
7. Поворот к природе: новая экологическая политика России в условиях «зеленой» трансформации мировой экономики и политики: доклад по итогам серии ситуационных анализов / Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Факультет мировой экономики и мировой политики. - М.: Международные отношения, 2021. - 97 с.
8. Пястолов С. М. Политическая экология: новая парадигма на основе старой идеи. *Terra Economicus*. 2015. №4(13). С. 17–30.
9. Романова Т. А. Что такое политическая экология? От практики к теории и стратегии. *Russia in Global Affairs*. 2010. №5(8). С.155–164.
10. Якуцени С. П., Буровский А. М. Политическая экология. - М., Берлин: Директ-Медиа, 2015. – 426 с.
11. Abou-Chadi T., Kayser, M. A. It's not easy being green: Why voters punish parties for environmental policies during economic downturns // *Electoral studies*. 2017. 45. P. 201–207.
12. Acheampong M. «Critical Ecosystem» as a concept in political ecology – developing a comprehensive analytical framework. *Journal of Political Ecology*. 2020. №27(1). P. 190–212.
13. Benjaminsen T., Svarstad H. Political Ecology. *Encyclopedia of Ecology* (Second Edition). 2019. №4. P. 391–396.
14. Bouleau G. Motives for Anticipating the Ecological Crisis // *Politicization of Ecological Issues: From Environmental Forms to Environmental Motives*. 2019. pp. 123–131.
15. Brown C., Rounsevell M. How can social–ecological system models simulate the emergence of social–ecological crises? // *People and Nature*. 2021. pp. 88–103.
16. Harper T. Ecological Gentrification in Response to Apocalyptic Narratives of Climate Change: The Production of an Immuno-political Fantasy // *International Journal of*

- Urban and Regional Research. Volume 44, Issue 1. 2019. pp. 55-71.
17. Huber R. A., Wicki M. L., Bernauer T. Public support for environmental policy depends on beliefs concerning effectiveness, intrusiveness, and fairness // *Environmental Politics*. Volume 29. Issue 4. 2020. pp. 649-673.
 18. Hughes C. It's not easy being green, white, red, and blue: constituency representations versus electoral competition in the Wisconsin green party // *International journal of politics culture and society*. 2020. pp. 49-63.
 19. Karlsson B. Political ecology: anthropological perspectives. *International encyclopedia of the social and behavioral sciences*. 2015. №5. 350 p.
 20. Pepper D. *Eco-socialism: from deep ecology to social justice* // Routledge. 1993. p. 298.
 21. Эксперты назвали основные риски экологической политики России // РБК [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/12/04/2021/606dbe8e9a7947bf5d5e8ed6>.
 22. Environmental Performance Index [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://epi.yale.edu/> (дата обращения 10.07.2022).
 23. Паспорт национального проекта «Экология» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: file:///C:/Users/%D0%9C%D0%B0%D1%80%D0%B8%D1%8F/Downloads/NP_EkologiyaPasport.pdf.
 24. Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года (разработан Минэкономразвития России) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144190/de41f44efafe564e84fda0848109adff35a42658/.
 25. Народная программа «Единой России» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://er.ru/party/program/>.

Сведения об авторе

Ефремова Мария Сергеевна – аспирант Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации по направлению подготовки «Политические науки», Санкт-Петербург, Россия.

Email: mefremova-14-01@edu.ranepa.ru

Efremova M. S.

THE BASIS FOR THE NEW ENVIRONMENTAL POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION

***Annotation:** Most of the existing environmental problems have not been resolved yet, and some of them become aggravated. There is awareness that the tools that have been used so far to solve these problems can't handle them. There is an interest in the analysis of existing environmental problems among social activists. Aim: the purpose of this article is to develop*

new ideas and directions for improving the environmental policy of Russia. Tasks: in the article, the author analyzes the existing problems, as well as the experience of countries in the Eurasian space. Methods: in work were used elements of comparative and systematic approaches and general scientific methods of analysis, synthesis, deduction and induction. Results: the study revealed the need to consider new trends in the environmental policy of Russia from the standpoint of political ecology. Among the necessary measures, it is worth noting the following: the introduction of a new ideology that will put in the first place the harmonious relationship between nature and man; introduction of environmental education; a new system of studding of specialists, including courses on an environmentally oriented lifestyle; information policy, revealing the essence of existing environmental problems,; support for environmental organizations; introduction of a new approach to alternative energy and «green» technologies. Conclusion: the main environmental problems that exist in Russia: waste management issues, water pollution, deforestation, skepticism towards «alternative» and «green» energy.

Keywords: ecology, political ecology, environmental policy, Russia, EPI, environmental ideology, environmental awareness.

References

1. Borisov N. A., Volkov V. A. Ponyatie ekologicheskogo gosudarstva v kontekste formirovaniya politicheskoy ekologii. Upravlencheskoe konsul'tirovanie. 2014. 2. P. 27–35.
2. Borisov N. A., Volkov V. A. Ekologicheskaya paradigma kak osnovanie politicheskoy ekologii. Vlast'. 2013. 2. P. 167–170.
3. Borisov N. A., Volkov V. A. Ekologicheskij krizis kak determinanta struktury sovremennoj politicheskoy ekologii. Vlast'. 2014. 3. P. 81–86.
4. Glushenkova E. I. Ekopolitologiya kak napravlenie nauchnyh issledovanij: vzniknoenie i evolyuciya. Politicheskaya nauka. 2010. 2. P. 8–32.
5. Marmazova T. I. Fomenko M. V. Politicheskaya ekologiya: teoriya i prikladnoe znachenie. Pravo i praktika. 2021. 1. P. 198–204.
6. Povорот к природе: novaya ekologicheskaya politika Rossii v usloviyah «zelenoj» transformacii mirovoj ekonomiki i politiki: doklad po itogam serii situacionnyh analizov / Nacional'nyj issledovatel'skij universitet «Vysshaya shkola ekonomiki», Fakul'tet mirovoj ekonomiki i mirovoj politiki. - M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2021. - 97 s.
7. Postalovskaya O. A. Ekopoliticheskij process: ponyatie, struktura, stadii // Nauchnye trudy Belorusskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta. 2021. P. 659-665.
8. Pyastolov S. M. Politicheskaya ekologiya: novaya paradigma na osnove staroj idei. Terra Economicus. 2015. 4 (13). 17–30 P.

9. Romanova T. A. CHto takoe politicheskaya ekologiya? Ot praktiki k teorii i strategii. *Russia in Global Affairs*. 2010. 5(8). P. 155–164.
10. Yakuceni S.P. Burovskij A. M. *Politicheskaya ekologiya*. - M., Berlin: Direkt-Media, 2015. – 426 P.
11. Abou-Chadi T., Kayser, M. A. It's not easy being green: Why voters punish parties for environmental policies during economic downturns // *Electoral studies*. 2017. 45. P. 201-207.
12. Acheampong M. «Critical Ecosystem» as a concept in political ecology – developing a comprehensive analytical framework. *Journal of Political Ecology*. 2020. №27(1). P. 190–212.
13. Benjaminsen T., Svarstad H. *Political Ecology*. *Encyclopedia of Ecology* (Second Edition). 2019. №4. P. 391–396.
14. Bouleau G. Motives for Anticipating the Ecological Crisis // *Politicization of Ecological Issues: From Environmental Forms to Environmental Motives*. 2019. pp. 123–131.
15. Brown C., Rounsevell M. How can social–ecological system models simulate the emergence of social–ecological crises? // *People and Nature*. 2021. pp. 88-103.
16. Harper T. Ecological Gentrification in Response to Apocalyptic Narratives of Climate Change: The Production of an Immuno-political Fantasy // *International Journal of Urban and Regional Research*. Volume 44, Issue 1. 2019. pp. 55-71.
17. Huber R. A., Wicki M. L., Bernauer T. Public support for environmental policy depends on beliefs concerning effectiveness, intrusiveness, and fairness // *Environmental Politics*. Volume 29. Issue 4. 2020. pp. 649-673.
18. Hughes C. It's not easy being green, white, red, and blue: constituency representations versus electoral competition in the Wisconsin green party // *International journal of politics culture and society*. 2020. pp. 49-63.
19. Karlsson B. Political ecology: anthropological perspectives. *International encyclopedia of the social and behavioral sciences*. 2015. №5. 350 p.
20. Pepper D. *Eco-socialism: from deep ecology to social justice* // Routledge. 1993. p. 298.
21. Eksperty nazvali osnovnye riski ekologicheskoy politiki Rossii // RBK [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.rbc.ru/politics/12/04/2021/606dbe8e9a7947bf5d5e8ed6>.
22. Environmental Performance Index [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://epi.yale.edu/> (data obrashcheniya 10.07.2022).
23. Pasport nacional'nogo proekta «Ekologiya» [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: file:///C:/Users/%D0%9C%D0%B0%D1%80%D0%B8%D1%8F/Downloads/NP_EkologiyaPasport.pdf.
24. Prognoz dolgosrochnogo social'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda (razrabotan Minekonomrazvitiya Rossii) [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144190/de

41f44efafe564e84fda0848109adff35a42658/.

25. Narodnaya programma «Edinoj Rossii» [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://er.ru/party/program/>.

Efremova Maria Sergeevna – Postgraduate Student of the North-West Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration in the field of Political Sciences, St. Petersburg, Russia.

Email: mefremova-14-01@edu.ranepa.ru

CONTENT

PHILOSOPHY

Sverguzov A. T. The problem of origin in the structure of the “basic question of philosophy”.....	4
Lagunov A. A., Semkina E. N., Yushchenko V. N. Features of the russian metaethnic mentality: a methodological sketch.....	14
Shmatko A. A. Historical consciousness as a factor of demythologization and detraumatization of public consciousness.....	25
Zhulkov M. V. Geopolitical triangles in the context of a multipolar world: a systematic approach.....	33
Minogue K. How civilizations fall / translated from English by S. Perederiy, O. Shevchenko.....	50
Swinburne R. The vocation of a natural theologian (the final part) / translated from English by A. Karabykov, T. Khrenova.....	65

CULTURAL STUDIES

Leonov I. V., Kirillov I. V. Artifacts with military «scars» and their status in Russian culture: on the example of the monuments of Sevastopol and the Republic of Crimea.....	76
Volodin A. N., Kuramshina J. V. Utopia, leisure and duty: spare time of soviet citizens in the state ideology (1960–1985).....	89
Khrapova V. A., Komova V. A. Brand as a way of forming the cultural status of the city.....	98

POLITICAL SCIENCE

Gabrielian O. A., Gasparyan M. V. The system for automated monitoring of political internet memes on social media.....	106
Kiselev S. N. On the division line between Russia and Europe.....	122
Efremova M. S. The basis for the new environmental policy of the Russian Federation.....	128